

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК **финно-угорских исследований**

Вып. 1

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Vol. 1

Ижевск

2014

Редакционный совет:

- В. Е. Владыкин* (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Керези (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркуский университет)
С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

- В. М. Ванюшев* (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)

Editorial council:

- V. Ye. Vladykin* (Izhevsk, Udmurt State University)
D. V. Gerasimova (Khanty-Mansiysk, Yugorsk State University)
A. Ye. Zagrebin (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS) – chairman of the board
N. G. Zajtseva (Petrozavodsk, Institute of Language, Literature and History of KarRC RAS)
A. S. Kazimov (Yoshkar-Ola, Mari scientific-research institute of Language, Literature and History)
A. Kerezhi (Budapest, Ethnographic Museum)
V. M. Ludykova (Syktyvkar, Syktyvkar State University)
I. V. Menshikov (Izhevsk, Udmurt State University)
Yu. A. Mishanin (Saransk, Mordovian State University named after N. P. Ogarev)
S. Saarinen (Finland, Turku University)
S. Tot (Estonia, Tartu University)
I. L. Zherebtsov (Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History of Komi scientific center of UB RAS)
E. P. Shemetova (Moscow, Moscow State University of Printing Arts)
E. Tuluz (France, Institute of oriental cultures and civilizations)
V. A. Yurchenkov (Saransk, Research Institute of Humanities under the Government of Republic of Mordovia)

Editorial board:

- V. M. Vanyushev* (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
T. G. Vladykina (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
V. N. Denisov (St. Petersburg–Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
M. G. Ivanova (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
A. S. Izmajlova (Izhevsk, Udmurt State University)
A. V. Ishmuratov (Izhevsk, Udmurt State University) – deputy editor
R. V. Kirillova (Izhevsk, Udmurt State University)
N. I. Leonov (Izhevsk, Udmurt State University)
R. Sh. Nasibullin (Izhevsk, Udmurt State University)
G. A. Nikitina (Izhevsk, Udmurt State University)
V. G. Semenov (Izhevsk, Udmurt State University)
I. V. Tarakanov (Izhevsk, Udmurt State University)
N. A. Fedoseeva (Yoshkar-Ola, Mari scientific-research institute of Language, Literature and History)

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Г. В. Мерзлякова*, доктор исторических наук,
профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д. И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 1 / Науч. ред.
А. Е. Загребин; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред.
Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – 142 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

Подписку на журнал «Ежегодник финно-угорских исследований» можно оформить в любом отделении Почты России. Индекс издания в каталоге Агентства «Роспечать» 66028.

© Удмуртский государственный университет, 2014

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	9
<i>Карпова Л. Л.</i> Профессор И. В. Тараканов и удмуртское языкознание (к 85-летию со дня рождения)	9
<i>Закиев М. З.</i> Пора приступить к составлению академической лексикологии	15
<i>Атаманов М. Г.</i> Культ <i>Керемета / Луда</i> в среде удмуртов и его отражение в топонимии	20
<i>Ивишин Л. М.</i> Письменные памятники удмуртского языка в исследованиях И. В. Тараканова	36
<i>Титова О. В.</i> О способах образования новых терминов в удмуртском языке	41
<i>Ракин А. Н.</i> Морфологические обозначения в системе названий растений удмуртского языка	47
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	55
<i>Глухова Н. Н.</i> Архетипы пространства в марийском фольклоре	55
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	60
<i>Измайлова А. С.</i> Архетип ласточки в удмуртской литературе	60
<i>Пантелеева В. Г.</i> Оппозиция концептов «жизнь – смерть» в художественном сознании Флора Васильева	66
<i>Чикина Н. В.</i> Детская карелоязычная литература кон. XX – нач. XXI в.	72
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	85
<i>Перевозчикова С. А., Перевозицков С. Е.</i> Предварительные исследования Гольянского кладбища нового времени в Прикамье	85
<i>Пономарёв А. М.</i> Изменения ресурсной базы воспроизводства этничности в современной удмуртской деревне	94
<i>Смирнова С. Д., Барханова Л. В., Васина Т. А., Сидорова А. П.</i> Развитие отраслевой энциклопедистики: из опыта работы Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН	99

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО	107
<i>Килина О. В.</i> Русская и удмуртская народные традиции как психолого-педагогическое средство преодоления одинокчества	107
СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ	113
<i>Дерюгин А. А., Ежова О. В.</i> Организация практикоориентированных турниров для школьников, как форма образовательной, воспитательной и профорIENTATIONной работы	113
ЮБИЛЕИ	118
<i>Некрасова Г. А., Цытанов Е. А.</i> К 75-летию профессора Евгения Александровича Игушева	118
<i>Ковалев Ю. В., Каменщиков Ю. Г., Лекомцев В. Т.</i> Ученый, педагог, завкафедрой Валентина Николаевна Белоусова	123
ДИСКУССИИ	127
<i>Черных Е. М.</i> «Историко-культурное наследие как ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества» (XIV-е Бадеровские чтения). Ижевск, 14–15 октября 2013 г.	127
ОТЗЫВЫ	135
<i>Садиков Р. Р.</i> О диссертации И. К. Назмутдиновой «Семейный этикет в системе традиционной и современной культуры удмуртов»	135

CONTENTS

LINGUISTICS	9
<i>Karpova L. L.</i> Professor I. V. Tarakanov and the Udmurt linguistics (to the 85th anniversary of birthday)	9
<i>Zakiev M. Z.</i> It is time to start making an academic lexicology	15
<i>Atamanov M. G.</i> <i>Keremet / Lud</i> Worship in the midst of the Udmurts and its Reflection in Toponymy	20
<i>Ivshin L. M.</i> The written monuments of the Udmurt language in researches of I. V. Tarakanov	36
<i>Titova O. V.</i> The ways of formation of new terms in the Udmurt language	41
<i>Rakin A. N.</i> Morphological indications in the system of plant names of the Udmurt language	47
FOLKLORISTICS	55
<i>Gluhova N. N.</i> Archetypes of space in the Mari folklore	55
STUDY OF LITERATURE	60
<i>Izmailova A. S.</i> The archetype of swallow in the Udmurt literature	60
<i>Panteleeva V. G.</i> Opposition of life and death concepts in the imaginative world of Flor Vasiliev	66
<i>Chikina N. V.</i> Children's literature in the Karelian language of the end of XX – beginning of XXI century	72
HISTORY, ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY	85
<i>Perevozchikova S. A., Perevoschikov S. E.</i> Preliminary studies of Goljansky cemetery of the new time in Prikamye	85
<i>Ponomarjov A. M.</i> Changes in the resource base ethnicity reproduction of modern Udmurt village	94
<i>Smirnova S. D., Barhanova L. V., Vasina T. A., Sidorova A. P.</i> The development of the encyclopedic department: from the experience of work of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences	99
CULTURE, ART	107
<i>Kilina O. V.</i> Russian and Udmurt folk traditions as psychological- pedagogical means of overcoming the loneliness	107

S O C I A L E C O L O G Y	113
<i>Deryugin A. A., Yezhova O. V.</i> The organization of the practice-oriented competitions for schoolchildren, as a form of educational and vocational work	113
A N N I V E R S A R I E S	118
<i>Nekrasova G. A., Tsypanov E. A.</i> To the 75th anniversary of Professor Evgeny Alexandrovich Igushev	118
<i>Kovalev Y. V., Kamenschikov Y. G., Lekomtsev V. T.</i> Scientist, teacher, head of the Department Valentina Belousova	123
D I S C U S S I O N S	127
<i>Chernyh Ye. M.</i> Historical-cultural heritage as a resource of formation of the socio-historical memory of the civil society» (XIV Baderovsky readings). Izhevsk, 14–15 October, 2013	127
R E V I E W S	135
<i>Sadikov R. R.</i> About the dissertation of I. K. Nazmutdinova ‘Family etiquette in the system of traditional and modern culture of the Udmurts’	135

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 929

Л. Л. Карпова

ПРОФЕССОР И. В. ТАРАКАНОВ И УДМУРТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Профессор И. В. Тараканов – один из ведущих финно-угроведов, крупный специалист по пермским языкам, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки УР и РФ. Имя и труды его широко известны не только в России, но и далеко за ее пределами. Им опубликовано более 150 научных работ (в их числе свыше 10 книг и брошюр: монографий, учебников, учебных пособий, типовых и рабочих программ, учебно-методических разработок для вуза и школ), многие из которых стали теоретической и методологической основой исследования удмуртского языка и его практического изучения в высших учебных заведениях Удмуртии и за ее пределами.

И. В. Тараканов родился 2 июля 1928 г. в удмуртском селе Покровский Урустамак Бавлинского р-на Татарской АССР (ныне Республика Татарстан). Его трудовая биография началась в 1943 г., когда, окончив семилетку в родном селе, больше года он вынужден был работать в колхозе. Затем продолжил учебу в школе. После окончания 8 класса был назначен учителем начальных классов в этой же школе. Одновременно в 1944–1948 гг. обучался на заочном отделении педучилища (г. Бугульма). Будучи человеком пытливым, И. В. Тараканов жаждал новых знаний, и, несмотря на тяжелое финансовое положение в семье, стремление учиться привело его в 1948 г. на историко-филологический факультет Удмуртского государственного пединститута (далее УГПИ),

который он успешно закончил в 1952 г. Проработав год в Бавлинской средней школе учителем русского языка и литературы, в 1953 г. был приглашен в Умуртский НИИ (далее УдНИИ) истории, экономики, литературы и языка при СМ УАССР (с 1988 г. – УИИЯЛ УрО РАН). С 1955 по 1958 г. учился в аспирантуре Тартуского университета, где прошел научную школу у академика-финно-угроведа проф. П. А. Аристэ. В 1959 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)», после чего молодой ученый в 1958–1960 гг. работал в УдНИИ, затем перешел в УГПИ, преобразованный в 1972 г. в Удмуртский государственный университет (далее УдГУ). Дальнейшая его карьера связана с этим вузом, где он трудится уже более 50 лет. С 1967 г. по 2005-й И. В. Тараканов заведует сначала кафедрой удмуртского языка и литературы, затем, с 1983 г., – кафедрой удмуртского и финно-угорского языкознания и с 1995 г. – кафедрой современного удмуртского языка и методики его преподавания. В 1986 г. в Институте языкознания АН СССР он успешно защитил докторскую диссертацию, а в 1988-м – был утверждён в звании профессора.

За 53 года, отданных преподавательской деятельностью в стенах университета, им разработан ряд дисциплин лингвистического цикла, в частности, лекционные курсы по лексике, морфологии, фонетике современного удмуртского языка, диалектологии, спецкурсы «История изучения удмуртского языка и его диалектов», «Введение в финно-угорское языкознание», «Материалы по исторической лексикологии удмуртского языка» и др. И. В. Тараканов впервые подготовил и издал системный курс по лексикологии удмуртского языка, а также учебные пособия «Удмурт лексикая очеркёс» (1971), «Туала удмурт кыл. Лексикология» (1992). Также им выпущен ряд методических разработок для студентов факультета удмуртской филологии: «Удмурт орфография но пунктуация контрольной ужъёс» (1979), «Удмурт лексикая но фонетикая ужъёс» (1986) и др. Долгое время под руководством И. В. Тараканова на факультете работал лингвистический кружок. Почти ежегодно (до 1990-х гг.) он выезжал со студентами на диалектологическую практику и прошел немалые расстояния по проселочным дорогам удмуртской глубинки в поисках интересных языковых и этнографических фактов. Экспедиции под руководством И. В. Тараканова стали для студентов бесценными уроками любви к удмуртскому краю, родному языку и культуре села.

Сфера его научных интересов многогранна. Внимание ученого привлекают разные области удмуртской лингвистики: лексика и фонетика, морфология и орфография, диалектология, история, ономастика удмуртского и других финно-угорских языков. Многие вопросы удмуртского языкознания впервые получили научное освещение в его трудах.

В научном творчестве юбиляра значителен удельный вес работ по удмуртской диалектологии. Свыше 20 его научных изысканий прямо или опосредованно затрагивают проблемы удмуртской диалектологии. Среди них выделяются исследования, касающиеся непосредственно описания особенностей отдельных пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка, к примеру: «Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)» (1958), «О некоторых фонетических особенностях бавлинского

диалекта удмуртского языка» (1959), «Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке: На материале бавлинского диалекта» (1960), «Udmurdi keele Uva-Vavoži murtakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilismorfoloogilised erijooned» (1963), «Из наблюдений над особенностями среднезападных говоров срединного диалекта удмуртского языка» (1998) и др. В другой серии публикаций освещаются некоторые общие вопросы современной удмуртской диалектологии, в частности: истории изучения удмуртских диалектов, методики преподавания языка в диалектной среде: «Lühike ülevaade udmurdi murrete uurimise ajaloost» (1958), «История изучения удмуртских диалектов» (1981) и «Удмуртская диалектология и история языка на современном этапе» (1987), «Удмурт пинальёслэн вераськон но гожьяськон кылазы пумиськиськись диалектной аспёртэмлыкьёс но соосты палэнтон вылысь куд-ог дэмланысь» (1996) и др.

Яркую строку вписал И. В. Тараканов в удмуртскую лексикологию, подняв ее на качественно новый уровень. Работая в начале 1950-х гг. в секторе языка УдНИИ, он участвовал в составлении «Русско-удмуртского словаря» (1956) и «Удмуртского орфографического словаря» (1959). Практика составления этих словарей пробудила интерес к лексикологии и стала своеобразной стартовой площадкой для дальнейших изысканий юбиляра в этой области. Достойным итогом целенаправленной и детальной работы над систематизацией и научным анализом словарного состава удмуртского языка стала монография «Удмурт лексикая очеркьёс» (1971), дополненное и переработанное издание которой вышло в 1992 г. под названием «Туала удмурт кыл: Лексикология». В книге подробно рассмотрены полисемия, синонимия, антонимия, омонимия, проанализированы лексические пласты удмуртского языка относительно их происхождения, описаны архаизмы, неологизмы, лексика активного и пассивного запаса, литературная и диалектная и др. Более детальный и углубленный анализ некоторых вопросов удмуртской лексикологии нашел отражение в статьях «Лексические синонимы в удмуртском языке» (1972), «Архаизмы как источник обогащения словарного состава удмуртского литературного языка» (2004) и др. Из работ лексикографического плана следует также отметить «Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка» (2010). Эта книга содержит около 570 архаизмов, извлеченных автором из материалов письменных памятников кон. XIII и нач. XX в.

Неоценимый вклад внес юбиляр в разработку вопросов лингвистических контактов удмуртского языка. В соответствующих публикациях юбиляра удачно сочетаются познания теоретика и глубокое знание исследуемых языков: «Служебные слова тюркского происхождения в удмуртском языке» (1974), «История изучения удмуртско-тюркских языковых контактов» (1975), «Некоторые особенности лексико-семантических изменений татаризмов в удмуртском языке» (1977), «Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые явления интерференции» (1981) и др. Достойным итогом целенаправленной и деятельной разработки темы языковых контактов и заимствований стали его обобщающие книги «Иноязычная лексика в современном удмуртском языке» (1981), «Заимствованная лексика в удмуртском языке» (1982), «Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь)» (1993).

Труды И. В. Тараканова по фонетике удмуртского языка представляют собой весомый вклад в удмуртскую лингвистику. В его кандидатской диссертации

«Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)» (1959) впервые более полно и подробно описаны артикуляция удмуртских звуков в свете экспериментальных данных и комбинаторные фонетические изменения звуков, происходящие в потоке речи. Впоследствии данная система изложения фонетических явлений нашла свое преломление и освещение на материале различных диалектов в диссертационных работах С. К. Бушмакина, В. К. Кельмакова, Л. Л. Карповой и других исследователей фонетики удмуртского языка.

К сфере научных интересов И. В. Тараканова относятся также морфология и синтаксис удмуртского языка. Для коллективного труда «Грамматика современного удмуртского языка» им написаны разделы по морфологии («Местоимение», «Модальные слова») и синтаксису («Дополнение», «Полное и неполное предложения»). Вопросам грамматики посвящены и статьи в отдельных сборниках: «Условное наклонение, его значения и происхождение суффикса *-сал* в удмуртском языке» (1967), «Повелительное наклонение, формы его выражения и значения в удмуртском языке» (1984) и др.

Со времени выхода в свет основных разделов научной грамматики (1962, 1970, 1974) во многих областях удмуртской лингвистики достигнуты значительные успехи, накоплен богатый фактический материал, позволяющий выявить новые грани удмуртского языка. В рамках лаборатории «Проблемы удмуртской филологии», действующей в УдГУ, под его руководством ведущие удмуртские лингвисты работали над созданием новой версии морфологии современного удмуртского языка. Отдельные главы коллективной работы, в частности о местоимении и глаголе, разрабатывал сам профессор. В 2011 г. данный труд под названием «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфология)» вышел в свет.

В области морфологии им впервые поднят ряд проблемных вопросов удмуртской грамматики: явления языковой интерференции, морфонология, аналитические глагольные формы, степени качества имен прилагательных, – нашедшие освещение в публикациях «Об особенностях развития островных говоров и некоторых явлениях языковой интерференции» (1976), «Аналитические глагольные образования в пермских и марийском языках» (1981), «Некоторые вопросы морфонологии в удмуртском языке» (1989), «Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках» (1996) и др. Проф. И. В. Таракановым определено основное направление развития морфологической системы двух близкородственных удмуртского и коми языков («Основные направления развития морфологической системы пермских языков», 1990), по-новому проведена классификация разрядов местоимений («Туала удмурт кыл. Нимвоштос», 2003), подробно описаны пути проникновения тюркских элементов в удмуртское словообразование и др.

Ряд статей юбиляра посвящен анализу памятников удмуртской письменности, некоторые из них – «Первой грамматике удмуртского языка 190 лет» (1965), «Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века» (1977), «О старинных рукописных словарях удмуртского языка» (1998) и др.

Вопросы, касающиеся развития удмуртской графики, также нашли отражение в его научном творчестве в виде статей «История удмуртской графики» (2000) и «Из истории удмуртской графики» (2007).

Не остались вне поля зрения ученого и вопросы ономастики. Проблема этногенеза удмуртского народа по данным гидронимов освещается в его работе «Следы пребывания уральских племен на территории Удмуртской Республики (по данным названий рек)» (1997).

Проф. И. В. Тараканов интересуется также вопросами истории и развития удмуртского литературного языка, формирования его норм, улучшения стиля изданий и учебных пособий для школ. Эта проблематика отразилась в таких его работах, как «Удмурт литературной кыллэн кылдэмез» (1959), «Газы кылдйз удмурт литературной кыл» (1966), «Огъя сьолмаськонмы» (1986), «Основные тенденции развития удмуртского литературного языка» (1994).

Признания заслуживает активная деятельность И. В. Тараканова в составлении программ, учебников и учебных пособий для удмуртских национальных школ. Так, при его соавторстве увидели свет учебники «Удмурт кыл. 5–6 классъёслы» (1975) и «Удмурт кыл. 6–7 классъёслы» (1992) и др.

Создавая свою научную базу, И. В. Тараканов с большим уважением и вниманием относится к творческому наследию предыдущих поколений ученых, о чем говорят многочисленные публикации, посвященные жизни и научной деятельности таких исследователей удмуртского языка, как С. П. Жуйков, М. Н. Булычев, Б. Мункачи, Ю. Вихманн, П. Н. Перевошиков, Д. В. Бубрих, Т. И. Тепляшина, В. К. Кельмаков, М. Г. Атаманов и др.

Большую работу проводит И. В. Тараканов для совершенствования и систематизации норм и правил удмуртского литературного языка. На протяжении длительного времени он работал в Термино-орфографической комиссии и руководил орфографической секцией. В частности, под его руководством и при его непосредственном участии увидел свет в 2002 г. орфографический словарь удмуртского языка с уточненными правилами орфографии и пунктуации («Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам (Шонер гожъяськон но пусъёс пуктылон правилоосын)», 2002).

Иван Васильевич поддерживает тесные научные связи с учеными из Чувашии и Татарстана. В частности, он соавтор «Татарско-русско-удмуртского разговорника», изданного в Казани в 2012 г. По заказу коллег из Института истории, языка и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан он перевел с татарского на удмуртский книгу Ф. Ф. Гаффаровой «Татарско-русский словарь идиом» (в ближайшее время будет опубликована на шести языках народов Волго-Камья).

К своему 85-летию И. В. Тараканов подготовил к изданию многолетний труд «Материалы к исторической лексикологии удмуртского языка», где подробно анализируются все книги, сборники и статьи, касающиеся вопросов исторической лексикологии.

Своим научным багажом и опытом юбиляр охотно делится с молодежью. Целая плеяда учеников успешно защитила под его руководством кандидатские диссертации и плодотворно работает над различными проблемами удмуртского и пермского языкознания. Это Галина Николаевна Лесникова, Сергей Анатольевич Максимов, Ольга Анатольевна Гагарина, Татьяна Михайловна Кибардина, Алексей Александрович Шибанов. В УдГУ с 1992 г. действует Совет по защите кандидатских, а с 2002 г. – докторских диссертаций по филологическим специальностям. Председателем Совета бессменно в течение 20 лет является

проф. И. В. Тараканов. Он состоял также членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций в Марийском госуниверситете, кандидатских диссертаций по фольклористике – в УИИЯЛ УрО РАН.

Проф. И. В. Тараканов пользуется заслуженным авторитетом среди финно-угроведов в России и за рубежом. Он представляет удмуртское языкознание на различных всероссийских конференциях и международных конгрессах и симпозиумах. В его содержательных докладах на международных научных совещаниях в Таллинне (1970), Будапеште (1975), Турку (1980), Сыктывкаре (1985), Гамбурге (1989), Дебрецене (1990), Ювяскюля (1995), Тарту (2000) освещаются проблемные вопросы удмуртского и пермского языкознания.

За большой вклад в науку юбиляр избран почетным членом Финно-Угорского Общества, Общества М. А. Кастрена (Финляндия). В течение многих лет он являлся членом Комитета Международных финно-угорских конгрессов. Имя проф. И. В. Тараканова по праву включено в энциклопедию «Ведущие лингвисты мира», изданную в Москве в 2000 г. За выдающиеся заслуги в области науки и народного образования в 1989 г. ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР», а в 1997-м – «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 1997 г. он удостоен премии Кузубая Герда, учрежденной Всеудмуртской ассоциацией «Удмурт Кенеш». В 1998 г. избран Почетным членом Международной Академии информатизации и в 2003 г. академиком Академии наук УР. В 1998 г. ему присвоено звание Почетный профессор УдГУ.

Проф. И. В. Тараканов – честный и бескомпромиссный в науке человек, талантливый ученый, энергичный и неутомимый труженик. Для него характерна, прежде всего, преданность своему делу – умение работать с полной самоотдачей. Он ортодоксальный представитель тартуской научной школы в удмуртском языкознании.

Дорогой Иван Васильевич! Мы, коллеги, друзья и многочисленные ученики, от всей души поздравляем Вас с 85-летним юбилеем и 70-летием трудовой деятельности. Желаем самого важного в жизни – крепкого здоровья и, конечно, сохранения на долгие годы того запаса творческой активности, оптимизма, жизнелюбия, которым Вы обладаете.

Поступила в редакцию 13.12.2013

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор философии, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: karpovalud@rambler.ru

Karpova Lyudmila Leonidovna,
Doctor of Philosophy, Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: karpovalud@rambler.ru

УДК 811.512.145'373

М. З. Закиев

ПОРА ПРИСТУПИТЬ К СОСТАВЛЕНИЮ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Автор делится опытом татарских ученых в подготовке многотомной академической лексикологии татарского языка. Говорит о принципах его составления.

Ключевые слова: полная академическая лексикология, принципы составления лексикологии, идеографический словарь, сбор слов по направлениям их описания.

2 июня 2013 г. исполнилось 85 лет со дня рождения доктора филологических наук, проф. кафедры удмуртского языка и методики его преподавания Удмуртского госуниверситета, моего земляка, ровесника, известного среди тюркологов ученого Ивана Васильевича Тараканова. Он заслуженный деятель науки Удмуртской Республики (1988) и Российской Федерации (1997), почетный член Финно-Угорского Общества (Финляндия), лауреат премии имени Кузубая Герда, учрежденной Всеудмуртской ассоциацией «Удмурт Кенеш», почетный профессор Удмуртского университета.

В монографии нашего юбиляра «Удмуртский язык: становление и развитие» поднимаются и решаются некоторые проблемы лексикологии и ономастики (С. 145–249). Книга издана в 2007 г. Как я понял из данных этого раздела книги, вопрос о создании академической удмуртской лексикологии пока не поднимается. После издания книги прошло шесть лет. Этот важный вопрос, тесно связанный с развитием удмуртской лингвистики и удмуртской культуры в целом, возможно, уже поднимается и решается.

В связи с этим хочу ознакомить участников и гостей конференции, посвященной юбиляру, как у нас в Татарстане обстоит дело с созданием академических трудов по татарской лингвистике.

Известно, что в кон. XX в. ИЯЛИ АН Татарстана подготовил коллективный академический труд в 3 томах на русском языке. Его назвали «Татарская грамматика». Том I содержит полные сведения о фонетике, фонологии, просодике, графике и орфографии, орфоэпии, об основных понятиях грамматики, морфемике, морфонологии и словообразования. Том издан в Казани в 1993 г., состоит

из 585 стр. В томе II освещены все основные вопросы морфологии татарского языка. Издан он в Казани в том же году, состоит из 398 стр. Том III посвящен вопросам синтаксиса татарского языка, издан в Казани в 1992 г., содержит 576 стр. Все три тома вскоре вышли вторым изданием. В 1994 г. основные составители «Татарской грамматики» были удостоены Государственной премии Татарстана в области науки и техники.

В нач. XXI в. ИЯЛИ (на базе исторических отделов ИЯЛИ в Татарстане организован самостоятельный институт истории) удалось подготовить и издать татарскую академическую грамматику на татарском языке, также в 3 томах, объемом 93 п. л.

В настоящее время специалисты ИЯЛИ и КФУ составляют академическую лексикологию татарского языка. Руководитель коллектива авторов и грамматики, и лексикологии – академик АН РТ М. З. Закиев.

В начале работы мы столкнулись с серьезными трудностями, из-за отсутствия опыта составления академической (полной) лексикологии в тюркских языках и даже – в русском. На Западе были попытки составления наиболее полной лексикологии, но принципы составления полной лексикологии сильно отличаются от наших, уже существующих.

До составления полной академической лексикологии западные ученые решили иметь так называемый идеографический словарь, включающий все слова изучаемого языка. Сбор слов решили вести по направлениям: 1) природа, 2) человек, 3) общество, 4) человек и вселенная.

Учитывая опыт других стран, изложенный в монографии В. В. Морковкина «Идеографические словари» (М., 1970), где он приводит и другие направления классификации, мы при первоначальном составлении плана-проспекта пытались учесть и принципы составления идеографических словарей. К традиционным томам лексикологии добавили еще четыре тома татарской лексики, относящейся к тематическим группам: 1) «Природа», 2) «Человек», 3) «Общество», 4) «Человек и вселенная». Приведем планы-проспекты этих томов.

Татарская лексика, относящаяся к тематической группе «Природа»

1. Небо

2. Погода и ветры

3. Земля, рельеф, вода, почва, минералы, металлы.

4. Растительный мир

1. Деревья
2. Кустарники
3. Злаковые
4. Овощи
5. Кормовые
6. Растения промышленного значения
7. Луговые и лесные растения
8. Водоросли
9. Лекарственные растения
10. Декоративные растения

11. Оранжерейные и комнатные растения
12. Вредные растения

5. Животный мир

1. Четвероногие
2. Птицы
3. Морские звери
4. Рыбы
5. Пресмыкающиеся
6. Амфибии
7. Моллюски
8. Ракообразные
9. Насекомые
10. Болезни животных
11. Сказочные животные

Татарская лексика, относящаяся к тематической группе «Человек»

1. Человек как живое существо

1. Пол
2. Раса
3. Части тела
4. Органы и их функционирование
5. Пять чувств
6. Движения и положения
7. Сон
8. Здоровье и болезни
9. Человеческая жизнь в общих чертах
10. Потребности человека

2. Человек как разумное существо

1. Ум, мудрость, способность
2. Восприятие
3. Сознание и представления
4. Память
5. Воображение
6. Мышление
7. Чувства
8. Воля
9. Мораль

Татарская лексика, относящаяся к тематической группе «Общество»

1. Социальная организация и социальные институты

1. Община
2. Государство
3. Право
4. Образование
5. Внешняя политика

6. Национальная оборона
7. Война
8. Литература и искусство
9. Вероисповедание, религия
- 2. Человек как общественное существо**
 1. Общественная жизнь в общих чертах
 - а) Строеение общества
 - б) Язык
 - в) Общественные связи
 2. Человек в труде
 - а) Общие положения
 - б) Сельское хозяйство
 - в) Ремесла и профессии
 - г) Промышленность
 - д) Торговля и финансы
 - е) Собственность
 - ж) Комнаты, дом
- 3. Транспорт**
- 4. Почта, телеграф, телефон**

Татарская лексика, относящаяся к тематической группе «Человек и вселенная»

- 1. Бытие в широком смысле**
 1. Бытие
 2. Качество и состояние
 3. Отношение, порядок, ценность
 4. Число, количество
 5. Признаки
 6. Движение, изменение
 7. Пространство
 8. Время
 9. Причина
- 2. Наука и техника**
 1. Точные и гуманитарные науки
 2. Техника и промышленность, основанных на тех или иных науках

Заключение

История лексики – история народа.

Когда мы начали раскладывать собранный лексический материал, выяснилось, что наш институт не в состоянии выполнить задачи составления идеографического словаря. Поэтому в состав академической лексикологии такие словари мы включить не стали. Но сбор лексического материала из современного языка, исторических источников и диалектов решили продолжить.

Было решено составить татарскую академическую лексикологию в 3 томах. Предмет изучения лексикологии – словарный состав (лексика). Основные единицы словарного состава – слова и фразеологические выражения. В первый том войдут все сведения об особенностях слов и фразеологических выражений. В первой его части будут изложены проблемы семасиологии, концептологии, этимологии слов, а также проблемы лексикографии; во второй части – вопросы фразеологии татарского языка.

Второй том будет посвящен изучению проблем формирования и развития лексического состава татарского языка.

В третьем томе предполагается подробно изложить проблемы татарской ономастики, в частности топонимики, антропонимики, этнонимики и др.

Первый том составлен и уже редактируется. Второй том тоже в основном написан, редактирование его запланировано на 2014 год.

Материал для третьего тома собран, составление его намечено на 2015 год.

Поступила в редакцию 5.12.2013

M. Z. Zakiev

It is time to start making an academic lexicology

The author shares the experience of Tatar scientists in the preparation of the multi-volume academic lexicology of the Tatar language. The principles of its compilation are examined.

Keywords: full academic lexicology, principles of lexicology compilation, ideographic dictionary, collecting of words in the directions of their description.

Закиев Мирфатых Закиевич,

доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук РТ,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Россия, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31
E-mail: m.z.zakiev@mail.ru

Zakiev Mirfatyh Zakievich,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
420111, Russia, Kazan, Lobachevskogo St., 2/31
E-mail: m.z.zakiev@mail.ru

УДК 811.511.131'373.21

М. Г. Атаманов

КУЛЬТ КЕРЕМЕТА / ЛУДА В СРЕДЕ УДМУРТОВ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТОПОНИМИИ

Керемет – один из самых сложных и противоречивых образов в удмуртской мифологии и религиозной обрядности. Как эквивалент *Керемета*, в среде южных и центральных групп удмуртов-калмезов, выступает *Луд*. По мнению информантов, «*Керемет* и *Луд* – одно и то же, отличие только в том, что *Керемет* – это местность, ограда, где проходит моление, а *Луд* – это место внутри ограды, где произносят молитвы, совершается жертвоприношение». В жертву приносили баранов, бычков, жеребят, гусей, уток светлых мастей. Данное моление считалось очень строгим, внушающим страх, даже неприязнь.

К народам Волго-Уральского региона культ *Керемета* проник из Ближнего Востока через Хазарию и Волжско-Камскую Булгарию. В топонимии Удмуртии и соседних регионов сохраняются следы *Керемета* / *Луда*.

Ключевые слова: культ *Керемета* и *Луда*, моление, топонимия, микропоним, *Лудэ пырон*, жертвоприношение, южные и северные группы удмуртов, калмезы, бесермяне, чувашы, марийцы, *Луд выжы*, *Быдӟым куала выжы*.

*«В широком / Поле, / Где такой простор, / Где золотым дождём /
На землю / Льётся / Солнце, / Где круто / Оборвался косогор – оборвался ко-
согор – Горюет сотни лет / По старине, Ушедшей и забытой, / Старинный /
Керемет... / Иль он тоскует, / Иль гибель чует, / Иль просто сам с собою, /
Песни распевая, / Стоит / Один, / Вздыхая... / Посохли / Ветви / Уж у старых
елей. / Седые сосны / Сгорбились немного – / Их головы курчавые, / Как белая
кудель, / Покрылись мхом / И смотрят вдаль / Сурово, / Строго. / Иные /
Из деревьев-стариков / Не выдержали / Тяжесть древних лет: / Упали /
И лежат, / Покинув солнце, / Свет... Иные / В глубине веков, / Как перегой, /
Рассыпались / И стали пылью. / Стоят, / Готовые упасть, / Живые. / И каж-
дой веткой шелестят / О том, что было в прошлом / Былью... [9. С. 41–43].*

Судя по замечательной поэме классика удмуртской литературы поэта, ученого Кузубая Герда, *Керемет* играл огромную роль в духовно-религиозной

жизни древнеудмуртского общества. Но современное поколение удмуртов не имеет никакого представления о *Керемете*, это ушедший из активного словаря историзм, этнографизм. Другой выдающийся сын удмуртского народа, ровесник и соратник К. Герда, Трокай Борисов в своем толковом словаре удмуртского языка «Удмурт кыллюкам» дает такое разъяснение: «*Керемет* ср., св. «место языческого моления вотяков, дух зла» [4. С. 130].

Керемет – один из самых сложных и противоречивых образов в удмуртской мифологии и религиозной обрядности, оставивший значительный след не только в жизни удмуртов и в топонимии Удмуртии, но и во всем Волго-Уральском регионе. Этот образ известен в среде чуваш, марийцев, татар, башкир, вплоть до народов Средней Азии, Кавказа в своей национальной огласовке и своим соответствующим значением.

В энциклопедии «Мифы народов мира» читаем: **Керемет** (от чувашского *Киреметь*), **Луд**, **Шайтан**, в удмуртской мифологии творец зла, противостоящий своему добродетельному брату *Инмару*. Моления Керемет совершались при эпидемиях и т.п. в священных рощах – *кереметах (лудах)*, где специальный жрец *туно* приносил в жертву богу животных черной масти. Близкие представления о *Керемете* (и культе его) существовали в марийской мифологии, где он – божество зла, брат и противник демиурга *Кузу-юмо* [14. С. 640]. Хотя это и академическое издание, но требуются уточнения.

Утверждения этнографа В. Е. Владыкина о том, что культ Керемета «стал восприниматься едва ли не как главенствующий культ, когда все моления стали называться “Кереметями”, “Кереметищами”»; «В Луде молимся Кереметю»; «Наряду с куа в каждой удмуртской деревне имелась священная роща – *Луд*, *Кереметь* (южные удмурты) или «*вёсяськон чайа* (северные удмурты)»; «Луд, как святилище, нам представляется по древности старше даже куалы»; в этих моленьях «приносились в жертву козы» [6. С. 202–203], на наш взгляд, не совсем верны.

Данное слово, как топоним, одним из самых первых было зафиксировано Н. П. Рычковым, побывавшим во 2-й пол. XVIII в. в бывшей, разрушенной ныне столице Удмуртского (Арского) княжества – Арске. Ученый отметил, что здесь еще сохранились «старинное вотское (удмуртское. – М. А.) кладбище и их **киремель**, видимый в восточном конце пригородка» [17. С. 5, 156].

Сведения Н. П. Рычкова, П. С. Палласа и других участников экспедиций в Арске в XVIII в. нас заинтересовали, и нам довелось трижды побывать на Арской земле, где до 1552 г., то есть до разрушения Казанского ханства, существовало удельное Арское, то есть Удмуртское, княжество. В самом Арске все древности разрушены, остались только воспоминания в народе. В округе Арска мы побывали на месте укрепленного городища, выявили некоторые селища, связанные с арами-удмуртами. Нашли места молений в Керемети, записали легенды, предания в среде татар, русских, удмуртов [см.: 1. С. 80–86]. По рассказам информантов, в д. Казанбаш был *Киремет*, принадлежащий народу *ар ~ арлар кешесе*, то есть удмуртам. Татары считают то место нечистым, принадлежащим язычникам; слово «киремет» у них (как и у северных удмуртов) ругательное. По их воспоминаниям, до 1935 г. приходили ары со стороны Балтасей

и под тремя соснами, у родника, совершали моление. То же самое говорили в д. Кутюк Арского района.

Удивительно! С момента падения столицы Арского-Удмуртского княжества (1552) прошло почти 400 лет, а ходоки, ары-удмурты, по решению деревенской общины, по настоянию старцев и стариц, из поколения в поколение приходили в такую даль, где молились их предки. С другой стороны, эти «походы» были для них небезопасны, так как татары-мусульмане с презрением относились к местам, связанным с язычеством, думаю, и к самим старцам, совершающим языческий обряд внутри деревни (Казанбаш), хотя половина жителей из Казанбаша и Кутюка – бывшие удмурты, принявшие ислам и отатарившиеся, о чем свидетельствует их антропологический тип, особенно – рыжие, светлые волосы, а также их поведение.

Вот что значит культ Керемета и любовь вкупе со страхом к своему этническому прошлому в душе верующего удмурта! Вот что значит вера!

Микротопонимы с апеллятивом «*Кереметь*» фиксируются во всем Заказанье [см.: 8], на территории бывшего Удмуртского (Арского) княжества, а также в местах проживания татар-кряшен, чувашей, марийцев.

Как же обстоят дела с культом Керемети в других местах проживания удмуртов? Начнем с арских (завятских) удмуртов. Думается, что из их среды ходоки-молельщики ходили на историческую родину, в частности, в д. Казанбаш, Кутюк, вероятно, и в другие отатарившиеся деревни для совершения жертвоприношения *Керемету* – злему, строгому не то божеству, не то духу, культ которого проник к удмуртам от народов южных, дальних, чужеродных неведомо когда и в какие времена.

Топонимы с апеллятивом «Керемет» и «Луд» в среде арских (завятских) удмуртов

Гурьянкеремет – место моления в д. Старая Уча Кукморского р-на Татарстана: *Гурьян* – личное имя ~ патроним < русск. + *керемет* – место моления: ‘Место моления рода (патронимии) Гурьяна’. В Старой Уче было 3 керемета. По словам информантов, 3 керемета трех патронимических объединений – Гурьян, Жагы, Курангыш – носили одно общее название – *Луд*.

Жагыкеремет – место языческого моления в д. Старая Уча Кукморского р-на Татарстана: *Жагы* – дохристианское личное имя ~ патроним + *керемет* – место моления: ‘Джагыев керемет’.

Кереметнюк – ложбина в д. Верхняя Шунь Кукморского р-на Татарстана: *керемет* – место моления + *нюк* ‘ложбина, лог; овраг с родником’: ‘Ложбина с молением *Керемет*’ или ‘Кереметовский лог’; как считают информанты, это было злое моление. В деревне было и моление *Луд*, в отличие от *керемета* оно проходило на поле, место было огорожено.

Курангышкеремет – место языческого моления в д. Старая Уча Кукморского р-на Татарстана: *Курангыш* – дохристианское личное имя ~ патроним + *керемет* – место моления: ‘Курангышев керемет’.

Керемет – место мужского моления в д. Верхний Кукмор (Кумордыл) Кукморского р-на Татарстана: *керемет* – как говорит информант, это не моление, *керемет* – это ограда моления *Луд*.

Керемет – место мужского моления на горе в д. Старая Турья Балтасинского р-на Татарстана; в деревне было 2 керемета: *Бадзьым Керемет* ‘Большой Керемет’ и *Пичи Керемет* ‘Маленький Керемет’. *Керемет* и *Луд* – одно и то же, это злое моление; в молении участвовали только мужчины; в жертву приносили бычка и овцу.

Кереметвось – огороженное место моления в д. Старая Юмья Кукморского р-на Татарстана: *Керемет-вось* ‘моление’, букв. *Керемет* + моление; в жертву приносили жеребят, бычков, баранов.

Луд – место мужского моления в д. Верхний Кукмор (Кумордыл) Кукморского р-на Татарстана: *Луд* – по утверждению информанта, это моление проходит всегда на высокой горе, место моления огорожено, ограда называется *керемет*.

Луд – место мужского моления в д. Лельвиж Кукморского р-на Татарстана; в деревне было три Луда: на первом – *Ярсо Луд* – в жертву приносили 3 белых овец, молились в Ильин день; на втором Луде в жертву приносились 2 белые овцы; на третьем Луде – *Бöрыс Луд* – в жертву приносили одну белую овцу, молились в Спасов день. Как говорит информант, *Луд* и *Керемет* – одно и то же; в Зумьвыле (Бырвыл) больше говорят *Керемет*, а здесь – *Луд*.

Луд – общее название всех кереметей – мужских языческих молений в селе Ниж. Русь Кукморского р-на Татарстана.

Топонимы с апеллятивом «Керемет» и «Луд» в среде закамских удмуртов

Керемет – место моления в д. Вотская Ошья Янаульского р-на Башкортостана; моления под названием *Керемет* проводились почти в каждой удмуртской деревне Закамья – на территории современного Башкортостана, Пермского края, Свердловской области. Как и в среде завятских (приказанских) и собственно южных удмуртов, здесь идет полная путаница с молением *Луд* (см. ниже): моление может называться *Керемет*, а сам обряд совершения моления нередко называется *Лудэ пырон* ‘вхождение в Луд’, и наоборот. Это строго мужские моления, их считают даже злыми, особенно *Керемет*. *Луд* / *Керемет* закамских удмуртов располагались в дубовых, березовых, липовых, еловых рощах; данное культовое место огораживалось [см.: 18. С. 57].

Керемет – место мужского моления в д. Малый Гондыр Куединского р-на Пермского края; здесь в жертву приносили селезня.

Керемет – место мужского моления в д. Новый Калмияр Куединского р-на Пермского края. По словам информанта, *Керемет* и *Луд* – одно и то же, отличие только в том, что *Керемет* – это местность, где проходит моление, а *Луд* – место, где произносят молитвы и совершается принесение жертвы. Каждая воршудно-родовая группа имела *Луд*, например *Какся Луд*.

Керемет – место старого моления в д. Б.-Качак Калтасинского р-на Башкортостана: место было огорожено, имелась калитка. Сохранилась фотография Керемета, сделанная Вихманном в 1894 г. во время экспедиции в Башкирию. По сообщению информанта, *Керемет* – страшное место: проходя вблизи него, нельзя было даже смотреть в его сторону; укрыв лицо, закрыв глаза, повернув голову в другую сторону, проходили то место строгого моления.

Кереметгурезь – пригорок в д. Четырман Янаульского р-на Башкортостана: *керемет* + *гурезь* ‘гора’: ‘Гора, на которой проводилось языческое моление Керемет (Луд)’ или ‘Кереметская гора’ (информация Р. Ш. Насибуллина).

Кызкеремет – место моления в д. Старая Кирга Куединского р-на Пермского края: *кыз* ‘ель, ёлка’ + *керемет*: ‘Керемет, расположенный в еловом лесу’ (ср. Кызпукеремет).

Кызыпукеремет – место моления в д. Старая Кирга Куединского р-на Пермского края: *кызыпу* ‘берёза; берёзовый’ + *керемет*: ‘Керемет, расположенный в березовом лесу’ (см. Кызкеремет).

Луд – место моления язычников в д. Барабановка Куединского р-на Пермского края. По словам информантов, *Луд* и *Керемет* – это одно и то же; место моления было огорожено; в жертву приносили белого барана; кровь и кости сжигали, кишки зарывали в землю; мясо поедали. В молении участвовали только мужчины.

Бигралуд – место заброшенного моления в д. Купченеево Еремеевского р-на Башкортостана: *Бигра* – воршудно-родовое имя + *Луд*: ‘Бигринский Луд’ или ‘Луд – место мужского моления, принадлежащее воршудно-родовой группе Бигра’.

Лудошмес – родник с места заброшенного моления *Луд* в с. Покровский-Урустамак Бавлинского р-на Татарстана: *Луд* + *ошмес* ‘родник’: ‘Лудовский родник’ или ‘Родник с места мужского моления Луд’.

Лудошмес – родник с места заброшенного моления *Луд* в пос. Покровский Бавлинского р-на Татарстана: ‘Лудовский родник’ или ‘Родник с места мужского моления Луд’. Поселок (починок) образован в 1927 г., значит, еще в кон. 20-х гг. XX в. здесь проходило моление. По словам информанта А. Я. Тараканова (1918 г. р.), в Луде в жертву приносили быка, варили кашу, приносили с собой хлеб с маслом (а в других местах везде приносили пресные лепешки, а здесь – хлеб с маслом).

Последние три деревни входят в состав верхнеикской группы закамских удмуртов, выходцев из среды южных удмуртов. Их предки на самарско-оренбургскую засечную линию переселились в кон. XVII – нач. XVIII вв.

Топонимы «Керемет»

в среде уральских (красноуфимских) удмуртов

Ичукеремет – место моления в с. Юва Красноуфимского р-на Свердловской обл. [18. С. 61]: *Ичу* – дохрист. личное имя ~ патроним + *Керемет* – место мужского моления: ‘Керемет, где молилась патронимическая группа Ичу’. В с. Юва у удмуртов было два керемета, которые располагались в лесу, один подле другого, окруженные частоколом с калиткой.

Кензашкеремет – место моления в с. Юва Красноуфимского р-на Свердловской обл. [18. С. 61]: *Кензаш* – дохрист. личное имя – патроним + *керемет*: ‘Кензашев Керемет’ или ‘Керемет, в котором молилась патронимическая группа Кензаш’.

Ондокеремет – место священной рощи в окрестностях с. Большая Тавра Красноуфимского р-на Свердловской обл.

По рассказам информантов, в данном поселении было 9 кереметов марийцев, один из них принадлежал удмуртам – *одо*. Сюда на моление на белых конях, в белой одежде приезжали удмурты из дд. Юва, Верхний Бугальш и Одо Сола (Марийские Ключики) Красноуфимского р-на. Кости жертвенных животных вешали на деревья. В 1901 г. удмурты провели последнее моление в местном Керемете [18. С. 61–62].

Топонимы «Керемет» и «Луда» в среде удмуртов-калмезов и других центральных районов Удмуртии

Керемет – пригорок, место древнего, ныне заброшенного моления в с. Большая Уча Можгинского р-на: *керемет* – мужское языческое моление.

Керемет – роща в д. Старая Вамья Увинского р-на: *керемет*.

Келеметнюк – ложбина в д. Удмуртский Порез Унинского р-на Кировской обл.: *келемет* – искаж. от *керемет* (см. ниже) + *нюк* ‘ложбина, лог; сырой, болотистый овраг’: ‘Лог (ложбина), где проходило моление Керемет’. По воспоминаниям информантов, русские из соседних деревень с насмешкой спрашивают: «Что, керемет-то эщщё делаётё?».

Кереметул – луг, покос, место пастьбы скота в с. Большая Уча Можгинского р-на: *Керемет* – пригорок, где проходило моление + *ул* ‘низ; под’.

Кереметь – крутой берег р. Уня – место языческого моления в с. Нылга Увинского р-на, др. назв. *Луда*.

Кереметь – место заброшенного языческого моления в д. Жужгес Увинского р-на.

Керемет – лес в д. Мещеряки Завьяловского р-на, место старого заброшенного моления.

Керемет – пригорок, место древнего, заброшенного моления в д. Старые Гайны Сюмсинского р-на [11].

Керемет – пригорок, место древнего, заброшенного моления в д. Гобгурт Селтинского р-на [11].

Керемет – пригорок, место древнего, заброшенного моления в д. Балма Сюмсинского р-на [11].

Кереметвыр – пригорок, место древнего, заброшенного моления в д. Удмуртская Бабыя Сюмсинского р-на [11]: *керемет* + *выр* ‘холм, бугор’: ‘Кереметов холм’ или ‘Холм (бугор), где проходило моление Керемет’.

Кереметсик – лесок на холме в д. Гурклудчик Сюмсинского р-на [11]: *керемет* + *сик* ‘роща, небольшой смешанный лес’.

Кереметбам – склон горы, место древнего, заброшенного моления в д. Силкино Вавожского р-на [10]: *керемет* + *бам* ‘склон, скат горы’; на склоне этого пригорка проходило моление.

Кереметгурезь – пригорок в д. Большая Можга Вавожского р-на [10]: *керемет* + *гурезь*, диал. *гурезь* ‘гора’.

Кереметлэг – холм в д. Пунем Увинского р-на: *керемет* + *лэг* ‘бугорок, курган’: ‘Кереметовский бугорок’ или ‘Бугорок, где проходило моление Керемет’.

Кереметнюр – сырое, болотистое место в д. Пазял Можгинского р-на [10]: *керемет* + *нюр* ‘болото, топь’.

Кереметсик – лесок на холме, место заброшенного моления в д. Ува-Тукля Увинского р-на [10]: *керемет* + *сик* ‘роща, небольшой смешанный лес’: ‘Роща, где проходило моление Керемет’.

Луд – место старого заброшенного моления в д. Павлово Увинского р-на [11].

Луд – место старого заброшенного моления в д. Узей-Тукля Увинского р-на [11].

Лудошмес – родник в д. Яголуд Вавожского р-на [11]: *луд* + *ошмес* ‘родник’; большинство древнеудмуртских мольбищ располагалось возле родников, в том числе *Луд* / *Керемет*.

Лудсик – пригорок, поросший лесом в д. Сухая Видзя Увинского р-на и д. Пазял Можгинского р-на [11]: *луд* + *сик* ‘роща, смешанный лес небольших размеров’: ‘Роща, где проходило моление Луд’.

Лудты – озеро в д. Ольховка Увинского р-на [11]: *луд* + *ты* ‘озеро’: ‘Кереметовское озеро’ или ‘Озеро, возле которого проходило моление Луд’.

Лудул – местность под пригорком в д. Старая Тукля Увинского р-на [10]: *луд* + *ул* ‘низ, под’; на пригорке проходило моление’.

Лудысьтыпы – дерево, растущее на пригорке в д. Пазял Можгинского р-на: *лудысь* + *тыпы* ‘дуб’: ‘Дуб из Луда’.

Следует отметить, что древняя духовная культура, включая этнографию, фольклор, плюс еще и диалектные особенности калмезов – одного из двух племенных объединений удмуртов, живущих в бассейне реки Кильмези, а также по рекам Вала, Ва (Ува), Нылга, Кылт, Лумпунь, Лобань – изучены крайне слабо. Более удовлетворительно представлен лишь топонимический материал. Только по названиям географических объектов мы имеем представление о том, что в среде калмезов также существовал культ *Керемета* и *Луда* [см.: 10; 11]. Но суть тех молений в калмезской среде нигде не описана. Во время экспедиции к унинским удмуртам Кировской обл. в 1973 г. нам удалось зафиксировать интересный факт: ватка-удмурты упрекали своих соседей удмуртов-калмезов за приверженность к культу Керемет: *калмезьёс Керемет вöсьло*. Русские соседи тоже просмеивали их за моление в *Керемети* («Калмезы в Керемети молятся»; букв. «замаливают Керемет»).

Топонимы «Керемет» в среде северных удмуртов

Керемет – пригорок в с. Балезино Балезинского р-на.

Керемет – поле в д. Старая Гыя Кезского р-на; место древнего моления, при болезнях на место моления бросают деньги.

Керемет, Кереметгурезь – место старинного моления в д. Верхний Четкер Дебесского р-на.

По северному региону удмуртской эйкумены примеров пока маловато, но, тем не менее, они отвергают мнение о том, что культ *Керемета* был распространен только в среде южных удмуртов, для северных удмуртов *керемет* – ругательное слово [см.: 5; 6]. Судя по данным микротопонимам, культ Керемета дошел до крайне северо-восточной группы удмуртов (Кезский р-н). Да, действительно, среднечепецкие и особенно нижнечепецкие группы удмуртов-ватка отрицательно относились к культу Керемета, «керемет» у них – слово ругательное. Они зло

упрекали своих соседей (бесермян и удмуртов-калмезов) за почитание Керемета, за проведение молений в Кереметах, насмеялись над ними: «*Керемет вöсясьёс*» («Молельщики в Керемети!»).

Следы Керемета в среде бесермян

Бесермяне – особая финно-угорская этническая общность, живущая ныне в среде северных удмуртов-ватка. Происхождение бесермян до конца не выяснено. В религиозно-духовной среде у них больше общих черт с южными удмуртами (из среды которых, предположительно, они отделились лишь в XIV–XV вв.), чем с северными удмуртами-ватка. Это касается в первую очередь почитания культа *Керемета / Луда* той и другой группой. Вблизи каждой старинной бесермянской деревни были священные рощи под названием *Шыд карон* (место, где готовят суп), *язег сионни* (место, где едят гуся), *Кереметь* и др. По представлениям бесермян, в священных рощах обитает *Лудкузё* ‘хозяин Луда’ ~ *Лудмурт* ‘человек Луда’ ~ *Лудбабам* ‘дедушка Луда’ [16. С. 98], что в данном случае очень напоминает *Луд* южных удмуртов и даже звучит одинаково.

В среде южных удмуртов это одно из строгих, грозных молений. У них тоже есть понятие *Лудмурт*, *Лудкузё*. В немолельное время даже к его ограде не разрешается близко подходить, кричать и громко разговаривать.

Окружающие бесермян народы, в первую очередь, средне- и нижнечепецкие удмурты, считают их полутатарами, полуудмуртами за то, что они молятся в Керемети (? Керемету). Мы, говорят они, *Керемет* не почитаем; бесермяне едят конину, а мы не едим; никогда к мулле не обращаемся и т.д.

Четких понятий о почитании Керемета у современных бесермян уже нет. Подобно соседям (северным удмуртам), у молодого поколения слово «керемет» превращается в бранное. Ценные материалы о религиозных воззрениях бесермян, в том числе и о культе *Керемета*, оставили исследователи кон. XIX – нач. XX вв. Так, Н. П. Штейнфельд об этой традиции писал так: «Осенью совершается всеобщее жертвоприношение *киримету* (курсив наш. – М. А.), бесермяне везут в лес птицу или баранов и закалывают их под священным деревом. Шкуры баранов оставляют тут же, а остальное варят и съедают, запивая кумышкой или водкой. Когда режут животное, то произносят: “Вот тебе обещана была, дедушка, жертва; прими ее, не пугай, чтобы хорошо хранил все семейство, рождались бы сыновья и дочери здоровыми, и скотина была бы здорова”» [16. С. 100; 19. С. 240].

Моления бесермян *Керемету* более подробно описал удмуртский ученый И. С. Михеев. По его данным, общественное моление совершается в небольшой рощице, называемой *Кереметью*.

Для совершения моления требуются: белая утка, серый гусь, бурый ягненок и овца, два красных быка. Моление совершается 5–6 стариками. Начинают его жрецы, они же готовят жертвенную трапезу. Все мужчины деревни (женщины и дети исключаются) приходят на моление, когда сварится жертвенная утка. Жрец берет голову, крылья, лапки и задок утки и кладет в особый, нарочно для этой цели приготовленный мешочек. Как только съедят мясо жертвенной утки, прихожане расходятся по домам. Остаются одни жрецы. Теперь для жертвы готовят гуся. Повторяется все, что сотворили с уткой и ее мясом. Когда разошлись прихожане

по домам, в жертву приносят барана. Жрецы делают все так же, как поступили с жертвенной уткой и гусем. Прихожане поели мяса и разошлись по домам. На другой день в жертву приносится бык, и повторяется тот же ритуал. Само моление, то есть произнесение молитвы, совершается после того, как съедаются все жертвенные животные. Народ расходится по домам, а жрецы, взяв мешочек, куда сложены нужные части жертвенных животных, идут в лес. Встав вокруг одной елки, жрец громким голосом произносит положенную на этот случай молитву, вешают мешочек на елку и отправляются домой [13. С. 56–57; 16. С. 101–102].

Топонимы «Керемет» и «Луд» в среде южных удмуртов

Керемет – возвышенность в д. Удмуртский Сарамак Кизнерского р-на, где в старину проходило моление *Керемет*.

Керемет / Луд – холм в д. Асаново Алнашского р-на, место старого моления.

Керемет – лог, место моления, заброшенного жителями д. Старые Ятчи и д. Поршур Граховского р-на): *Керемет*.

Керемет – ложбина в д. Батырево Граховского р-на: *Керемет* – место старинного моления.

Керемет – огороженное место в лесу в д. Малая Пудга Можгинского р-на.

Кереметьнюк – ложбина в д. Карамас-Пельга Киясовского р-на: *керемет*, диал. *кереметь* + *нюк* ‘ложбина, лог; сырой, болотистый овраг’: ‘Ложбина, где находилось мужское моление Керемет’ (> Кереметь)’.

Кереметгурезь – пригорок между дд. Верхние и Нижние Кватчи Можгинского р-на: *Керемет* + *гурезь* ‘гора’: ‘гора, где проходило моление Керемет’.

Кереметошмес – родник в д. Замостные Какси Можгинского р-на: *Керемет* + *ошмес* ‘родник’: ‘Кереметов родник’ или ‘Родник с места моления Керемет’.

Луд – место моления в д. Чежебаш Можгинского р-на [10].

Луд – место моления в д. Сосновый Ключ Можгинского р-на [10].

Лудвöсян – место моления в д. Старый Березняк Можгинского р-на [10], где *Луд* – место мужского моления + *вöсян* сущ. от гл. *вöсяны* ‘принести (принести) в жертву; освятить; молить; провести моление’.

Лудгурезь – место моления в д. Водзя Можгинского р-на [10]: *Луд* + *гурезь*.

Луднюк – ложбина в д. Новые Юбери Можгинского р-на [10]: *Луд* + *нюк* ‘ложбина, лог; овраг’: ‘Ложбина, где проходило моление Луд’.

Луд – место мужского моления в д. Большие Сибы Можгинского р-на; по рассказам моего однокурсника, еще в 70-е гг. XX в. здесь проходили общественные моления с принесением в жертву животных и птиц.

Лудпумбам – склон горы в д. Замостные Какси Можгинского р-на, где в старину проходили моления: *Луд* + *пум* ‘край, конец’ + *бам* ‘склон, скат горы’: ‘Луд, расположенный на краю склона пригорка’.

Лудбаң – пригорок в д. Мамаево Граховского р-на, где проходило моление: *Луд* + *бам*, диал. *баң* ‘склон горы’: ‘Моление Луд, проходившее на склоне пригорка’.

Луд – место мужского моления в д. Старая Игра Граховского р-на, которое находилось над рекой Улёк, на вершине высокой, труднодоступной горы Тульгельдй, поросшей еловым лесом и орешником (жители соседнего с. Верхняя

Игра ту гору называют **Лудгурезь**). Моления проходили до 30-х гг. XX в. – до образования колхозов. Место было огорожено, только на этом месте растет несколько сосен. По рассказам мамы (В. Ф. Атаманова, 1910 г. р.), это было очень строгое моление, женщины никогда не участвовали, даже близко подойти к тому месту до сих пор боятся. На моление шли вечером, помывшись в бане, в чистой, белой одежде, с собой несли пресные лепешки (*куарнянь*). Вино там не пили. В жертву приносили чалого жеребенка и пару уток.

Интересно, что часть удмуртов Граховского р-на, живущих в бассейне реки Умяк (левый пр. р. Вятки), данное моление называют *Керемет*, а живущие в бассейне р. Тоймы (пр. пр. р. Камы) – *Луд* (я, уроженец д. Старая Игра, слово *керемет* до учебы в университете ни разу ни от кого не слышал ни в хорошем, ни в плохом смысле).

Следует еще отметить, что удмурты, живущие в бассейне р. Тоймы, Ижа, верховий реки Вали (территория современных Алнашского, Малопургинского, Агрызского, Менделеевского, Киясовского, части Граховского и Можгинского р-нов) данное моление называют *Луд*, в некоторых деревнях известно название *Керемет*. В д. Нижнее Асаново Алнашского р-на использовали оба термина. По рассказу информанта С. П. Крыловой (1891 г. р.), в *Керемети* ~ *Луде* молились каждый год после Петрова дня; моление начинали после обеда. В жертву приносили белого барана и белого гуся; жертвовали те, кто хотел избавиться от какой-либо болезни. Внутри ограды готовилась жертвенная еда, жрец (*вöсьсь*) стоял лицом на юг и так молился (примерно): «*Кизем юмы мед удалтоз; гурт калыклы секыт медаз лу; капчи мед луоз, тазалык сёт, пудо-животлы, тылобурдолы но секыт медаз лу; гурт калыклэсь улон-вылонзэ капчи кар...*» ('Посеянные хлеба наши да уродятся; живущим в деревне дай здравие, дай благое поспешение; скоту нашему и птицам пусть будет хорошо; умягчи жизнь жителей деревни...'). Мясо поедают за оградой, а кости сжигают на костре внутри ограды.

В д. Чумали того же района моление в *Луде* проходило в Петров день, а осенью на «прощание с Лудом» шел *Луд утись* (хранитель, глава Луда), *вöсьсь* (жрец) и его помощники. Ворота *Луда* закрывали до следующего летнего моления. Что интересно, не все жители деревни участвовали в молении *Луд*: только малая часть чумалинцев была приверженцем культа *Луд*, основная же масса молилась в *Быдзым куала* (Великое родовое святилище). Почитатели *Луда* в молениях в *Быдзым куале* не участвовали – их и не допускали туда: эта группа народом презиралась, их считали злым родом и в брачные связи с ними не вступали. Откуда такой раздел, раскол возник в удмуртской общине? Зайдем в соседнюю, знаменитую на весь финно-угорский мир деревню Кузебаево того же района, где до сего времени проходят моления в *Быдзым куале* (Великое родовое святилище), *Луде*, *Булде* с жертвоприношениями. Даже в самые глухие атеистические времена здесь проходили языческие моления, ни одно из общественных молений до сих пор не прекратило свое существование. Что самое интересное для науки, жители Кузебаево и некоторых соседних деревень Алнашского, Малопургинского р-нов и по религиозному принципу делятся на 2–3 группы. Так, в Кузебаево до сего времени существуют группы *Быдзым куала выжы* (Почитатели Великого родового святилища), *Луд выжы* (Почитатели Луда),

Булда выжы (Почитатели Булды). Но об этом сообщим пониже. А сейчас слово самому члену *Луд выжы*:

«Я сам *Луд выжы*. Раньше в Луде положено было принести в жертву (замаливать) 2–3 гнедых жеребят, а сейчас режут только белого барана. Моление в Луде проводят 4 человека: жрец – *вöсьсь* – главное лицо, один из них моет, готовит посуду для жертвоприношения, другие – помогают жрецу во всех делах. Жертвенного барана привозят вечером. Прежде чем зайти на *Луд*, жрец и его помощники встают на колени и молятся:

“*Осто Иньмаре, быдзым Иньмаре! Гурто калыке понна вöсьськиськом, Иньмарлэсь зечлык, гурт калыклы тату улон куриськом. Ужано ужсьёмь азинлыко медло, сиёно сиёнсьёмь берекетлы медло. Тыллэсь-пулэсь, кыжлэсь-мыжлэсь ачид чакла вал, Иньмаре. Вордоно животсьёмес ачид чакла вал, Иньмаре. Кизем юмы-няньмы мед удалтоз вал, Иньмаре: камыш куроен, азвесь шепен, зарни тысен мед луоз вал, курисько зечлыктэ, Иньмаре. Вöсьям вöсьмы кабыл мед луоз вал*” (‘О Боже, великий Боже! За наш деревенский народ молимся. Доброй, дружной жизни просим у Бога. Чтобы все наши дела шли споро, с успехом, еда-питие чтобы шли на пользу. От пожаров, несчастий, от всякого зла Сам уберег бы, Боже. Нашу скотину, птицу Сам уберег бы, Боже. Посеянные нами хлеба уродились бы, Боже: стебель был бы камышеобразным, чтобы колос сверкал-блестел подобно серебру, а зерно было бы подобно золоту. Доброту-благость прошу у Тебя, Боже. Наше моление пошло бы нам на пользу, прими наши просьбы, Боже’).

У жертвенного животного с правого бока берут 3 ребра, 2 ноги (ляжки), сердце, печеньку, голову – моют, очищают и кладут в отдельный котел, остальное мясо – в другой котел. Пока варится мясо, можно отдохнуть, но за оградой. Когда вновь заходят в ограду, моют руки.

Ночь проходит. Начинает собираться народ. Каждый с собой приносит 3–5–7 пресных лепешек (*куарнянь*), 3 из них отдают жрецу (*вöсьсь*). Жрец берет их на руки, замаливает и отдает в руки хозяина. Поспевает суп, разливают в 4 чашки – по числу проводивших моление во главе со жрецом. С восходом все четверо – жрец и его помощники – встают на колени перед костром, лицом на солнце, молятся, а тарелки с супом стоят перед ними на скамье. Поев суп, вновь молятся и все четверо встают на ноги. Помолившись, поклонившись костру, народ начинает расходиться по домам. *Вöсьсь* (жрец) и его помощники уходят последними. Костер медленно, сам собой, начинает гаснуть.

Вообще надо сказать, что *Луд* – это очень строгое, злое моление. На моление следует идти чистым: помывшись в бане, надев чистую одежду. Пить и курить совсем не разрешается» (со слов П. М. Матвеева, 1900 г. р., уроженца д. Кузубаево Алнашского р-на).

По рассказам жителей Кузубаево, *Луд* приняли от татар, сменили на *уразу*. Странно: *ураза* – мусульманский обычай, удмуртам-язычникам не был известен и никак они не могли получить *Луд* / *Керемет* вместо *уразы*.

Культ Великого родового святилища (*Быдзым куала*), без сомнения, вопреки утверждениям некоторых ученых, древнее культа *Керемета* / *Луда*: у него древнейшие финно-угорские / уральские корни, он связан с почитанием родового божества – *воршуда*; в основе воршудных имен лежат названия зверей, птиц,

рыб, насекомых – тотемов рода, а также термины родства по женской линии; их изображения в виде медальонов – *дэндор* и идолов хранились в родовом святилище – *куала*, на специальной полке *мудор / воршуд жсажсы* (после крещения удмуртов эти сакральные предметы отбирались и уничтожались).

Самое интересное, лучше сказать – страшное, заключалось в том, что возникновение культа *Керемета* начало раскалывать древнеудмуртское общество по религиозно-культурному признаку на 2 группы: 1) почитателей культа Керемета – *Луд выжсы* и 2) отрицателей культа Керемета – *Быдзым куала выжсы* (в XIX в. в Кузубаеве появилась еще одна религиозно-культурная группа – *Булда выжсы*). Культурные объединения-антагонисты даже в брачно-родственные связи не вступали; каждое объединение проводило отдельное моление по своим канонам.

Культ *Быдзым куалы* я бы назвал солнечным – радостным, в котором участвовали все члены рода от мала до велика; моление проходило днем – в солнечное время, начиналось с восходом солнца, продолжалось до обеда и чуть дольше. Культ *Керемета / Луда* хочется назвать лунным – мрачным, грозным, пугающим; моление с жертвоприношением начиналось с заходом солнца и завершалось с восходом солнца; приготовление к молению шло при лунном свете и свете жертвенных костров. В молении участвовало ограниченное количество людей – мужчины, прошедшие обряд инициации. Женщины и дети не допускались. В 1980–1981 гг. вместе со съемочной группой из этнографического музея Эстонии (г. Тарту) в качестве научного консультанта я участвовал на съемках молений в *Луде* и *Быдзым куале* в д. Кузубаево Алнашского р-на. Весь ход молений был заснят на пленку и записан в экспедиционные тетради.

Основная масса удмуртов, приверженцев древнейшего культа *Быдзым (Зёк) куалы*, всех отступивших от собственной удмуртской веры и принявших культ *Керемета*, принимала как отступников и старалась не иметь с ними никаких связей. Южные удмурты Кузубаевского (Алнашский р-н) и Юринского (Малопургинский р-н) кустов почитателей культа *Луда / Керемета* называют *урод выжсы* ‘злой род’. То же наблюдаем на севере Удмуртии и Кировской области: средне- и нижнечепецкие удмурты-ватка своих соседей – удмуртов-калмезов и бесермян с презрением называют *Керемет вöсьсьёс* – Кереметовцы (букв. ‘замаливающие Керемет’).

Когда же возник культ *Керемета* (~ *Луда*) в среде южных удмуртов, наука пока не дала убедительных ответов. Не сомневаясь, одно можно сказать: это чужеродный заимствованный, но, скорее всего, навязанный извне культ. Скорее всего, к древним удмуртам он пришел в эпоху существования Хазарского каганата (VII–X вв. н.э.), где господствующей религией был иудаизм, или же в начале формирования Булгарского государства в Волго-Камье (X в. н.э.), до принятия ислама булгарами. В Ветхом Завете Священного Писания много говорится о священных рощах, дубравах. У ветхозаветных евреев отступнические от канонов моления устраивались на горах (у удмуртов было то же самое); вопреки многочисленным нареканиям святых пророков, благочестивых иудеев из народа, священнослужителей Иерусалимского храма, моления в дубравах, на горах, продолжались из века в век. Было время, что Св. пророк Илия остался единственным служащим истинному Богу еврейского народа, другие же, Вааловы – дубравные,

сотни пророков – вели моления на горах – в дубравах – со всеми языческими мерзостями (см. 3 Царств 18 и далее).

Благочестивые цари (их было очень мало) уничтожали молельные рощи в горах богоизбранного народа, но приходили другие цари, как Ахаз, Ахав, Манассия и др., и вновь их восстанавливали. Иудеи Хазарии, не имея храма (Иерусалимский храм был уничтожен уже в I в. н.э.), могли молиться, помимо синагог, в священных рощах, как их предки в Израиле и Иудее. Собственно, само слово *керемет* (*киреметь*) семитского происхождения, пришедшее из Ближнего Востока (см. арабск. *кэрамэт* ‘духовная помощь’. Как пишет татарский лингвист Р. Г. Ахметьянов, из арабского слова со временем получилось два слова: *кэрамэт* – термин мусульманской теологии, который переводится как ‘чудо творимое пророком или другим святым’ и *кирамэт* – языческий фетиш [3. С. 31–33]).

Один из сложнейших вопросов связан с тем, что одно и то же моление носит два названия: *Керемет* и *Луд*. Которое из них древнее, когда и в какой среде они возникли? Почему такое боязливое, даже неприязненное отношение к ним со стороны самих удмуртов, – хотя сами почитают культ Керемета / Луда, приносят жертвы, коленопреклоненно молятся. Странно и то, что севернoudмуртский апеллятив *луд* ‘поле’ / коми *луд* ‘лужайка, пастбище’ (слово уральского происхождения, имеющее параллели в индоевропейских языках [см.: 12. С. 163]), не сохранившееся в языке носителей южнoudмуртского наречия, употребляется в названии моления (если, конечно, в основе моления *Луд* лежит апеллятив *луд* ‘поле’. Есть сомнение, так как проходит моление не на поле, а в лесах, на горах – в священных рощах, это не «полевое» моление). В то же время северным удмуртам моление под названием *Луд* не известно, у них бытует заимствованное название *Керемет*.

По этнографическим материалам, собранным в среде южных удмуртов, включая сюда завятские (арские), закамские, уральские (красноуфимские) этнолингвистические группы, а также бесермян, живущих в среде северных удмуртов-ватка, выясняется такая картина:

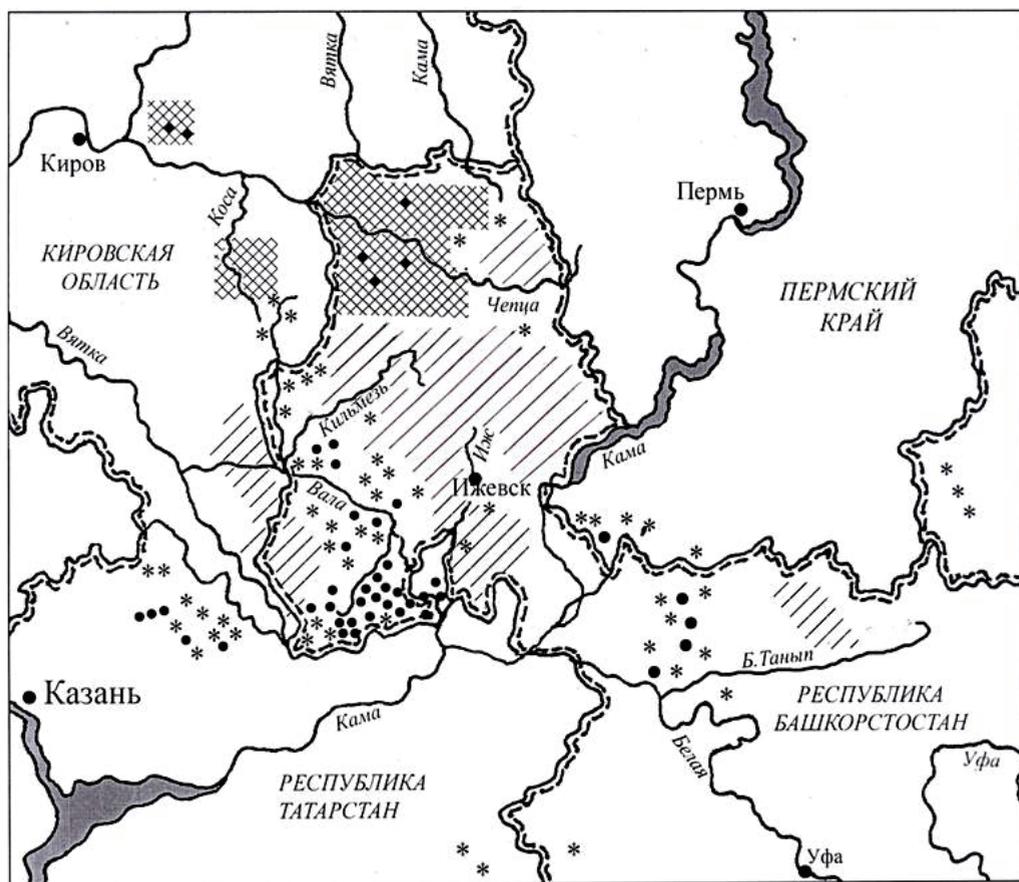
Культ Керемета / Луда к исторически обозримому времени (в большинстве регионов – к 30–50-м гг. XX в.) в среде удмуртов угас, за исключением д. Кузубаево Алнашского р-на. Ныне возникла путаница в определении первичности возникновения, важности в жизни удмуртской общины культа *Луда* и *Керемета*. Большинство информантов считает, что *Керемет* – это только место мужского моления, что это ограда *Луда*: «*Луд* – это моление, как всегда проходит на высокой горе, оно огорожено, ограда называется *Керемет*»; «*Керемет* и *Луд* – одно и то же, отличие только в том, что *Керемет* – это местность, где проходит моление, а *Луд* – место, где произносят молитвы и совершается принесение жертвы; каждая воршудно-родовая группа имела *Луд*, например, *Какся Луд*»; «моление в *Керемете* называется *Лудэ пырон* (‘вхождение в *Луд*’); «внутри ограды *Луд утись* (хранитель *Луда*) приносит жертву «хозяину *Луда* – *Луд кузэ* ~ *Луд мурт* ~ *Луд бабам* (*кузэ* ‘хозяин, глава’; *мурт* ‘человек’; *бабам* ‘дедушка’ (бесерм.).

На своих моленьях удмурты, даже члены *Луд выжы* (род почитателей *Луда* в Кузубаево и ее округе) всегда обращались с молитвой, просьбой только

к Инмару – верховному Богу, Творцу Вселенной, но никогда не обращались к *Керемету*: не считали его божеством, тем более – братом Инмара. *Керемет* – это злой дух, который насыляет в среду людей болезни, моры, ссоры, страдания. Чтобы избавиться от такой напасти, люди (только мужчины) участвовали в молениях – со страхом приносили в жертву животных и птиц. Шли, помывшись в бане, в чистой белой одежде. В отличие от других молений, вино (кумышка) здесь не употреблялось.

В жертву приносили баранов, жеребят, бычков, гусей, уток, но, вопреки мнению некоторых ученых, не черной масти, а наоборот: чаще всего информанты упоминают белый цвет. И козлов на этом молении не приносили в жертву: их приносили в жертву только духу злых (инфекционных) болезней – Черу, Съодчеру (чумы или холеры). Кстати, козы (*кеч* ‘коза’) в среде удмуртов появились в недавние времена.

- * – топонимы с апеллятивом *Керемет*
- – топонимы с апеллятивом *Луда*
- ◆ – следы *Керемет* в среде бесермян
- культ *Керемета* / *Луда* отсутствует
- слабо или совсем не изученные районы

Географические названия с апеллятивом *Керемет* / *Луда*
на карте Волго-Уральского региона

Моления в *Керемете* / *Луде* начинались с вечера; с восходом солнца совершались коленопреклонное моление и трапеза жертвенной еды. Места для молений, как правило, выбирались на горах, возвышенных местах, где росли деревья. Каждый род предпочитал определенный вид дерева, чаще всего ель, сосну, дуб, липу, березу. Так, в д. Старая Кирга Куединского р-на Пермского края было два керемета: *Кызкеремет* (кыз 'ель, ёлка' + *Керемет*) и *Кызьпукеремет* (кызьпу 'берёза' + *Керемет*). В данном селении живут члены (потомки) двух древних воршудно-родовых групп: *Затча* и *Можга*.

Такова вкратце история бытования культа *Керемета* / *Луда* в среде удмуртов. Конечно же, требуется еще более полная интерпретация всех сторон интереснейшего, самобытного культа *Керемета* / *Луда* в сравнительно-историческом плане.

* * *

...Теперь уж / Керемет / Забыт, / Зброшен... Молодежь / Бежит во страхе / Мимо. / Идет молва, / Что леший в нем живет, / Прохожих ловит, / Мучит нетерпимо. / И Керемет / Уж много / Лет / Средь злых годин / И день, и ночь / Стоит / Один. Стоит, / Шумит. / И сказочные были / О прошлом говорит он. / Не смолкая / О тех, кто умерли, / Но в прошлом жили, / Были... И ждет, / Когда придет / Грозových туч / Бесчисленная / Стая / И даст приказ ветрам: / Разрушить / Древний / Дряхлый / Храм! [9. С. 45–46].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.

2. Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.

3. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука. 1981. 144 с.

4. Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь: около 15 тыс. слов / Т. К. Борисов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. 384 с.

5. Владыкин В. Е. Культ Керемета у удмуртов // Вопросы советского финно-угроведения / Тезисы докладов и сообщений на XIX Всесоюзной конференции по финно-угроведению. Саранск. 1972. С. 75–77.

6. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

7. Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002. 424 с.

8. Гарипова Ф. Г. Татарстан гидронимнары сүзлеге = Словарь гидронимов Татарстана. Казань, 1984.

9. Герд К. Керемет: поэма // Лирика. Ижевск, 1965. С. 41–46.

10. Кириллова Л. Е. Микропонимия бассейна Вали (в топонимическом освещении). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 320 с.

11. Кириллова Л. Е. Микропонимия бассейна Кильмези. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 571 с.

12. Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

13. *Михеев И. С.* Несколько слов о бесермянах // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1901. Т. 17. Вып. 1. С. 51–60.

14. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах) / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1980. Т. 1. А–К. 672 с.

15. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. 3. С. 29–37.

16. *Попова Е. В.* Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. 320 с.

17. *Рычков Н. П.* Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского Государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770–1772.

18. *Садиков Р. Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008. 232 с.

19. *Штейнфельд Н. П.* Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1894. С. 220–259.

Поступила в редакцию 29.11.2013

М. G. Atamanov

Keremet / Lud Worship in the midst of the Udmurts and its Reflection in Toponymy

Keremet is one of the most complicated and discrepant images in Udmurt mythology and religions ritualism not only in the midst of the Udmurts but in the midst of the Chuvash, the Mari and other peoples of Eurasia. There is another equivalent of the word Keremet. It is a religious term Lud and it is typical of the Southern and Central groups of the Udmurts – the Kalmez. The playings took place in sacred grove on the hills from sunset to sunrise and only men could take part in them. Keremet and Lud prayings considered to be very strict and frightening. The Middle and Low Cheptsu Udmurts = the Votka and the part of Southern Udmurts «Bydzim Kuala Vizhi» refused accepting this strange worship. Keremet worship penetrated Volga and Ural regions coming from the Near East thanks to the Khazars and the Volga and the Kama Bulgars. There are still plenty of Keremet traces that can be observed in the toponymy of Udmurtia and neighboring regions.

Keywords: Keremet and Lud worship, praying, sacrifice, toponymy, microtoponym, the Southern and the Northern Udmurts, the Kalmez, the Bessermians, the Chuvash, the Mari.

Атаманов Михаил Гаврилович,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: rvkir@mail.ru

Atamanov Mikhail Gavrilovich,

Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Associate,
Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: rvkir@mail.ru

УДК 811.511.131

Л. М. Ившин

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ УДМУРТСКОГО
ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ И. В. ТАРАКАНОВА**

В работе анализируются исследования удмуртского ученого И. В. Тараканова, которые касаются вопросов выявления и научного изучения памятников ранней удмуртской письменности. В них юбиляр уделяет внимание характеристике графических, грамматических, диалектных и лексико-семантических особенностей удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, языкознание, письменность, памятники письменности, графика, словари.

Вся сознательная жизнь профессора И. В. Тараканова – служение своему делу, где бы он ни работал, на какой бы ниве ни трудился, он всегда и везде является примером честного и благородного отношения к работе [1. С. 12].

Иван Васильевич Тараканов – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки УР и РФ, родился 2 июля 1928 г. Закончив среднюю школу, он работал в родной школе учителем начальных классов (1944–1948), окончил историко-филологический факультет УГПИ (1948–1952), поступил в аспирантуру Тартуского государственного университета (1955–1958), где подготовил и успешно защитил в 1959 г. кандидатскую диссертацию на тему «Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)». Проработав некоторое время в Удмуртском НИИ, молодой исследователь в 1960 г. перешел в УГПИ. Профессиональная деятельность Ивана Васильевича Тараканова неразрывно связана с пединститутом (с 1972 г. – УдГУ): доцент, заведующий кафедрой, профессор.

Научные изыскания И. В. Тараканова включают в себя различные области удмуртского языкознания: диалектологию, фонетику, морфологию, синтаксис и лексикологию. Не вдаваясь в подробности его многочисленных работ, посвященных исследованию названных отраслей удмуртской лингвистики, отметим только, что ведущими в его научной деятельности были лексикология и диалектология.

Подробнее коснемся исследований И. В. Тараканова, посвященных анализу письменных памятников удмуртского языка, или описанию памятников письменности попутно с разработкой других областей удмуртского языкознания.

Во время учебы в аспирантуре молодой филолог знакомится с уникальными архивными материалами по удмуртскому языку в фондах Архива Русского Географического Общества (Ленинград), работает там же в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская Национальная библиотека) и в ВГБЛ (в Москве; ныне – Российская Государственная библиотека). Так, в третьем разделе «Введения» своей диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)» [2. С. 34–39] ученый приводит перечень из 17 рукописных работ, выявленных им в архиве АН СССР (ныне архив Санкт-Петербургского отделения РАН) и рукописном фонде библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Некоторые рукописи получили довольно полное описание: даются сведения о месте их хранения, объеме, структуре, времени составления и об авторе. Единичные работы снабжены диалектологическим анализом.

Статья И. В. Тараканова «Первой грамматике удмуртского языка 190 лет» [3] посвящена удмуртской грамматике «Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (1775). Больше внимание уделено отражению в письменном памятнике грамматических особенностей языка; отмечен ряд следующих неточностей и недочетов: классифицирование глаголов многократного вида глаголами давнопрошедшего времени, отношение причастных и деепричастных конструкций к неопределенному наклонению, отсутствие описания некоторых частей речи (наречия, союза, междометия, частицы). Только поверхностно ученый коснулся вопросов графики грамматики; отметил способы передачи специфических удмуртских аффрикат *ž*, *č* средствами русской графики. По мнению И. В. Тараканова, «в грамматике не нашли своего отражения смычно-щелевая аффриката *žš* и нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема средне-заднего ряда *ö*» [3. С. 229]. Однако, аффриката *žš*, как нам известно, довольно последовательно передается буквосочетанием *дж*, а удмуртская фонема *ö* – буквами *э*, *е*, (в единичных случаях – *о*, *а*). Вызывает сомнение следующее утверждение ученого: «Удмуртские слова написаны русскими буквами с добавлением двух латинских графем – *I* и *g*...» [3. С. 229]. Возможно, знак *I* здесь является опечаткой (вместо *i* или *l*), так как слов, написанных при помощи латинской литеры *I*, нами не обнаружено.

В монографии «Удмурт лексикая очеркъёс» («Очерки по удмуртской лексике») [4] И. В. Тараканов исследует словарный состав удмуртского языка с точки зрения его семантического и стилистического употребления. В главе «Удмуртская лексикография» он связывает развитие удмуртской лексикографии с возникновением удмуртской письменности в XVIII в. и приводит работы Д. Г. Мессершмидта, Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и др. [4. С. 82–85], а также сведения о месте хранения письменных памятников, их объеме, структуре и времени составления. У некоторых памятников отмечает также лексико-семантические особенности.

В следующей работе «Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века» [5. С. 85–100] И. В. Тараканов исследовал заимствован-

ные слова тюркского происхождения в памятниках удмуртской письменности, выделив 87 слов тюркско-булгарского и 120 лексем татарского происхождения, проникших в удмуртский язык еще до XVIII в. Большинство из них, особенно тюркско-булгарские (как заметил исследователь), распространено во всех диалектах удмуртского языка и носит общенародный характер, некоторые же – только в периферийно-южных.

В учебном пособии И. В. Тараканова «Туала удмурт кыл: Лексикология» («Лексикология современного удмуртского языка») [6], дополненном и переработанном издании «Очерков по удмуртской лексике» [4], изложены теоретические сведения о лексико-семантической системе удмуртского языка. Все разделы включают в себя упражнения для практических занятий. В главе «Удмуртская лексикография», как и в первом издании, приведены работы ученых-путешественников XVIII в. с краткой характеристикой их научных взглядов.

Небольшую работу «О старинных рукописных словарях удмуртского языка» [7] И. В. Тараканов посвятил словарям XVIII – нач. XIX вв., с которыми он работал в архиве АН СССР (ныне архив Санкт-Петербургского отделения РАН) и в рукописном фонде (отделе) библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Некоторые рукописи описаны им довольно полно: даются сведения о месте их хранения, объеме, структуре, времени составления и об авторе (если есть). Единичные рукописи подвергнуты диалектологическому анализу. Так, в «Словаре языка вотского» Тараканов обнаружил лексику и языковые (диалектные) явления, присущие глазовскому диалекту удмуртского языка: употребление звука *y* в позиции перед *a* на месте начального *v*, употребление аффрикаты *ц* или звукосочетания *тс* вместо *ч* и др. [7. С. 331]. Приводится перечень из 17 рукописных работ, выявленных в архиве Санкт-Петербургского отделения РАН и рукописном фонде Российской Национальной библиотеки. Все памятники получили полное описание – даются сведения о месте их хранения, объеме, структуре, времени составления и авторе. Кроме того, некоторые рукописные словари охарактеризованы более подробно.

И. В. Тараканов написал статью о памятниках удмуртской письменности для энциклопедии «Удмуртская Республика» [8], где приводит названия работ историков-энциклопедистов XVIII в.; вкратце описывает первую удмуртскую грамматику 1775 г., отмечает, что в дальнейшем на ее основе были составлены рукописные грамматика М. Могилина и словарь З. Кротова, «Грамматика удмуртского языка» Ф. И. Видеманна, «Азбука» Н. Блинова и другие удмуртские книги.

В статьях «История удмуртской графики» [9] и «Из истории удмуртской графики» [10] ученый опирается на материалы 12 письменных памятников XVIII–XX вв., включающие в себя первое удмуртское стихотворение 1767 г., первую удмуртскую грамматику «Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (Санкт-Петербург, 1775), «Азбуку, составленную изъ Россіискихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи» (Казань, 1847), фольклорно-диалектологическое издание Б. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» (Казань, 1880), «Букварь для вотяцкихъ дѣтей Сарапульскаго уезда» (Казань, 1882), «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» Г. Е. Верещагина (Вятка,

1895), «Краткий славяно-вотский словарь» (Казань, 1897), «Первую книгу для чтения на вотскомъ языкѣ» И. С. Михеева (Казань, 1907), газету «Войнаысь ивор» № 5 за 1915 г., «Чырдыны дышеськонь книга» (Казань, 1920), «Руководство к изучению вотского языка» Г. Е. Верещагина (Ижевск, 1924) и «Удмурт кыл-радянь: Элементарная грамматика вотского языка» И. В. Яковлева (Ижевск, 1927).

К каждому из памятников письменности проф. Тараканов приводит алфавит, использованный при его составлении, отдельно останавливаясь на обозначении различными буквами специфических звуков удмуртского языка (аффрикат, гласного *ö* и т. д.) и справедливо отмечая, что «сама динамика становления алфавита и обозначения различными буквами специфических звуков удмуртского языка в разных изданиях и в различные годы в них (изданиях. – Л. И.) еще не описывались» [9. С. 297], с чем мы, конечно же, полностью согласны. Однако историю удмуртской графики невозможно проследить, опираясь на материалы 12 отдельно взятых изданий, потому что только до революции на удмуртском языке было издано около 400 наименований книг [11. С. 5; 12. С. 530], причем нередко почти в каждом издании использовалась собственная графическая система. Объективная картина истории становления современной удмуртской графики и орфографии может быть достигнута лишь при анализе в этом аспекте каждого памятника письменности удмуртского языка.

Подводя итоги своего исследования, И. В. Тараканов заключает, что все буквы с диакритическими знаками в том виде, в каком они употребляются в настоящее время, впервые были введены в «Кратком славяно-вотском словаре» 1897 г. изд., с чем мы тоже не можем согласиться, поскольку специфические удмуртские буквы в полном составе (ж, з, ч, й, ö) употреблялись еще за 15 лет до появления этого словаря - в книге «Первоначальный учебникъ русскаго языка для вотяковъ» [13].

В свои 85 лет Иван Васильевич Тараканов полон сил, энергии и творческих замыслов. Он по-прежнему ведет научную работу, выступает с докладами на конференциях различного уровня, готовит учебники для студентов. И планы его по-прежнему, «по-молодому» реальны. Пожелаем ему, чтобы интуиция, чувство нового во всем не подводили его, и пусть он продолжает работать и творить!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шутов А. Ф. Об авторе // Удмуртский язык: становление и развитие: Сб. статей. Ижевск: «Удмуртия», 2007. С. 5–12.

2. Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1958. 310 с.

3. Тараканов И. В. Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // Советское финно-угроведение. 1965. № 3. С. 229–230.

4. Тараканов И. В. Удмурт лексикая очеркьёс. Ижевск: «Удмуртии», 1971. 96 б.

5. Тараканов И. В. Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов / Удм. НИИ ИЭЛиЯ при СМ Удм. АССР. Ижевск, 1977. С. 85–100.

6. Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 140 с.

7. Тараканов И. В. О старинных рукописных словарях удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: «Удмуртия», 1998. С. 330–338.

8. Тараканов И. В. Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: «Удмуртия», 2000. С. 539–540.

9. Тараканов И. В. История удмуртской графики // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000 Tartu. Pars VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III. Tartu, 2001. С. 297–301.

10. Тараканов И. В. Из истории удмуртской графики // Удмуртский язык: становление и развитие: Сб. статей. Ижевск: «Удмуртии», 2007. С. 76–84.

11. Каракулов Б. И. Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития: Материалы междунар. науч. конф. (Глазов, 19–21 ноября 1997 года). Ч. I: Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. Глазов, 1997. С. 3–8.

12. Каракулов Б. И. Еще раз о вопросе строительства удмуртского литературного языка в 30-е годы XX века или забытая страница истории удмуртской лингвистики // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szij Enikő 60. születésnapjára (= Uralistikai Tanulmányok, 14). Budapest, 2004. Ol. 528–536.

13. Первоначальный учебник русского языка для вотяковъ. Казань, 1882. 121 с.

Поступила в редакцию 14.01.2014

L.M. Ivshin

The written monuments of the Udmurt language in research of I. V. Tarakanov

The paper examines research works of the Udmurt scientist I. V. Tarakanov, which are focused on the issues of detection and scientific study of the monuments of early Udmurt literature. Attention is paid to the description of graphical, grammatical, dialectal and lexicosemantic peculiarities of the Udmurt language.

Keywords: the Udmurt language, linguistics, literature, manuscripts, graphics, dictionaries.

Ившин Леонид Михайлович,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Ivshin Leonid Mihailovich,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

УДК 81(=511.131)'37

О. В. Титова

О СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются способы образования новых терминов в удмуртском языке на примере переводов товарных надписей. В ходе анализа языкового материала установлено, что новая лексика создана при помощи морфологического, лексико-синтаксического и лексико-семантического способов словообразования. Отдельные термины, образованные посредством копирования структуры иноязычных слов, представляют собой кальки с русского языка.

Ключевые слова: способы словообразования, терминология, удмуртский язык.

Развитие и обогащение словарного состава современного удмуртского языка – один из важнейших вопросов удмуртской лингвистики. В процессе исторического развития удмуртами было заимствовано огромное количество лексических единиц из русского языка, а через него – из других языков. Для обозначения многих предметов и явлений действительности в удмуртском языке используются русские заимствования, не имеющие удмуртских эквивалентов. В связи с отсутствием собственно удмуртских терминов в различных сферах жизнедеятельности человека возникает необходимость создания новых слов за счет внутренних ресурсов языка.

Сегодня терминология удмуртского языка активно развивается: целенаправленно создаются термины на базе лексики родного языка, в чем большую роль сыграла Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку, одна из основных задач которой – пополнение словарного запаса, совершенствование и упорядочение терминологии. Новые удмуртские слова и термины, предложенные и утвержденные комиссией, были опубликованы в Бюллетенях № 1 (1998) [1] и № 2 (2008) [2]. В первом из них в статье И. В. Тараканова [13. С. 108–117] рассматриваются вопросы возникновения и развития удмуртского литературного языка, а также пути обогащения его лексики в современную эпоху. Заметный вклад в обогащение словарного состава удмуртского языка внесли составители русско-удмуртских и удмуртско-русских словарей химических (2002) [5], географических (2003) [18], лингвистических (2005) [6] и медицинских (2012) [8]

терминов, причем многие из слов созданы авторами словарей с помощью продуктивных словообразовательных средств удмуртского языка. Значительная часть новых терминов, образованных на базе родного языка в последние годы, представлена в «Удмуртско-русском словаре» 2008 г. [19]. Терминология по литературе, языку, истории, обществознанию, математике, химии, физике, биологии, информатике, географии была переведена на удмуртский язык в ходе реализации проекта «Создание терминологических словарей на национальных языках для общеобразовательных школ в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации» в рамках совместной программы Совета Европы и Европейского Союза для Российской Федерации – «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». В итоге этой работы в 2011 г. появились отдельные словари по названным отраслям научных знаний [см.: 4, 9, 11–12, 14–17, 20–21]. Тем не менее по многим ветвям наук в удмуртском языке терминология пока недостаточно разработана и усовершенствована.

Рассмотрим некоторые способы образования новых терминов в удмуртском языке. Материалом для исследования послужили переводы с русского на удмуртский язык товарных надписей гипермаркета METRO. Перевод осуществлен сотрудниками отдела филологических исследований УИИЯЛ УрО РАН, откорректирован и утвержден на заседании Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку. Многие термины, приводимые в данной статье, впервые вводятся в научный оборот и еще не отражены в словарях удмуртского языка. Новобразования призваны заместить собой лексемы, заимствованные из русского языка.

Словарный состав любого языка обогащается с помощью словообразовательных средств самого языка. В ходе нашего анализа лексического материала установлено, что в создании новой лексики в удмуртском языке участвуют морфологический, лексико-синтаксический, лексико-семантический способы словообразования, каждый из которых характеризуется своими особенностями.

Морфологический способ – это образование «новых слов на базе имеющихся в языке основ и словообразовательных аффиксов» [10. С. 323]. Многие новые термины возникают при помощи словообразовательных суффиксов удмуртского языка. В зависимости от основы производного слова суффиксальные названия становятся отглагольными или отыменными образованиями.

Отглагольные названия образуются с помощью следующих суффиксов:

-он, -н: *гыльян* ‘ополаскиватель’ (производное от глаг. *гыльяны* ‘ополаскивать’); *йӧндырон* ‘творчество’ (< глаг. *йӧндырыны* ‘1. понимать, соображать, разбираться в чем-либо; 2. найти способ делать что-либо; 3. уметь, пытаться делать что-либо’); *куасьтон* ‘сушилка’ (< глаг. *куасьтыны* ‘сушить’); *кыскон* ‘сигарета’ (< глаг. *кыскыны* ‘курить’); *пырсатон* ‘фритюрница’ (< глаг. *пырсатыны* ‘жарить’); *сӱсьян* ‘фильтр’ (< глаг. *сӱсьяны* ‘цедить, фильтровать’); *сыскиськон* ‘жвачка’ (< глаг. *сыскиськыны* ‘жеваться’);

-ет: *лыдзет* ‘книга’ (< глаг. *лыдзыны* ‘читать’); *ошет* ‘плечик’ (< глаг. *ошыны* ‘вешать’); *ӱшет* ‘салфетка’ (< глаг. *ӱшыны* ‘вытереть’).

В образовании отыменных названий участвуют следующие суффиксы:

-ни: *ужанни* ‘офис’ (*ужан* – сущ. от глаг. *ужаны* ‘работать’ + *-ни* – суффикс, служащий для обозначения места);

-тык: *лыдъянтык* ‘калькулятор’ (*лыдъян* – сущ. от глаг. *лыдъяны* ‘считать’ + *-тык* – суффикс. В отличие от вышеприведенных суффиксов, этот словообразовательный аффикс в современном удмуртском языке непродуктивен).

Лексико-семантический способ – «образование новых слов в результате распада некогда многозначного слова на омонимы» [10. С. 282]. Развитие новых значений слов, функционирующих в удмуртском языке, – один из важных способов пополнения лексикона. Происходит расширение или сужение значений слов, например: *жсажы* ‘стеллаж’ < ‘полка’, *тубат* ‘стремянка’ (сущ. от глаг. *тубаны* ‘подниматься’) < ‘лестница’, *бинет* ‘упаковка’ (сущ. от глаг. *биньыны* ‘замотать’) < ‘связка, сверток’, *пыдчушет* ‘придверный коврик’ (*пыд* ‘нога; ноги’ + *чушет* – сущ. от глаг. *чушыны* ‘вытереть’) < ‘тряпка для вытирания ног’ и др.

Лексико-синтаксический способ (сращение) – это «образование слов посредством слияния в одно целое компонентов словосочетания с сохранением порядка слов и без изменения их морфемного состава» [10. С. 282]. Такие сложные названия в удмуртском языке наиболее часты. Вообще в финно-угорских языках в большинстве случаев словосложение осуществляется путем простого сложения компонентов, в отдельности представляющих собой самостоятельные слова и при сложении не претерпевающих никаких фонетических и морфологических изменений. Наиболее распространенный словообразовательный тип – присоединение существительного в основной форме к другому существительному.

Ряд русских терминов переведен на удмуртский язык в соответствии с функциональным назначением предмета. Определительная часть таких субстантивных сложных названий выражает объект действия, обозначенного вторым компонентом, а в качестве второго компонента выступают отглагольные существительные, например: *вусуран* ‘смеситель’ (*ву* ‘вода’ + *суран* – сущ. от глаг. *сураны* ‘смешать’); *дйсьволятон* ‘утюг’ (*дйсь* ‘одежда’ + *волятон* – сущ. от глаг. *волятыны* ‘гладить’); *зынбыдтон* ‘дезодорант’ (*зын* ‘запах’ + *быдтон* – сущ. от глаг. *быдтыны* ‘закончить, уничтожить’); *йырмиськон* ‘шампунь’ (*йыр* ‘голова’ + *миськон* – сущ. от глаг. *миськыны* ‘мыть’); *йырсигыльян* ‘бальзам (для волос)’ (*йырси* ‘волосы’ + *гыльян* – сущ. от глаг. *гыльяны* ‘ополаскивать’); *йырсикуасьтон* ‘фен’ (*йырси* ‘волосы’ + *куасьтон* – сущ. от глаг. *куасьтыны* ‘сушить’); *сиёнвекчиятон* ‘блендер’ (*сиён* ‘еда’ + *векчиятон* – сущ. от глаг. *векчиятыны* ‘измельчать’); *тусчеберьян* ‘косметика’ (*тус* ‘вид, облик’ + *чеберьян* – сущ. от глаг. *чеберьяны* ‘украшать’); *тушмычон* ‘бритва’ (*туш* ‘борода’ + *мычон* – сущ. от глаг. *мычыны* ‘брить’) и др.

Некоторые русские слова переведены на удмуртский соответственно толкованию их значения в лексикографических источниках русского языка, например: для обозначения понятия «сок» (напиток, приготовляемый из мякоти плодов [7. С. 743]) предложено использовать сложное слово *емышву* (*емыш* ‘плод, фрукт’ + *ву* ‘вода’); в значении «подгузник» (кусочек ткани, подстилаемый грудному ребенку под нижнюю часть тела [7. С. 532]) рекомендовано употреблять сложное слово *улкутэт* (*ул* ‘низ, нижняя часть’ + *кутэт* ‘пеленка’); понятие «приправа» переведено как *шюмтурын* (*шюм* ‘вкус’ + *турын* ‘трава’) и др.

Один из способов образования нового термина – калькирование – «образование слов и выражений посредством копирования, буквального (чаще по-морфемного) перевода структуры иноязычных слов» [10. С. 234], что широко

используется в современном удмуртском языке для обозначения каких-либо предметов. Отметим, что кальки с русского языка воспринимаются удмуртами быстрее и легче усваиваются. Таким способом образованы следующие названия: *виштыбыдтон* ‘пятновыводитель’ (*вишты* ‘пятно’ + *быдтон* – сущ. от глг. *быдтыны* ‘выводить (напр. пятна)’); *вушунтон* ‘водонагреватель’ (*ву* ‘вода’ + *шунтон* – сущ. от глг. *шунтыны* ‘нагревать’); *емышпызыьртон* ‘соковыжималка’ (*емыш* ‘фрукт’ + *пызыьртон* – сущ. от глг. *пызыьртыны* ‘выжимать’); *сйлькоран* ‘мясорубка’ (*сйль* ‘мясо’ + *коран* – сущ. от глг. *кораны* ‘рубить’); *тузонкыскон* ‘пылесос’ (*тузон* ‘пыль’ + *кыскон* – сущ. от глг. *кыскыны* ‘всосать’) и др. В некоторых случаях при терминообразовании учитываются данные и других финно-угорских языков: например, для обозначения холодильника предложено сложное слово *йёкана* (*йё* ‘лёд’ + *кана* ‘шкаф’), в финском языке аналогично – сложное слово *jääkaappi* [З. С. 180] (букв. ‘лёд-шкаф’).

Один из источников пополнения терминологии удмуртского языка – диалектная лексика. Например, для обозначения понятия «носки» в удмуртском литературном языке используется лексема *носки*, заимствованная из русского языка. В некоторых диалектах в таком же значении бытует сложное слово *пыдвыл* (*пыд* ‘нога’ + *выл* ‘поверхность’), это диалектное наименование и предложено в качестве термина.

Лексический фонд обогащается также словами, в настоящее время не функционирующими в современном удмуртском литературном языке, но зафиксированными в некоторых ранних письменных памятниках и в лексикографических трудах по удмуртскому языку, например: *лем* ‘клей’.

В лексике рассматриваемой области встречаются заимствованные русские термины, подвергшиеся фонетическим изменениям в удмуртском языке, например: *бакал* ‘бокал’, *варення* ‘варенье’, *калготки* ‘колготки’, *кампет* ‘конфеты’, *печення* ‘печенье’, *сакыр* ‘сахар’, *яшишк* ‘ящик’ и др.

В ходе исследования выявлено, что в некоторых сочетаниях слов один из компонентов переведен на удмуртский язык, а в качестве второго выступает заимствованное слово, например: *бакчасиён консерва* ‘овощная консерва’ (*бакчасиён* ‘овощ’ < *бакча* ‘огород’ + *сиён* ‘еда’); *коркакотыр техника* ‘бытовая техника’, *коркакотыр химия* ‘бытовая химия’ (*корка* ‘дом’ + *котыр* ‘окрестность’); *мисьтаськон машина* ‘стиральная машина’, *мисьтаськон порошок* ‘стиральный порошок’ (*мисьтаськон* – сущ. от глг. *мисьтаськыны* ‘стирать’); *мисьтйськон гель* ‘гель для душа’ (*мисьтйськон* – сущ. от глг. *мисьтйськыны* ‘мыться’); *пинь сузян паста* ‘зубная паста’, *пинь сузян щётка* ‘зубная щетка’ (*пинь* ‘зуб, зубы’, *сузян* – сущ. от глг. *сузяны* ‘чистить’) и т. д. В возможных случаях в словосочетаниях оба слова переведены на удмуртский язык, например: *нуны сиён* ‘детское питание’ (*нуны* ‘ребенок’, *сиён* ‘еда’); *муиз ву* ‘минеральная вода’ (*муиз* ‘минерал’ < *му* ‘земля’ + *из* ‘камень’, *ву* ‘вода’); *омыр юзмытатон* ‘освежитель воздуха’ (*омыр* ‘воздух’, *юзмытатон* – сущ. от глг. *юзмытатыны* ‘освежить’) и др.

Таким образом, установлено, что источниками пополнения словарного состава современного удмуртского литературного языка выступают: а) слова, созданные с помощью словообразовательных средств удмуртского языка; самыми продуктивными способами из которых являются лексико-синтаксический

и морфологический; б) слова, которые приобрели новые дополнительные значения; в) кальки (слова, образованные посредством копирования, буквального перевода структуры иноязычных слов); г) диалектная лексика; д) слова, отсутствующие в современном удмуртском литературном языке, но зафиксированные в отдельных ранних письменных памятниках и лексикографических трудах удмуртского языка.

В заключение отметим, что для сохранения и развития удмуртского языка важно уделять внимание расширению его функционирования: чем больше сфер затронуто в использовании языка, тем лучше. Товарные надписи на удмуртском языке с параллельным переводом на русский могут послужить хорошим примером для популяризации удмуртского языка. Приведенные выше новообразования, созданные на основе средств родного языка взамен привычным русским заимствованиям, могут быть восприняты носителями удмуртского языка по-разному: одни – одобряют, другие – нет. Но удмуртский язык необходимо обогащать новыми словами и освобождаться от чрезмерного употребления заимствований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бюллетень № 1 = 1-тй бичет / Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Ижевск, 1998. 64 с.
2. Бюллетень № 2 = 2-тй бичет / Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Ижевск, 2008. 64 с.
3. *Вахрос И., Щербаков А.* Финско-русский словарь: 82 000 слов. 3-е изд. Порвоо–Хельсинки–Юва, 1995. 815 с.
4. *Егоров А. В.* Словарь терминов по информатике и информационным/компьютерным технологиям на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 47 с.
5. *Конюхов М. Н.* Русско-удмуртский и удмуртско-русский толковый словарь химических терминов: Около 1800 слов / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 248 с.
6. Кылтодон нимкыльёсын удмурт-зуч но зуч-удмурт кыллюкам = Удмуртско-русский словарь лингвистических терминов / Дасязы Т. Р. Зверева, А. А. Шибанов. Ижевск: Удмуртия, 2006. 56 с.
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1989. 924 с.
8. Русско-удмуртский и удмуртско-русский медицинский словарь / Сост. В. П. Осотова, Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2012. 246 с.
9. *Сергеева Н. А.* Словарь лингвистических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 39 с.
10. *Стариченок В. Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 811 с.
11. *Стрелкова О. Б.* Словарь биологических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 40 с.
12. *Стрелкова О. Б.* Словарь исторических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 66 с.

13. Тараканов И. В. Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху// Бюллетень № 1 = 1-й бичет / Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Ижевск, 1998. С. 108–117.

14. Тимерханова Н. Н. Словарь географических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 67 с.

15. Тимерханова Н. Н. Словарь математических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 46 с.

16. Тронина О. А. Словарь терминов по общественнознанию на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 45 с.

17. Тронина О. А. Словарь химических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 40 с.

18. Туганаев В. В., Воронцов П. И., Перевощиков А. П. Русско-удмуртский словарь географических терминов: Более 1700 слов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 184 с.

19. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН, УрО, Удм. ин-т ИЯЛ; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

20. Федорова Л. П. Словарь литературных терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 64 с.

21. Шибанов В. Л. Словарь физических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар–Ижевск–Йошкар-Ола–Саранск–Бадачоньтомай, 2011. 47 с.

Поступила в редакцию 18.12.2013

О. В. Titova

The ways of formation of new terms in the Udmurt language

The article considers the ways of new terms' formation in the Udmurt language on the example of translation of commodity labels. The analysis of language material determined that the new vocabulary is created by using morphological, lexical and syntactic and lexical semantic ways of word formation. Separate terms are the loan translations from the Russian language; they are formed by copying the structure of foreign words.

Keywords: methods of derivation, terminology, the Udmurt language.

Титова Ольга Владимировна,

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: ovtitova@rambler.ru

Titova Olga Vladimirovna,

Candidate of Sciences (Philology), Junior Research Associate,

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: ovtitova@rambler.ru

УДК 811.511.131'373

А. Н. Ракин

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
В СИСТЕМЕ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

Морфологические обозначения относятся к числу основных компонентов лексики флоры удмуртского языка. Формирование и развитие данной микросистемы происходило в течение многих тысячелетий, начиная с прауральской эпохи. В составе исконной части различаются допермские, общепермские и собственно удмуртские названия. Группа заимствований состоит из обозначений древнебулгарского, тюркского и русского происхождения.

Ключевые слова: удмуртский язык, названия растений, морфологические обозначения, исконные слова, заимствования.

Составной частью лексики флоры любого естественного языка являются морфологические обозначения, предназначенные для номинации отдельных частей растений и их структурных особенностей, что является предметом изучения морфологии – одного из разделов ботаники. Основная задача нашего исследования – лингвистический анализ данной лексико-тематической группы в удмуртском языке.

Материал картотеки, собранной из различных источников, свидетельствует о том, что корпус удмуртских морфологических обозначений состоит из 199 лексических единиц. Вся эта совокупность названий относится к 119 объектам номинации (далее – ОН). Сопоставление по данным показателям с другими пермскими языками выявило, что в удмуртском языке отсутствуют обозначения для 23 ОН, например, для таких как *волоконно*, *опушение*, *пластинка* (гриба), *хвоинка*, *шишка можжевельника*, *шляпка* (гриба), *чешуя шишки* и др.

Статистические данные показывают, что количество объектов номинации и количество названий, используемых для их обозначения, не совпадают. Это объясняется прежде всего тем, что в словарях для одного и того же объекта зачастую дается не одно, а несколько названий. Например, следующие ОН имеют две номинативные единицы: *кожура* – *кõм*, *ку*, *лоза* – *нõр*, *пуд*, *овощ* – *бакча емыш*, *бакча сиён*, *плод* – *емыш*, *мульы*, *побег* – *пушьет*, *уд*, *ствол* – *гумы*, *писпу*

модос и т.д. Примеры с тремя обозначениями: оболочка – *сьѓм, кѓм, дыжэ*; ость – *кыды, кы, лѓс*; пыльца – *сьорел, сьорел пызь, укто*; стебель – *модос, кальча, пуд* и т.д. Примеры с четырьмя обозначениями: ботва – *куар, пуд, модос, жуз*; пестик – *зэребе, зэребей, емыш зэребе, емыш кылдон*; сердцевина – *шорсьюлэм, модос шор, кор шор, писпу сьюлэм шор*. От пяти до семи обозначений имеют: а) гроздь – *зуски, пурь, пепери, чук, сабак*; шишка – *чыжжин, кумыли, додор, тѓло, кускыли*; б) жѓлудь – *тыкмульты, тыкмали, тыкмолѓк, молѓк, тыкмыли, тыты мулы*; шишка еловая – *кускыли, кызкыли, кызарги, кыз додор, кыз тѓло, кыз чыжжин*; в) кисть – *зуски, пурь, чук, пепери, карос, сабак, такья*.

С другой стороны, определенное количество морфологических обозначений полисемантически и относится к различным ОН:

Двухобъектные обозначения: *вай* – 1) ветка, 2) отросток; *емьш* – 1) плод, 2) фрукт; *кур* – 1) кора, 2) луб; *сьѓм* – 1) оболочка, 2) скорлупа; *чук* – 1) гроздь, 2) кисть, *шорсьюлэм* – 1) сердцевина, 2) ядро и др.

Трехобъектные обозначения: *кѓм* – 1) кожура, 2) оболочка, 3) скорлупа; *куар* – 1) лист, 2) перо луковое, 3) ботва; *мулы* – 1) плод, 2) ягода, 3) ядро; *улвай* – 1) сук, 2) ветка, 3) отросток и др.

Четырехобъектные обозначения: *йыр* – 1) колос, 2) вилок, 3) луковица, 4) головка; *пуд* – 1) стебель, 2) ботва, 3) лоза; *тысь* – 1) семя, 2) зерно, 3) ядро, 4) косточка и др.

Основная масса удмуртских морфологических обозначений представляет собой общеупотребительные названия и характеризуется повсеместным распространением. Лишь у 14 слов в лексикографических источниках отмечена диалектная принадлежность: *пепери* диал. ‘кисть, гроздь’ [16. С. 338], *лѓс* диал. ‘ость’ [16. С. 260], *сабак* бес. ‘кисть (плодов деревьев)’ [2, С. 247], *кули* св. ‘шишка’ [2. С. 149] и т.д. Все без исключения лексические единицы данной группы, квалифицируемые как диалектные обозначения, имеют соответствия в литературном языке: *жуз* диал. ‘ботва’ – *куар, пуд* ‘ботва’, *зѓм* диал. ‘нектар’ – *мѓль* ‘нектар’, *додор* диал. ‘шишка’ – *кускыли, чыжжин* ‘шишка’, *кызарги* диал. ‘еловая шишка’ – *кыз чыжжин* ‘еловая шишка’ и т.д.

В зависимости от принадлежности объектов номинации морфологических обозначений к той или иной сфере растительного мира, их можно, как и в других пермских языках, распределить по трем основным группам:

1) ОН древесно-кустарниковой растительности: береста (*туй*), древесина (*писпу*), заболонь (*саль*), камбий (*ли*), годичное кольцо (*нбыл*), комель (*дйнь*), кора (*кур*), лыко (*нин*), почка (*пучы*), сердцевина (*шорсьюлэм*), серѓжка (*гурь*), ствол (*писпу модос*), сук (*ул*), фрукт (*емьш*), хвоя (*лыс*), шишка (*кускыли*) и т.д.

2) ОН травянистой растительности: ботва (*пуд*), вилок (*кубиста йыр*), горошина (*кѓжы*), зерно (*тысь*), колос (*шеп*), овощ (*бакча емьш*), ость (*кы*), стебель (*модос*), усики (*мыйык*) и т.д.

3) ОН микофлоры: ножка (*пыд*), мицелий (*мицелий*).

Исходя из перечисленных примеров, можно констатировать, что наиболее многочисленна по своему составу первая группа, а самая малочисленная – третья. Отметим также, что не все объекты номинации (а соответственно и их названия) принадлежат к какой-либо одной группе, а являются общими для нескольких

из них, например: *корень* дерева, кустарника, травы, гриба (*выжы*); *лист* дерева, кустарника, травы (*куар*); *семя* дерева, кустарника, травы (*кидыс*).

В составе морфологических обозначений удмуртского языка не все названия исконные. К самым ранним заимствованиям относится слово *тысь* ‘зерно’, имеющее соответствия в коми языках (*тусь*); оно проникло еще в прапермскую эпоху из древнебулгарского языка, о чем свидетельствует чувашское *тёш* ‘зерно’ [5. С. 288; 9. С. 237].

В группе более поздних заимствований, отсутствующих в других пермских языках, преобладают названия тюркского происхождения. Проникновение этой категории неисконных слов – результат контактирования носителей удмуртского языка с соседними тюркскими народами – татарским, башкирским, чувашским.

1) *гыль* ‘цветок’ < тюрк., ср. тат. *гөл* ‘цветок’ [8. С. 691], башк. *гөл* ‘цветы (комнатные и культивируемые на клумбах)’ [1. С. 151; 15. С. 51].

2) *емыш* ‘плод; фрукты’ < тюрк., ср. тат. *жымеш* ‘плод; фрукт’ [8. С. 408, 680], башк. *емеш* ‘плод; фрукты’ [7. С. 368, 571], чув. *шимёс* ‘плод; фрукт’ [17. С. 326, 410; 15. С. 67].

3) *кальча* ‘стебель; перо’ < тюрк., ср. чув. *калча* ‘перья лука, чеснока, всходы, росток’ [15. С. 74], *калча* ‘всходы’ [17. С. 44].

4) *мыйык* ‘усики’ < тюрк., ср. тат. *мыекча* бот. ‘усики’ [8. С. 663], *мыек* ‘усы’ [8. С. 666], башк. *мыйык* ‘ус, усы’ [1. С. 395], чув. *маййах* ‘усы’ [17. С. 406; 15. С. 101].

5) *сяська* ‘цветок’ < тюрк., ср. тат. *чәчәк*, *чәчкә* ‘цветок’ [8. С. 691], чув. *чечек* ‘цветок’ [17. С. 415; 15. С. 118].

6) *такъя* ‘кисть’ (< *такъя* ‘старинный удмуртский женский головной убор с подвесками из серебряных монет’). Фитонимическое значение данного слова возникло, видимо, в результате переносного употребления в удмуртском языке. У исходного слова в тюркских языках данное значение отсутствует, ср. башк. *такья* ‘тубетейка (женская без вышивок, носимая под платком)’ [1. С. 501], чув. *тухъя* ‘девичий головной убор с заостренным верхом, обшитый монетами и бусами’ [17. С. 146; 15. С. 120].

7) *чача* ‘цветок’ < тюрк., ср. тат. *чәчәк* ‘цвет, цветок’ [15. С. 141]. В удмуртском языке данное слово имеет также значение ‘игрушка’. В коми-зырянском языке слово со значением ‘цветок’ употребляется только в одном диалекте – удорском, в других диалектах и в литературном языке оно означает ‘игрушка; безделушка; штучка’. В этимологическом словаре коми языка [5. С. 303] все эти слова, а также кп. *чача* ‘блок, векша’ [6. С. 184], рассматриваются вместе и возводятся к общепермской праформе **č'ač'a* ‘игрушка’.

В качестве дальнеродственных соответствий приводятся марийский и венгерский примеры. Таким образом, по версии удмуртского исследователя [15. С. 118, 141], один и тот же тюркский источник послужил основой заимствования для двух разных удмуртских слов (*сяська* и *чача*).

8) *чук* ‘кисть, гроздь’ < тюрк., ср. тат. *чук* ‘гроздь’ [8. С. 118], башк. *сук* ‘гроздь’ [1. С. 484; 15. С. 144].

Следующая группа заимствований рассматриваемой лексической системы состоит из названий, проникших из русского языка.

1) *зонтик* ‘зонтик’, ср. рус. *зонтик* ‘соцветие, состоящее из нескольких цветков на цветоножках, расходящихся лучами от верхушки стебля’ [11. С. 621].

2) *кочон* ‘кочерыжка’, ср. рус. *кочан* ‘кочерыжка’ [14. С. 57].

3) *мицелий* ‘мицелий’, ср. рус. *мицелий* ‘грибница’ [12. С. 278].

4) *рыльце* ‘рыльце’, ср. рус. *рыльце* ‘верхушка пестика или часть завязи в цветке, куда попадает пыльца’ [13. С. 745].

Приведенные примеры показывают, что в удмуртском языке есть заимствования как из русских народных говоров, так и из литературного языка.

В составе исконной лексики, как и в других частях словарного запаса удмуртского языка, можно выделить древний (допермский и общепермский) и поздний (собственно удмуртский) диахронические пласты.

К группе обозначений допермского периода относятся названия прауральского, прафинно-угорского и прафинно-пермского происхождения.

I. Обозначения прауральского периода – самые древние и имеют генетические соответствия как в финно-угорских, так и в самодийских языках.

1) *выжы* ‘корень’ (кз. кп. *вуж*) < общеп. **vižz* ‘корень’ [5. С. 99] < ур. **vačz* ‘корень’ [18. С. 548].

2) *ли* ‘камбий; сок (в камбиальном слое дерева)’ (кз. кп. *ли*) < общеп. **li* ‘камбий’ [5. С. 159] < ур. **lijz* ‘древесный сок, камбий’ [18. С. 331].

3) *ньөр* ‘ветка, лоза’ (кз. кп. *ньөр*) < общеп. **n'ör* ‘лоза, ветка, прутик’ [5. С. 198] < ур. **n'grz* ‘прутик, молодой побег’ [18. С. 331].

4) *туй* ‘береста’ < общеп. **toj* ‘береста’ [5. С. 280] < ур. **tojz* ‘береста’ [18. С. 528]. В современных коми языках это слово как название бересты не сохранилось, вместо него употребляется кз. *сюмöd* ‘береста’ [4. С. 630] и кп. *симöт* ‘береста’ [3. С. 429].

II. Возникновение следующей группы древних названий относят к прафинно-угорскому периоду. Они имеют генетические соответствия в прибалтийско-финских, волжских и угорских языках.

1) *дйнь* ‘комель’ (кз. *дин*, кп. *дын*) < общеп. **dij* ‘комель’ [5. С. 94] < ф.-у. **tije* (**tüje*) [18. С. 523].

2) *кули* св. ‘шишка’ (кз. *коль*, кп. *коли*) < общеп. **kol'i* ‘шишка’ < ф.-у. **køpø'l'z* или **køpø'l'z-* [5. С. 130].

3) *куар* ‘лист’ (кз. *кор*, кп. *кор* ‘ботва’) < общеп. **kwor* ‘лист’ [5. С. 133] < ф.-у. **korz* (**korwa*) ‘лист’ [18. С. 187].

4) *кур* ‘кора, луб’ (кз. *кор* ‘кожура, шелуха; луб’, кп. *кор* ‘луб’) < общеп. **kör* [5. С. 133] < ф.-у. **kere* ‘кора’ [18. С. 133].

5) *мульы* ‘ягода, плод, орех’ < общеп. **mql'i* [5. С. 173] < ф.-у. **mol'z* ‘ягода какого-то кустарника’ [18. С. 279]. В современных коми языках данное слово сохранило фитонимическое значение лишь в составе некоторых двучленных названий, например, кз. *нюрмоль* диал. ‘клюква’ (*нюр* ‘болото’), кп. *туримоль* ‘клюква’ (*тури* ‘журавль’). Понятие ‘ягода’ в них выражается словами *вотöс* кз. и *ягöд* кп.

6) *си* ‘волосок’ < общеп. **s'i* [5. С. 254] < ф.-у. **s'änz* ‘волос’ [18. С. 471]. В коми-зырянском языке данное понятие обозначается словом *си*, например, *вуж сияс* ‘корневые волоски’.

7) *cup* 'живица, смола' (кз., кп. *cup*) < общеп. **s'ur* [5. С. 257] < ф.-у. **s'ure* 'смола' [18. С. 492].

III. Обозначения финно-пермского происхождения в хронологическом отношении составляют верхний слой допермской лексики и имеют генетические соответствия только в прибалтийско-финских и волжских языках.

1) *ëz* 'сочленение; междуузлие' (кз., кп. *йöзви*) < общеп. **jöz-* 'сустав, сочленение' [5. С. 112] < ф.-п. **jäse* 'член, сустав' [18. С. 95].

2) *зүски* 'гроздь; кисть' (кз., кп. *роз*) < общеп. **roz* 'гроздь; кисть' < ф.-п. **rǝpse-* [5. С. 242].

3) *лыс* 'хвоя' (кз., кп. *лыс*) < общеп. **lūs* 'хвоя' [5. С. 164] < ф.-п. **liske* 'игла, ветвь хвойного дерева' [18. С. 691].

4) *нин* 'лыко' (кз., кп. *нин*) < общеп. **n'in* 'лыко' [5. С. 191] < ф.-п. **nine* (**n'i ne*) 'лыко' [18. С. 77].

5) *пуд* 'ботва' (кз., кп. *под* 'ножка (гриба)') < общеп. **pōd* 'нога', 'стебель', 'основание' [5. С. 223] < ф.-п. **ponte* 'палка, жердь, стебель, стержень' [18. С. 734].

6) *пушьет* 'побег, отросток' (кз. *пушйöд*) < общеп. **puš* [5. С. 234] < ф.-п. **paše-* (**poše-*) 'расти, всходить' [18. С. 234].

7) *сул* 'кора'. В коми-зырянском языке данным значением обладает название *кырсь*, этимологически не связанное с удмуртским примером и имеет иное происхождение [5. С. 154]. В качестве генетического соответствия для удм. *сул* приводится кз. *сол-*, которое как самостоятельное слово не употребляется, но сохранилось в верхнесыольском диалекте в составе *сол-кõр* 'кора дерева, идущая на покрытие шалаша'. Общепермская праформа реконструируется в виде **sol-* 'кора дерева' [5. С. 260], а ф.-п. – в виде **soðz* 'кора дерева' [18. С. 763].

8) *уд* 'побег' (кз. *од* диал. 'всходы; стебель', кп. *од* сев. 'зелень; всходы') < ф.-п. **ante* (**onte*) 'молодая трава, побег' [18. С. 418].

9) *ул* 'сук' (кз., кп. *ув*) < общеп. **ul* 'сук' [5. С. 295] < ф.-п. **elz* 'сук, ветвь' [18. С. 624].

Некоторые древние названия, унаследованные другими пермскими языками, в удмуртском языке не сохранились или утратили фитонимическое значение. Вместо них в качестве морфологических значений употребляются другие слова, этимологически не связанные с коми-зырянскими и коми-пермяцкими примерами:

ф.-п. **voša* 'разветвление' [18. С. 825] > общеп. **vož* [5. С. 60] > кз. *вож* 'ответвление, ветка', кп. *вож* 'ответвление, побег' > < удм. *вай* 'ветка, ответвление';

ф.-п. **sete* 'стебель, стержень, рукоятка' [18. С. 757] > общеп. **zā* [5. С. 104] > кз. кп. *за* 'стебель' > < удм. *модос* 'стебель'.

Наряду с этим, есть случаи, когда допермские названия, относящиеся в удмуртском языке к активному словарному запасу, в коми языках заменены словами более позднего происхождения, например:

ур. **tojz* 'береста' [18. С. 528] > общеп. **toj* 'береста' [5. С. 280] > удм. *туй* 'береста' > < кз. *сюмöд* 'береста', кп. *симöт* 'береста'.

IV. Обозначения общепермского происхождения восходят к прапермскому языку-основе. Употребляются они только в современных пермских языках и не имеют дальнеродственных соответствий.

1) *гуры* ‘серёжка; метёлка’ (кз., кп. *гар* ‘почка; сережка’) < общеп. **garɣ* ‘почка, соцветие лиственных деревьев’ [5. С. 74];

2) *йыл* ‘верхушка, крона’ (кз., кп. *йыв* ‘верхушка’) < общеп. **jül* ‘острый конец, верхушка’ [5. С. 113];

3) *йыр* ‘головка’ (кз., кп. *юр*) < общеп. **jur* [5. С. 335]. Отметим, что данная лексическая единица уже в прапермскую эпоху являлась полисемантическим названием, имеющим наряду с фитонимическим анатомическое значение, и употреблялась также для номинации соответствующей части тела человека и животных;

4) *кидыс* ‘семя’ (кз. *кӱйдыс*, кп. *кӱдзыс*) < общеп. **kõžʹɣs* [5. С. 149]. В современных пермских языках к исходной прапермской форме ближе всего – коми-пермяцкий пример; в остальных языках изменения произошли в результате деаффрикатизации;

5) *кы* ‘ость’ (кз., кп. *кы*) < общеп. **ki* ‘ость’ [5. С. 148];

6) *кыч* ‘шелуха (конопли)’ (кз., кп. *кыш* ‘кожица, кожа’) < общеп. **kiš* ‘кожура, скорлупа’ [5. С. 155]. В удмуртском языке сузилась семантика слова, в результате чего оно стало обозначать соответствующую часть одного вида растения;

7) *пуртэс* ‘стручок’ (кз., кп. *пуртӧс*) < общеп. **purtes* [5. С. 234]. У данного производного слова с исходной семантикой ‘ножны’ (< *пурт* ‘нож’) с суффиксом *-эс (-ӧс)* выработалось дополнительное значение ‘стручок’, видимо, путем метафорического употребления при обозначении плодовой части бобовых растений. Возможно, это произошло уже в прапермскую эпоху. Такая номинация осуществлялась, вероятно, сначала в сфере дикорастущей флоры, а впоследствии и в отношении культивируемых растений;

8) *сурсву* ‘березовый сок’ (кз. *зарава*) < общеп. **sârvɣ* ‘березовый сок’ [5. С. 104]. В коми-пермяцком языке данным словам общепермского периода нет генетического соответствия. Вместо них употребляется словосочетание *кыдз ва*, букв. означающее ‘березовая вода’;

9) *шен* ‘колос’ (кз., кп. *шен*) < общеп. **šer* ‘колос’ [5. С. 319].

подавляющее большинство древних названий прапермской эпохи хорошо сохранилось и относится к активному словарному запасу современных пермских языков. Исключение составляет лишь обозначение березового сока **sârvɣ*, вместо которого в коми-пермяцком языке после распада пракоми общности возникло новое слово.

Последний хронологический пласт в составе исконной лексики составляют индивидуально удмуртские морфологические обозначения, возникшие при самостоятельном существовании языка и, кроме его носителей, никем не употребляемые: *бычы* ‘почка’, *вень* ‘игла (колючка)’, *зэребе* ‘пестик’, *кускыли* ‘шишка’, *кылдэт* ‘завязь’, *модос* ‘стебель’, *мӧль* ‘нектар’, *пилет* ‘долька’, *сюрел* ‘пыльца’, *тэчы* ‘тычинка’, *шиллы* ‘перо’ и др.

Значительная часть собственно удмуртских названий по своей структуре представляет собой композиты и составные конструкции: *кӱжыпу* ‘гороховина’, *куарсэр* ‘жилка’, *кызаузы* ‘северюха (мужское соцветие ели)’, *пушмуллы* ‘орех’, *тыпымуллы* ‘желудь’, *шорсюлэм* ‘сердцевина’, *будос липет* ‘зонтик’,

бурдо кидыс ‘крылатка’, *выжы емши* ‘клубень’, *кӧс кӧмо тысь* ‘семянка’, *куар кунул* ‘пазуха (листа)’, *куро модос* ‘соломина’, *модос выжы* ‘корневище’, *сугон йыр* ‘луковица’, *сюрел пуйы* ‘пыльник’, *тысь кылдэт* ‘семяпочка’. Особенность подобного рода наименований заключается в том, что они, как правило, даются в специальных лексикографических источниках и дефиниция объектов номинации осуществляется не на обыденном, а на более высоком – научном – уровне познания окружающей действительности.

Таким образом, морфологические обозначения составляют целостную микросистему внутри лексики флоры удмуртского языка, которая характеризуется внутренней структурной организацией и высокой степенью исконности и древности. Формировалась и развивалась эта система в течение многих тысячелетий на всех важнейших этапах эволюции удмуртского языка, начиная с прауральской эпохи. Как и в других разрядах основного словарного фонда, наряду с исконной частью здесь есть иноязычный компонент. К числу ранних заимствований относится лишь одно название (*тысь* ‘зерно’), появившееся еще до распада прапермской языковой общности. Группа поздних заимствований, состоящая из названий тюркского и русского происхождения, складывается в период самостоятельного существования удмуртского языка и составляет специфическую часть его словаря.

СОКРАЩЕНИЯ

башк. – башкирский язык, бес. – бессермянский диалект удмуртского языка, диал. – диалектное слово, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, общек. – общекومی язык-основа, общеп. – общепермский язык-основа, рус. – русский язык, св. – северное наречие удмуртского языка, сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка, тат. – татарский язык, тюрк. – тюркские языки, удм. – удмуртский язык, ур. – уральский праязык, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык, чув. – чувашский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Башкирско-русский словарь. М., 1958. 804 с.
2. *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Ижевск, 1991. 384 с.
3. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. 624 с.
4. Коми-роч кывчукӧр. Сыктывкар, 2000. 816 с.
5. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
6. *Рогов Н.* Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. Кудымкар, 2006. 430 с.
7. Русско-башкирский словарь. М., 1954. 600 с.
8. Русско-татарский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. М., 1984. 736 с.
9. Русско-чувашский словарь. М., 1971. 893 с.
10. *Соколов С. В., Туганаев В. В.* Биологической нимкылтӧсын кылбугор = Словарь биологических терминов / Под общ. ред. С. В. Соколова. Ижевск, 1994. 144 с.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1981. 698 с.
12. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М., 1982. 736 с.

13. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3. М., 1984. 752 с.
14. Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 2. Свердловск, 1971. 214 с.
15. *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993. 170 с.
16. Удмуртско-русский словарь / Под ред. В. М. Вахрушева. М., 1983. 592 с.
17. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. Чебоксары, 1999. 432 с.
18. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest, 1988. 906 с.

Поступила в редакцию 21.11.2013

A. N. Rakin

Morphological indications in the system of plant names of the Udmurt language

Morphological indications are one of the main components of flora vocabulary of the Udmurt language. This microsystem has been forming and developing in the course of thousand years, since Pre-Ural era. There are pre-Permian, common-Permian and Udmurt names. Group of borrowings consist of ancient Bulgarian, Turkish and Russian indications.

Keywords: the Udmurt language, names of plants, morphological indications, a native word, borrowings.

Ракин Анатолий Николаевич,

доктор филологических наук,

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24

E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Rakin Anatoliy Nikolaevich,

Doctor of Sciences (Philology),

Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 24

E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Н. Н. Глухова

**АРХЕТИПЫ ПРОСТРАНСТВА
В МАРИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

В статье исследуются этнические архетипы пространства мари, определяемые с помощью комплексной методики, которая включает в себя приемы гуманитарных наук и применение количественной оценки для определения параметров психологического восприятия пространства. В иерархии показателей восприятия три из шести психологических параметров дают пространству двоякую оценку. Предлагается ранжированная классификация видов пространства, имеющих первостепенное значение для жизни этноса.

Ключевые слова: пространство, психологическое восприятие, параметр, вид пространства, фольклор, песня, пословица и поговорка, архетип.

Пространство и время определяются как основные формы существования материи. Пространственными характеристиками являются координаты тел, расстояния между ними, углы между различными пространственными направлениями; при этом отдельные объекты характеризуются протяженностью и формой. Существуют также топологические характеристики пространства [8. С. 339]. Полное физическое пространство характеризуется тремя измерениями в прямоугольной системе координат. У него есть климатические и географические характеристики, формирующие в сознании человека его индивидуальный образ, который может восприниматься как позитивно, так и негативно. Пребывание в одном виде пространства в течение большого периода времени влияет на *характер* человека, а длительное проживание в одном и том же ландшафте может формировать *этнические* особенности восприятия пространства [6. С. 181–191]. Вот почему понятие пространства – необходимая составная часть изучения картины мира.

Анализ восприятия пространства позволяет определить его этнические архетипы. Архетип – [\leftarrow гр. *arché* начало + *typos* образ] – праобраз, первообраз, первичная форма, образец; в работах К. Юнга архетипы – структурные элементы коллективного бессознательного, лежащие в основе всех психических процессов [7. С. 66].

Сложность задачи заключается в неразработанности методов для ее решения, так как оценка возможностей восприятия пространства требует введения психологических параметров и их ранжирования по степени значимости для человека. В монографии «Системная реконструкция марийской этнической идентичности» и статье «Восприятие пространства в марийских пословицах и поговорках: виды, размерность, качество» В. А. Глухов рассматривает отличия между психологическим восприятием пространства и его физическими характеристиками, которые заключаются в том, что восприятие пространства осуществляется под углом 180° , который характеризует угол зрения человека и называется *телесным углом*. Плоский угол определяется числом 360° . В свою очередь, человек воспринимает только то пространство, которое он видит, при этом органы зрения человека ограничивают телесный угол человека по ширине, высоте и дальности. Известно также, что наличие таких преград, как холмы, лес, туман, облака, дым, способствуют «исчезновению» пространства [1. С. 51; 2. С. 45–46].

Пространство характеризуется рядом параметров: *топология*; *вид* (лес, река, луг и др.); *досягаемость* (удаленность/близость); *изученность* (степень постоянства и предсказуемости); *ценность*, включающая размерность и качество; *организованность*, образующая *объем* воспринимаемого пространства.

Незаменимым источником информации об этническом восприятии пространства является фольклор.

С целью определения образов пространства для выделения архетипов, было проанализировано 6 790 пословиц и поговорок марийского народа [3; 4] без учета метафорического значения всего текста. Рассматривались паремии, в которых содержались лексемы, обозначающие различные *виды* пространства (лежащие в основе создания архетипов), и лексемы, относящиеся к *досягаемости*, *изученности* и *ценности* пространства.

На основе распределения пословиц и поговорок по *видам* пространства были составлены таблица и суммарная диаграмма. Из анализа диаграммы, в которой высота каждого столбика, обозначая количество пословиц, характеризует степень значимости каждого параметра, можно заключить следующее. Три из шести психологических параметров представлены пословицами, дающими пространству двоякую оценку: либо положительную, либо отрицательную. К ним относятся: *досягаемость*, *изученность* и *ценность*. Это означает, что какой-то вид пространства может быть изученным и неизученным, ценным или неценным и т.д. При этом ценность пространства – сложный параметр, и из него можно извлечь дополнительную информацию об относительной значимости разных видов пространства для этноса. В изученном материале к ним относятся *дорога*, *лес*, *дальнее место*, *свой дом*, *холм/горка*, *родной край*, *верхушка дерева*, *река*, *овраг* и другие. Виды пространства в пословицах упоминаются как с положительной, так и с отрицательной оценкой.

Ранжирование пространства дает нам основание предположить, что доминирующий архетип марийской культуры, по материалам пословиц, – *лесная дорога*, ведущая в *дальнее место*, где, по мнению народа, жизнь значительно лучше, чем то место, где этнос проживает. Эта дорога – узкая и извилистая,

с небольшим перепадом высот и с небольшой перспективой, скорее темная из-за деревьев, чем светлая.

По аналогии с пословицами проведен анализ на упоминание в песнях различных видов пространства без учета их метафорического содержания [5]. В песнях виды пространства также оцениваются положительно, отрицательно или нейтрально. Фиксация оценок позволяет выявить проблемные и предпочтительные виды пространства. Поскольку песни передают эмоциональное отношение к жизни, то статистический анализ выявил обобщенный психологический образ пространства этнической культуры. Большое количество исследованных песен (233) обеспечивает достоверность полученной информации (390 упоминаний).

Сравнение с пословицами свидетельствует о том, что *видов* пространства стало в 1,63 раза больше. Такая дифференциация говорит о более сложном укладе жизни. Скорее всего, пословицы по сравнению с песнями отражают более древний слой культуры. Символ марийской культуры, архетип, сменился. В песнях – это *поле* или *луг*, окруженный *лесом* и расположенный неподалеку от *реки*. Эти виды пространства образуют группу доминирующих. Обращает на себя внимание одинаковая оценка видов второй вспомогательной группы пространства, относящихся к своему *селу*, *дому*, *двору*, *саду* и *огороду*. Это означает, что люди не считают свой дом единственным местом проживания – для них «домом» могло быть все село. Из анализа песен получается, что марийцы жили на территории большой усадьбы с двором, садом, огородом, – рядом со своими родственниками и близкими соседями. В эту же группу видов пространства попали *холмы* и *горы*. Их относительно высокая значимость связана с поэтической направленностью песенного жанра. Следующая поэтическая разновидность пространства – *небо*, ясное или с *облаками*. Чтобы обращать на них внимание, необходимы относительно высокий уровень обеспеченности и время для досуга. С другой стороны, это свидетельство увеличения психологической глубины воспринимаемого пространства.

Судя по характерным бытовым особенностям, воспроизводимым в старинных марийских песнях, можно предположить, что они относятся преимущественно к XIX в., когда психологически воспринимаемое пространство этноса значительно расширилось, вплоть до понятий «простор» и «даль», и качественно изменилось. Необходимо однако отметить, что жителям сел *город* был чужд и далек, так же, как это видно из материала пословиц.

Для выявления различий в восприятии пространства в старинных и современных марийских песнях были проанализированы 163 текста из сборника, составленного С. Поделковым [5]. К ним относятся: песни о новой жизни, лирические и песни об Отечественной войне. Результаты анализа отражены в таблице, на основании которой была построена дифференциальная диаграмма. Общее количество упоминаний составило 399, количество видов пространства – 32. По сравнению со старинными песнями *количество видов* пространства увеличилось на 23 %, по-видимому, из-за некоторого роста уровня жизни и расширения инфраструктуры. Однако символическим представлением пространства в современных песнях по-прежнему остается *поле*, окруженное *лесом* или *рощей*, неподалеку от *реки*. Все эти виды относятся к доминирующей группе и выделяются

количественно. Эту же группу пространства составляет ближайшее окружение человека. Он живет не только в *доме* («дом») переместился с 5-го места на 10-е) – в его жизни большую роль играют все *село* и собственная *усадыба*, в которой особо значимы *сад* и *огород*. Своя *усадыба* оценивается абсолютно положительно. Причинами высокой оценки обустроенного пространства могут быть: его высокая эргономичность; упорядоченность; пропорциональность; ценность для жизни; эстетичность. Вторая и третья группы включают в себя такие виды пространства, как «улица», «гора, пригорок», «солнце», «свой дом», «чужой дом, село», «мир, земля». Впервые появляется понятие *Родины, советской страны*, но оно достаточно абстрактно, поскольку возможность проехать по ней невелика. Получение автономии вызвало появление понятия *марийского края*, но это понятие в рассмотренных нами песнях слабо выражено. Настоящая родина для мари – свое село. Даже жители соседних сел и районов не воспринимаются как свои. *Дорога* с 10-го места переместилась на 17-ое. Это означает, что смена архетипа пространства продолжается. Последняя пространственная группа, 4-ая, дает небольшой количественный вклад в пространство, но указывает на ростки новой жизни, так как появились *школа, музей, красный уголок* в избе-читальне. Упоминания *звезд* и *Луны* свидетельствуют об их поэтическом характере в текстах песен. Однако чтобы их заметить, нужен определенный достаток и досуг, следовательно, в XX в. в жизни этноса наметились некоторые сдвиги в лучшую сторону.

По сравнению со старинными песнями *размерность* почти не изменилась. Это означает, что уклад жизни остался в основном прежним. На основе субъективных высказываний в марийских современных *песнях* можно оценить качество пространства. Основные раздражающие факторы остались прежними: тяжелый труд в *поле* и на *лугах, лес* и *река* как препятствия для перемещения, *холмы* и *горки*, необходимость общения с жителями *других сел*, война в *отдаленных странах*. Исключительно комфортна своя *усадыба*, включающая *свой сад* и *огород*. К ним добавилось еще одно удобное место для общения – *улица*. Молодежь летом устраивает встречи и посиделки на улице, под деревьями. Встречи происходят также у калитки, у ворот, у околицы или на тропинке.

Архетипами пространства, на основании изученного материала с использованием количественных подсчетов и ранжирования, являются *дорога в лесу*, сам *лес* или *роща, луг, поле, река* или *озеро, свой дом, свое село, холмы* и *горки*. Они характеризуют отличительные свойства ландшафта проживания марийского народа, а их оценка отражает особенности психологического восприятия пространства этносом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Глухов В. А., Глухова Н. Н. Системная реконструкция марийской этнической идентичности. Йошкар-Ола: Стринг, 2007. 184 с.

2. Глухов В. А., Глухова Н. Н. Восприятие пространства в марийских пословицах и поговорках // Альманах современной науки и образования. 2009. Вып. 7 (26). С. 45–48.

3. Грачева Ф. Т. Горномарийские пословицы, поговорки, загадки, приметы. Йошкар-Ола: МарГУ, 2001. 236 с.

4. Китиков А. Е. Пословицы и поговорки финно-угорских народов. Йошкар-Ола: Мар. книж. изд-во, 2004. 336 с.

5. Марийские народные песни / пер. С. Поделкова. Йошкар-Ола: Мар. книж. изд-во, 1976. 287 с.

6. Молотова Т. Л. Этнический характер марийцев и природно-географические факторы // Этнологические проблемы в поликультурном обществе. Йошкар-Ола: Мар. книж. изд-во, 2000. С. 181–191.

7. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз, 1992. 740 с.

8. Штейнман Р. Я. Пространство и время / БСЭ. Т. 21. М., 1975. С. 339–346.

Поступила в редакцию 11.12.2013

N.N. Glukhova

Archetypes of Space in Mari Folklore

The article reveals and analyses Mari ethnic archetypes of space. They are defined with the help of a system of techniques and stratagems applied to Mari folklore texts of different genres. One difficulty in the analysis lies in the absence of parameters by which one can assess and interpret spatial images and archetypes. In the article an approach that allows a solution to this problem has been offered: psychological space perception factors are introduced quantitatively showing their ranking. In the hierarchy of perception factors three out of six psychological parameters give the space a dual evaluation. As a result of investigation there is a ranked classification of space types which have the paramount importance for the ethnos.

Keywords: space, psychological perception, factor, parameter, space type, folklore, a song, a proverb and saying, an archetype of space.

Глухова Наталья Николаевна,

доктор филологических наук, профессор,
Марийский государственный университет
424031, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Чехова, 69–28
E-mail: gluhnatalia@mail.ru

Glukhova Natalia Nikolayevna,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Mari State University
424031, Russia, Yoshkar-Ola, Chehova St., 69–28
E-mail: gluhnatalia@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.131

А. С. Измайлова

АРХЕТИП ЛАСТОЧКИ В УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На примере трех одноименных произведений удмуртских писателей разных поколений (М. Петрова, В. Романова, Л. Нянькиной) рассматриваются ментальные и структурные особенности образа *ласточки* в аспектах народной традиции, а также индивидуальных особенностей каждого автора.

Ключевые слова: ласточка, мифопоэтика, менталитет, народная традиция, авторская мифология.

Финский фольклорист А.-Л. Сийкала в статье «О перспективах исследования мифологии финно-угорских народов» отмечает: «Мифы использовались для построения этнического и национального самосознания. В многокультурных сообществах мифические представления и обряды являются основными средствами определения отличий «своего» от «чужого» и выражения собственной культуры определенной группы (...). Этническая религия и верования оформляют картину мира, находясь на глубинных структурных уровнях культуры» [1. С. 319].

На глубинных структурных уровнях культуры удмуртов есть образы коллективного бессознательного (архетипы воды, деревьев, горы, птиц, животных, растений), в использовании и творческой переработке которых удмуртская литература располагает разными индивидуальными стилями художников, сочетающих фольклорно-мифологические и литературные традиции и создающих новые авторские мифы [2].

В творчестве Михаила Петрова (1905–1955), собирателя и теоретика фольклора, писателя, организатора и «мотора» удмуртской литературы пер. пол. XX в., по словам венгерского ученого Петера Домокоша, языческие архетипы выступают как стилевое начало и структурный элемент его поэтики. Национальная мифология, сохранившаяся в составе фольклорных сказаний, легенд и преданий, пословиц и поговорок, народных песен, ремифологизирована и ярко выражена. Особенно удалось М. Петрову запечатлеть в художественном тексте различные языческие табу, регламентирующие поведение героев в различных ситуациях.

Забвение законов природы и традиций предков всегда чревато последствиями: стихийным бедствием (пожар, потоп), социальными потрясениями (война, революция), человеческими жертвами (болезни, смерть). Такая пантеистическая «философия жизни» емко вошла в художественный дискурс произведений М. Петрова, актуализируя духовно-нравственные ценности своего народа, погружаясь в сакральное мироощущение язычника-удмурта.

Ласточка – священная птица удмуртов, символ благополучия, с ее прилетом на родину начинается весна («Ваёбыж вуиз, жоген гудыртоз» – «Прилетела ласточка – скоро придет весна»). Образ прилетающей каждую весну ласточки связан с мотивом пути, длинной дороги; зафиксирован главным образом в рекрутских песнях:

<i>Лымыед усёз, со но шуналоз,</i>	Снег упадет, потом растает,
<i>Ваёбыж лыктоз но кырзаса.</i>	Ласточка прилетит с пением.
<i>Ваёбыж лыктоз арлы но быдэ,</i>	Ласточка прилетает каждый год,
<i>Ми ум лыктэлэ чаль гинэ.</i>	Мы не вернемся так скоро [3. С. 53].

Согласно воззрениям удмуртов, гнездо ласточки нельзя трогать, разрушать, иначе, по поверьям, сгорит дом, случится несчастье в доме или деревне. Если ласточка вьет гнездо в доме, то сюда придет счастье. В книге лингвиста С. В. Соколова «Бурдо крезьчиос» («Крылатые гусяры»). Ижевск, 1990) образы ласточки (*ваёбыж*) и стрижа (*кичи*) используются как синонимы: «Кичи юртэ ке карьяське – та юртлы шудбур сйезе» («Если стриж устроит гнездо в доме, он принесет в этот дом счастье») [4. С. 47].

Ласточка, будучи устойчивым архетипом коллективного бессознательного, считается хранительницей семейного очага. По словам Г. Верещагина, «Ласточка у инородцев пользуется большим уважением как приносящая с собой счастье, поэтому под крышами куалы устраивают гнезда из берестяных ящиков, чтобы привлечь этим пернатых к своему жилью» [5. С. 96]. В народной песне завятских удмуртов поется:

<i>Ваёбыж пизэ кытын поттэ?</i>	Ласточка своих птенцов где выводит?
<i>Куалае пырыса, чын пушкын.</i>	В куале, в дыму.
<i>Анай милемыз кытын вордэм?</i>	Матушка нас где растит?
<i>Кёкые поныса, сюриын.</i>	В колыбели с жердочкой.

Так народная традиция связывает с *ласточкой* семейное благополучие, поскольку птица выводит птенцов в куале – родовом святилище удмуртов.

В романе М. Петрова «Старый Мултан» архетип ласточки связан с сюжетной линией главного героя Григория Дмитриева. Тихий, смиренный, трудолюбивый человек, у него доброе сердце, золотые руки. Но с детства не балует его судьба: рано умирает отец, его счастье с красавицей Дуней оказалось коротким, нужда не покидает его ни на час. Пока он сидел в тюрьме по ложному обвинению в ритуальном убийстве нищего Матюнина, умирают жена и ребенок. Оказавшись в экстремальной ситуации, он начинает задумываться над причинами своей тяжелой доли, вспоминает детство и случай с ласточкиным гнездом.

Когда-то девятилетний Миток Гирей не послушался совета матери и разорил гнездо ласточки, в результате чего все птенцы погибли. В фокусе детских

рефлексий – предошущение тревоги, страхи, детские фантазии, – надежда на то, что беда обойдет их стороной. Беда пришла спустя много лет. Жители деревни Старый Мултан были ложно обвинены в человеческом жертвоприношении языческим богам, и Григория Дмитриева осудили за найденные в его доме лукошко и фартук якобы со следами человеческой крови.

На мифопоэтический сюжет Петрова впервые обратил внимание профессор Сорбонны, поэт, эссеист Жан-Люк Моро, перевел его на родной язык и поместил как самостоятельное произведение в своем учебнике «*Parlons oudmourte*» («Давайте говорить по-удмуртски», 2009) под названием «Кин сôриз ваёбыж карез?» («Кто разорил ласточкино гнездо»). Этот учебник удмуртского языка для французов, итог многолетней работы, дело всей жизни, он посвятил своему другу студенческих лет, народному писателю Удмуртии: «Памяти Петра Чернова, который первым дал мне возможность ощутить красоту своего языка».

В 1959 г., будучи стажером МГУ в Москве, молодой исследователь Ж.-Л. Моро приступил к изучению удмуртского языка у носителей языка: студентов факультета журналистики Петра Чернова, Василия Ванюшева и Алексея Ермолаева – на основе недавно вышедшего тогда романа М. Петрова «Вуж Мултан» (1954), о чем Ж.-Л. Моро рассказывал на многочисленных встречах, побывав в Удмуртии в 1998 и 2012 годах: «Мой друг венгерский ученый Петер Домокош пишет, что это “Энциклопедия удмуртского народа”. Я согласен с ним. В этом романе я “встретил” знакомых героев, русскую демократическую интеллигенцию XIX века, – я знал о В. Г. Короленко, знал, какое место занимает он в русской культуре. Но впервые в тексте Михаила Петрова я узнал, какую роль сыграл Короленко в защите мултанских удмуртов от обвинения в языческих обрядах человеческого жертвоприношения. А еще я запомнил рассказы о цветке италмас и птице ласточке, которая спасает удмуртов».

Жан-Люк Моро прочитал этот роман с точки зрения мифопоэтики. Знание языка оригинала помогло ему осмыслить пантеистическую «философию жизни» М. Петрова, основанную на языческом миропонимании удмуртов – в единстве мира и природного человека.

Включенный в контекст реалистического повествования, исторических героев и коллизий, архетип ласточки обретает иносказательный смысл, связанный с заповедными традициями. Не случайно Ж.-Л. Моро назвал этот рассказ «Кто разорил ласточкино гнездо?». В риторическом вопросе скрыты и иррациональный, и рациональный подходы к поставленной проблеме. Подлинными защитниками удмуртского народа стали Короленко и его сподвижники, чья деятельность была направлена на утверждение в обществе справедливости, добра и гуманизма.

Архетип ласточки органично входит в поэтическую традицию удмуртской литературы, как сознательно используемый художественный прием.

Стихотворение «Ваёбыж кар» («Ласточкино гнездо») – образец натурфилософской лирики Владимира Романова (1943–1989), включено в прижизненный сборник поэта «Йырберыктон турын» («Трава приворотная», 1988) как его концептуальное начало. Романов – автор 14 поэтических сборников на удмуртском и русском языках, его лирика, для которой характерны душевная открытость, доверчивость, доброта, – яркая веха удмуртской поэзии.

Будучи редактором детского журнала «Дась лу!», Владимир Романов часто бывал в отдаленных районах республики, видел, что с уходом из жизни старших поколений постепенно утрачивается богатая духовная культура удмуртов. Его произведения питаются тревогой о сохранении преемственности в культуре и стремлением не упустить возможности записать образцы удмуртского фольклора, фразеологизмов, диалектов. Собираение и изучение народной речи он не прекращал всю жизнь и в стихах призывал своих юных и взрослых читателей изучать народную мудрость и передавать ее потомкам.

Так, стихотворение «Ваёбыж кар» («Ласточкино гнездо») – адресовано и взрослым, и детям одновременно. Первая его часть – наказ матери сыну не разорять ласточкино гнездо и предупреждение, что убить ласточку означает совершить страшный грех.

<i>Коргид сигын – ваёбыж кар.</i>	– Чтоб не накликай невзначай беду,
<i>Мыным гинэ тодмо со.</i>	Не подходи, –
<i>Сое –</i>	Мне в детстве мать внушала,
<i>Сутскоз, шуо, корка –</i>	Ты к ласточкину, мальчик мой,
<i>Йотылыны уг косо.</i>	Гнезду,
<i>– Сое, тие, – шуэ нэнэ, –</i>	Не обижай ее детишек малых.
<i>Изъянтыны уг яра...</i>	<i>Пер. С. Поликарпова.</i>

Вторая часть стихотворения в форме монолога мальчика передает его рефлексию по поводу случившегося. Помня наказ матери и народные приметы, мальчик все-таки не удержался от соблазна, накопив для птичек червей, залезть на чердак. Случилось непредвиденное – он оступился и сорвался, и гнездо, которое случайно сшиб в паденье, оказалось на земле... Пронзительно раскаяние мальчика: ведь он связывал с ласточками не только общее благополучие (не быть бы в деревне пожару!), но и возвращение с войны отца:

<i>– Эн кошкелэ,</i>	– Не улетайте, ласточки, от нас.
<i>Ваёбыжжъёс! –</i>	Я не нарочно...
<i>Ваем шуддэс эн нуэ.</i>	Всем готов поклясться!
<i>Эн кошкелэ, ваёбыжжъёс, –</i>	Не улетайте, ласточки, от нас,
<i>А то... атай... уз ву ни!</i>	Я так хочу
	Отца с войны дождаться!

Так тема войны обретает личную, выстраданную интонацию, сквозь призму народных традиций сообщая герою этническую мудрость. Тем самым утверждается одна из главных функций семьи – передача детям выработанной веками народной культурной информации как общественного мнения.

Лидия Нянькина (р. 1965), писатель нового поколения, приверженец и традиций, и новаторства. В основе ее рассказа «Ваёбыж кар» («Ласточкино гнездо») (1987) – история разрушения и восстановления семейного очага. В некогда благополучной семье механизатора Лади и доярки Лизы происходит трагедия: скоропостижно умирает хозяйка дома. «Табере сандык кадь юртаз Лади дымбыр огназ кылиз» («Теперь в доме, как сундук, Лади остался совсем один»). Сын Геннадий, офицер Советской Армии, служит в большом городе, вдали от родной

деревни. От горя и отчаяния Лади стал прикладываться к рюмке, некогда большое и ухоженное хозяйство постепенно разваливается.

Рассказ построен на дихотомии орнитоморфных символов: *душес* (коршун) и *ваёбыж* (ласточка), которые представляют собой антагонистические силы. В завязке рассказа – знак беды: «Берло дыре съод душес, та юрт котыртгй секытэсь бурдъёссэ вольяса, жоб куараеныз кесяскеменыз, Ладилэн нырдйяз вуиз ини» («В последнее время черный коршун, раскинув тяжелые крылья, кружил над домом, а его страшные крики пугали Лади»). С приходом в семью Анют семейная жизнь Лади стала постепенно налаживаться. Деловая, хваткая женщина обновила интерьер дома, навела уют, убрала все лишнее. Благодаря мотоциклу – необходимой технике в деревенском хозяйстве – ей удалось спасти мужа, вовремя доставив его в больницу (Скорая, как всегда, опаздывала или не приходила вовсе). Но главное – Анют не предала забвению память о предшествующей хозяйке. В день ее рождения печет любимые шаньги, часто посещает могилу Лизы, сажает цветы, разбрасывает крупу, чтобы, по народному обычаю, вороны поклевали вместе с крупой все грехи покойницы. Вскоре последовали хорошие перемены: «Ваёбыж лоба корка йылтй. Липет улэ кар дася, лэся» («Ласточка летает над домом. Под крышей вьет, видимо, свое гнездо»). По свидетельству фольклористов, у многих народов, и финно-угров в том числе, ласточке «приписывалась особая связь с душами предков и потусторонним миром» [б. С. 279]. Одно из возможных значений образа ласточки – птица-вестница, соединяющая два мира, отсюда использование постоянного эпитета – «черно-белая».

Осмысление и интерпретация духовного опыта народа делает рассказ Лидии Нянькиной привлекательным и поучительным. Не зря он помещен в хрестоматии для 9 класса, хотя, по мысли автора, написан был для взрослых. В произведениях, основанных на мифопоэтике, притче или иносказании, повествование, как правило, ориентировано на взрослых читателей и на детей.

Рассказ «Ваёбыж кар» стал той стартовой площадкой, на которой выросло мастерство Л. Нянькиной. Она учится строить диалоги, использует несобственно-прямую речь. Ее «манера видеть и понимать вещи» (В. Г. Белинский), особая модальность передают специфику удмуртского менталитета («Бакчазы нокытчы тэронтэм кияр-помидорзы будэ. Кыкназылы бен трос кулэ өвёл но, калык сыыку верьям потон вань ук ай» («На огороде растет столько огурцов-помидоров – девать некуда. На двоих-то много и не надо бы, но когда весь народ ест, тоже хочется попробовать»). Лидия Нянькина умело использует фольклорно-мифологические и литературные традиции и создает новые авторские мифы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сийкала А. Л.* О перспективах исследования мифологии финно-угорских народов // Этнос. Культура. Человек. Ижевск, 2003. 337 с.

2. См. об этом: *Зуева А. С.* Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций: Монография. Ижевск, 2000. 371 с.

3. *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов. Ижевск, 1999. 269 с.

4. Соколов С. В. Бурдо крезьчиос / Крылатые гусяры. Ижевск, 1990. 120 с.
5. Верецагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Ижевск, 1995. Т. 1: Вотяки Сосновского края. 277 с.
6. Долганова Л. Н., Морозов И. А., Минасенко Е. Н. Игры и развлечения удмуртов: история и современность. М., 1995. 221 с.

Поступила в редакцию 9.01.2014

A. S. Izmailova

The archetype of swallow in Udmurt literature

Three works of Udmurt writers of different generations by M. Petrov, V. Romanova, L. Nayankina were examined. The author analyzes the mental and structural features of the swallow image and folk tradition related with it. The individual peculiarities of the authors language are also analyzed.

Keywords: swallow, myphopoetics, mentality, national tradition, authors myphology.

Измайлова Анна Сергеевна,

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: rvkir@mail.ru

Izmailova Anna Sergeevna,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Udmurt State University,
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: rvkir@mail.ru

УДК 821.511.131

В. Г. Пантелева

**ОППОЗИЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
ФЛОРА ВАСИЛЬЕВА**

Статья посвящена исследованию философии жизни и смерти в поэзии Флора Васильева в разные периоды его творчества, наибольшее внимание уделено семантике стихотворений последнего года его жизни.

Ключевые слова: оппозиция «жизнь-смерть», вечная тема, поэтическое пророчество, поэтический генезис.

Один из посмертных сборников удмуртского поэта Флора Васильева (1934–1978) озаглавлен строкой из его стихотворения «Улытозам мон улонэз кырзай» («Я всю свою жизнь воспевал жизнь») (Ижевск, 1984). Между тем мы бы не рискнули назвать его «певцом жизни» в мажорно-оптимистичном смысле, который здесь утверждается. Зрелая лирика поэта по своей тональности и образности во многом минорна и пессимистична. Хотя, надо признать, отношение к жизни и смерти у Флора Васильева противоречиво, в чем проявляется скорее взгляд поэта-пророка и поэта-философа.

Поэтическая реальность такова, что можно было бы написать исследование исключительно на тему «Смерть в творчестве Флора Васильева», ибо ни у одного удмуртского поэта и прозаика тема смерти не была столь неотвязной, почти воочию увиденной и при жизни прожитой – пережитой. Призрак смерти, мотив смерти неотступно преследовал поэта биографически: еще с середины 1960-х гг., с момента личной драмы – смерти любимой жены Фаины. Концентрация, сгущение идеи смерти, смерти как категории философской – неизбежности – вылилось в поэзию уже в начале 1970-х гг. Содержание его сборника 1971 г. «Гажан дыр» («Время любить») совершенно противоположно заглавию: это поэзия великой печали, нечеловеческой тоски по безвозвратно ушедшему, предощущения тревоги, страха и душевного неравновесия. Смерть – данность, раз и навсегда существующая в природе, то есть в самой жизни:

<p>1. Эн каргет, эн каргет, куака, Эн оть мынэсьтым кулонме...</p>	<p>Не каркай, не каркай, ворона, Не зови мою смерть...*</p>
--	---

[2. С. 192].

<p>2. Гольык кылем сйзьыл музэн, Мынам но улонэ ортчоз. Ѓуж куар выллем усёз музэ, Оло, солэсь но вазь ёгозё.</p>	<p>Подобно оголенной осени Пройдет и моя жизнь. Желтым листом спадет на землю, Может, раньше этого срока</p>
---	--

[2. С. 192].

сгину (погибну).

В последнем четверостишии пока призрачно, но уже угадываются черты поэтического пророчества Флора Васильева, которые в дальнейшем обретут таинственно-магическую силу. Мы имеем в виду одно из последних его стихотворений – «Мед улом вал сётэм улонлэн пумозяз...» («Мне прожить бы данную жизнь до конца...») (апрель 1978 г.), но о нем речь пойдет чуть позже.

В начале 1970-х гг. Флор Васильев напишет: «Улон – тодмотэме мынон...» («Жизнь – путь в неизвестность...»). Знатоки удмуртского языка подтвердят, что поэтическое «тодмотэме» в данном контексте включает в себе богатую семантику: это не только «неизвестность», но и «неизбежность», «смерть», возможно, и «бессмертие»? Ибо кто из нас знает наверняка, что такое смерть или бессмертие? Для лирического героя Флора Васильева той поры ассоциация «жизнь – начало смерти» органична и гармонична. Сборник 1976 г. «Куар усён толэзе» («В месяц листопада») насквозь пронизан подобной образной символикой: «Пумен синэ эшъясьмылэн лыдзы, / Кылемъёсыз эшъяськонъёс – шайгу дорозь...» («Постепенно убавляется количество друзей, / Оставшаяся дружба – до могилы...»); «Малпаськод валесысь султыны, / Нош кулон ос сьёрын йыгаське...» («Думаешь встать с постели, / А смерть уже стучится в дверь...»). Надеемся, здесь уместно одно изречение современного философа: «Да, неотступная мысль о смерти – симптом неврастения, но отсутствие такой мысли – признак животности» [4. С. 255]. Конечно, все великие умы человечества, все поэты философствовали о смерти. Это своего рода литературная аксиома.

У позднего Флора Васильева (1977–1978) философия смерти заключена между двумя пределами: отчаянием (тревогой, страхом) и надеждой на бессмертие. В первом случае в его мировосприятии оглядка на смерть воспринимается как постоянная угроза жизни поэта. Такие настроения лирического героя лучше всего отражены в стихотворениях: «Кулй ке мон, шайгуысен...» («Если я умру, то из могилы...») (15.10.1977); «Куке но кулон чыртыяд кырмыськоз...» («Когда-нибудь смерть вцепится за шею (горло)...») (19.02.1978); «Улон ортчиз. Кылиз вакчи. / Кезьыт толэн кулон шокчиз...» («Жизнь прошла. Укоротилась. / Холодом зимы вздохнула смерть...») (19.02.1978); «Пушкинлэсь улэп дыръяз суредам берло портретсэ учкыса» («Глядя на последний прижизненный портрет Пушкина») (8.03.1978); «Мед улом вал сётэм улонлэн пумозяз...» («Мне прожить бы данную жизнь до конца...») (19.03.1978).

* Здесь и далее подстрочный перевод мой. – В. П.

Мы не случайно указали даты создания названных поэтических текстов: в них Флор Васильев (ему всего 44 года) повторяет навязчивую мысль о непродолжительности жизни поэтов. Конечно, он и раньше писал о том, что «Улонзы поэтэёслэн вакчи...» («Жизнь поэтов коротка...») (5.06.1969), «Усто поэтэёс дырызлэсь вазь кошко...» («Настоящие поэты уходят раньше срока...») (24.06.1971), но в 1978 г. эта мысль однозначно проецируется на его собственную жизнь. Стихотворение «Мед улом вал сётэм улонлэн пумозяз...», написанное за два с половиной месяца до гибели поэта (позднее его с большой точностью перевел на русский язык О. Поскрёбышев), насквозь пронизано пророческим чутьем автора. Флор Васильев предчувствует и в деталях описывает свою скорую, приближающуюся смерть:

Мне прожить бы свой век до положенной дали,
Посредине дорога бы не прервалась!
Ведь бывает – и летом снежок вдруг повалит,
А зимою нагреешься солнышком всласть.

Жизнь сладка своим вкусом полынно-медовым.
Облака мои, что вам спешить за предел!
Вроде, к людям идя, я не делал худого,
Только много ли доброго сделать успел?

Я и дальше не попусту жил бы на свете,
Что-то, верно б, добавил к добру все равно,
Как половину умеет отвеивать ветер,
На току наших дней находил бы зерно.

Мой конец, меж какими он верстами скрытан?
Где растут обгаренные болью цветы?
Уж дорога сдружилась с багровым закатом,
И все ближе он – край роковой темноты

[З. С. 579–580].

Текст сплошь состоит из мистических ли, пророческих ли совпадений с деталями реальной гибели поэта в автокатастрофе на 7-ом километре Якшур-Бодьинского тракта в начале июля 1978 г. Поэтические образы «прерванной дороги» и «верст» в данном контексте предугадывают реальную дорогу; «обагренные болью цветы» – как реальные летние июльские цветы, на которые пролилась кровь, «багровый закат» – как реальная багровая заря, какая бывает ранним летним утром (катастрофа произошла в пятом часу утра). Система глагольных форм в тексте тоже наводит на размышления. Глаголы прошедшего времени (*не делал худого, много ли сделать успел*) и сослагательного наклонения (*жил бы, добавил бы, находил бы*) не кажутся случайными – они исполнены определенного тайного смысла. Смысла некоего подведения «итога», «прощания», «ухода», наконец, «смерти».

Конечно, провидческая способность, способность к предвозвещению – дар людей неординарных, великих, талантливых. Примеров этому множество, например в «Розе мира» Д. Андреева [1. С. 173–202]. В истории мировой и отечественной литературы такие случаи подробно описаны. Напомним лишь два примера из разных литературно-исторических эпох.

Так, «...однажды за дерзкие эпиграммы губернатор пригрозил Кондратию Рылееву:

– Убирайтесь в 24 часа из города, а не то прикажу вас расстрелять!

Рылеев засмеялся и сказал:

– Кому суждено быть повешенным, того не расстреляют» [5. С. 236–237].

И почти хрестоматийный пример, связанный со строкой Николая Рубцова: «Я умру в крещенские морозы...». Как известно, поэт действительно был убит в драке в январе (в крещенские дни) 1971 г.

Но на другом полюсе поэтического мировоззрения Флора Васильева зиждется надежда на несуществующую смерть, на бессмертие. Он светло, по флор-васильевски, воспевал жизнь как противопоставление смерти: «Вормись уз луы улонэз, / Вордйськемын со пыраклы» («Победителя жизни не будет, / Она рождена навечно»). Или другое четверостишие:

*Ваёбыж лоба. Пиштэ шунды.
Вож куарьёс учко шумпотымон.
Ваньмыз та котьку луоз, вылды,
Иське, уг кулы, дыр, ноку но мон.
(26.03.1978)*

Ласточка летает. Светит солнце.
Листья зеленые радостно глядят.
Все это, наверное, бессмертно,
Быть может, и я не умру никогда.

[2. С. 761].

Между этими крайностями: жизнь как начало смерти и жизнь как противопоставление смерти – пролегает глубокая истина поэзии Флора Васильева. Конечно, в этом существо всей мировой поэзии. Удмуртский лирик вслед за предшественниками – например за Байроном («Умереть не трудно, гораздо труднее жить...») или за Есениным («В этой жизни умереть не сложно, / Сделать жизнь значительно сложнее...») – не устает повторять: «Кынар но мед тырмоз вылэм / Кутскем гурез йылпумъяны» («Хватило бы сил / Допеть (завершить) взятую мелодию»), поскольку «Сяська вордске. Пужмер усе. / Туннэ нунал луэ толон...» («Рождается цветок. Опадает иней. / Сегодня превращается во вчера...»). Подытоживая смысл приведенных выше поэтических строк, можно заключить: кто пишет о смерти, тот учит жить. Размышления Флора Васильева о смерти – это, по сути, размышления о жизни, о свободе жить, ибо кто осознал, кто познал «вкус» смерти, тот знает «рецепт» ее преодоления. А он прост: «Нош улэмъя потэ улэм...» («Живя, все более хочется жить...»). Но как жить? Вопрос для поэтов всех времен и народов не праздный – из категории «вечных». Удмуртский поэт решает его и просто, и мудро: «Паллян уг поты кырзаме, / Калык марда мед улысал...» («Не хочу петь влево (не в унисон), / Хотел бы жить по-человечески (как народ)...»).

Представляет интерес и проблема образного решения темы смерти, которое в данной статье мы обозначим пунктирно (подробнее см. в нашей монографии «Поэтический мир Флора Васильева. Национально-семантичес-

ские особенности стиля» [6]. И так, можно констатировать, что «маски» смерти в поэзии Флора Васильева постоянно предстают в образах природного мира – в вое собаки, волков, в белой загробной тишине падающего снега, но чаще всего – в образах птиц: черного ворона или серой кукушки, кукующей в сумерках. Даже беглый взгляд позволяет говорить о мифопоэтическом контексте творчества поэта, впрочем, об этом много написано.

Нас же интересует сейчас еще один аспект заявленной проблемы – явление, если можно так выразиться, поэтического генезиса рассматриваемой темы в рамках истории национальной литературы. В этом плане одним из главных предшественников Флора Васильева был, безусловно, Кузубай Герд. Настоящую глубину их культурной преемственности еще предстоит изучить, что же касается темы смерти, то здесь поэтические установки Кузубая Герда и Флора Васильева во многом совпадают. Хрестоматийными стали стихотворения Герда: «Мон кулй ке...» («Если я умру...»), «Мынам кулонэ» («Моя смерть») – переключка двух поэтических голосов отчетливо слышна и в образном решении темы «поэт и общество». И оба поэта «своей собственной судьбой подтвердили правдивость своих взглядов на трагическую участь поэта» [7. С. 99]. Кузубай Герд погиб в 39 лет, Флор Васильев – в 44. Хотя жили и творили они в разные историко-литературные эпохи, но в своей преждевременной трагической гибели были почти ровесники. В истории удмуртской литературы их судьба и смерть одинаково воспринимаются как некая предначертанность, неизбежность, символическая метафора роковой участи настоящего Поэта.

Однако трагические парадоксы этим не заканчиваются: преемник Флора Васильева – поэт Михаил Федотов – тоже рано (в 37 лет) уйдет из жизни. В новой литературной ситуации как «преемник» он воспринимается почти в буквальном смысле (известно, что М. Федотов называл Ф. Васильева «мой учитель»): оба поэта – уроженцы северного (Ярского) района Удмуртии и никто из современных удмуртских поэтов после Флора Васильева так много не размышлял и не писал о смерти, как Михаил Федотов. Его последний прижизненный сборник «Вось» («Боль») (1991) и посмертный – «Пульс» (1998) своей минорно-трагической тональностью, «запахом смерти», витающим в воздухе, «возвращает» читательскую память на двадцать лет назад – к позднему периоду творчества Флора Васильева. Словно приняв от Учителя эстафетную палочку, Михаил Федотов писал о смерти: «Мон кошкисько та улоньсь...» («Я ухожу из этой жизни...»), «Нош ватйзы монэ сяськаосын...» («А хоронили меня с цветами...»), «Кулэм муртлэн дневникысьтыз» («Из дневника покойника») и др.

В этом же генеалогическом ряду можно назвать имя Эрика Батуева, представителя новейшей истории национальной литературы, который тоже много размышлял о смерти и тоже рано (в 33 года) ушел из жизни. В этих совпадениях усматривается некий тайный знак, исследование которого, видимо, потребует не только литературоведческой методики – это уже предмет иного разговора.

И в завершение мы процитируем строки Флора Васильева из стихотворения 1976 г., которое заканчивается такими словами: «Мон, оло, шумпотысал

но шайгуын, / Бөрдысал ке мон понна кин ке» («Я бы, наверное, обрадовался в могиле, / Если бы кто-то всплакнул обо мне»). Приемом метаморфозы или временной инверсии здесь утверждается мысль о том, как одиноки великие поэты и как жаждут они любви и бессмертия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Андреев Д.* Роза мира. Метафилософия истории. М.: Прометей, 1991. 288 с.
2. *Васильев Ф.* Кылбурьёс / Сост. А. А. Ермолаев. Ижевск: Удмуртия, 1994. 484 с.
3. *Васильев Ф.* Стихотворения / Сост. А. А. Ермолаев. Ижевск: Инвожо, 2003. С. 579–580.
4. *Гарин И.* Пророки и поэты: В 3-х т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1994. 543 с.
5. *Гинзбург Л. Г., Кононова Е. Б.* Занимательное литературоведение. М.: Гелиос АРВ, 2003. 384 с.
6. *Пантелеева В. Г.* Поэтический мир Флора Васильева. Национально-семантические особенности стиля. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 196 с.
7. *Шкляев А.* Концепты поэта и поэзии и образные ряды в лирике Михаила Петрова // М. Петров и литературный процесс XX века. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 98–108.

Поступила в редакцию 10.01.2013

V. G. Panteleeva

Opposition of life and death concepts in the imaginative world of Flor Vassiliev

The article deals with the philosophy of life and death in different periods of Flor Vassiliev's creative activities. There is a special focus on the semantics of the poems written in the last year of his life.

Keywords: opposition "life-death", eternal theme, poetic prophecy, poetic genesis.

Пантелеева Вера Григорьевна,

кандидат филологических наук, доцент,
БУУР «Научно-исследовательский институт национального образования»
426051, Россия, г. Ижевск, ул. Советская, 1
E-mail: panvera@inbox.ru

Panteleeva Vera Grigorjevna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Research Institute of National Education
426051, Russia, Izhevsk, Sovetskaya St., 1
E-mail: panvera@inbox.ru

УДК 821.511.112.0

Н. В. Чикина

**ДЕТСКАЯ КАРЕЛОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
КОН. XX – НАЧ. XXI В.**

Статья посвящена современной ситуации в литературе, развивающейся для детей на карельском языке в Республике Карелия. Несмотря на глобализацию, отсутствие единого карельского языка, ежегодное уменьшение численности народа, детская карелоязычная литература успешно развивается.

Ключевые слова: детская литература, современность, карельский язык.

В нач. XXI в. в Карелии снова дискутируется вопрос о создании единого карельского языка, обсуждаемый представителями молодежных организаций Н. Антоновой и А. Цыкаревым, главой администрации Тверской области А. Головкиным, читателями Н. Зайцевым, М. Брендоевой и другими.

Подтвердилась прежняя гипотеза о том, что карелы не могут отойти от наречий и, вместо объединения, продолжают развиваться параллельно. Л. Маркианова в докладе на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов (г. Ханты-Мансийск, июнь 2008 г.) высказала сожаление о том, что до сих пор не создан единый карельский язык [19. С. 141]. Однако исследователь из Финляндии Р. Пюёли заключила, что «единый литературный язык у карелов уже есть – это русский язык» [23]. В любом случае можно констатировать, что зарождение детской карелоязычной литературы произошло одновременно с взрослой литературой и в Республике Карелия она развивается на людиковском, ливвиковском и собственно карельском наречиях [11].

По данным переписи 2002 г., только 40 % карелов говорят на родном языке или понимают его [22]. По мнению А. Цыкарева, члена общества «Nuori Karjala» («Молодая Карелия»), старшее поколение носителей языка еще нужно учить читать по-карельски (так как южные карелы не умеют читать на латинице) [16]. Но эта проблема не касается детей, поскольку они осваивают язык «с нуля». Однако надо учитывать, что художественные произведения создают в основном представители старшего поколения.

В 1990-е гг. для юных читателей стали писать преподаватели детских садов, школ, вузов, поскольку тогда не было литературного материала на родном языке для работы с детьми и необходимо было поскорее заполнить эту нишу.

В появлении детской карелоязычной литературы особенно нуждалась школа. А поскольку большая часть писателей имеет педагогическое образование, это стимулировало карелов создавать произведения для младшего читательского поколения.

Среди авторов, пишущих для детей, преобладают женщины. Как матери и педагоги, они взяли на себя ответственность воспитывать детей через книги. Среди них особо выделим О. Мишину, З. Дубинину и Т. Щербакову. Сходство судеб определило и их творческую близость.

Зинаида Тимофеевна Дубинина родилась в 1934 г. в д. Лумбозеро Олонецкого р-на. Долгое время работала учителем в школах родной Олонии, ныне проживает в д. Коткозеро. Начало ее творчества приходится на 1980-е гг. На ливвиковском наречии карельского языка пишет она прозу, поэзию и занимается переводами.

Книга «*Silmükaivoine*» («Родничок», 1995) З. Дубининой составлена из стихов для всех возрастов, начиная с младшего дошкольного и заканчивая старшим школьным, чем и определяется тематика ее произведений. Книга состоит из нескольких разделов.

Цикл стихотворений для самых маленьких состоит из произведений на тему «Игрушки». Цикл «Родная Карелия» адресован детям школьного возраста, он включает в себя стихи и фольклор.

Произведения, адресованные старшим школьникам и даже взрослым [например «*Kaivoine*» («Колодец»), «*Karjalazen muaman lapsi...*» («Ребенок карелки»)], поднимают проблемы родного края, карельского языка и народа. Так, З. Дубинина пишет в стихотворении «Ребенок карелки...»:

<i>Karjalazen muaman lapsi</i>	Ребенок карелки
<i>Ven'alazeh školah astuu,</i>	В русскую школу шагает,
<i>Ven'an sanoil meile vastuau...</i>	Русскими словами нам отвечает...
<i>Opastammo školas kaikkeh,</i>	Мы учим в школе всему,
<i>Emmo omah kieleh vaiku</i> [15. С. 11].	Только не родному языку.

Циклы, посвященные временам года: весна, лето, осень, зима, – знакомят детей с сезонными изменениями в природе. Летом созревают ягоды, весной прилетают птицы, осенью начинается учебный год, описываются зимние забавы детей.

З. Дубинина учитывает и уже имеющийся поэтический материал на русском языке, создавая обработки на карельском языке. Так, стихотворение «*Ogurčaine*» – вариация стихотворного текста «Огуречик» к подвижной игре для младшего дошкольного возраста. Стихотворная сказка «Мужик и медведь» – вариант русской народной сказки.

В произведениях для старших школьников поэт побуждает их интерес к осмыслению прошлого – к истории народа – на основе высоких гуманистических и гражданских начал.

Основное содержание произведений в сборнике «*Minun livvin linduzile*» («Моим ливвиковским птичкам», 2006) подчеркнуто уже его названием.

В сравнении с первой книгой автора здесь существенно расширяется тематика и проблематика. Наряду с уже известными стихами, в сборник включены новые произведения, расширяющие жанровое разнообразие творчества З. Дубининой (рассказ, пьеса и сказка).

Иногда в художественно-образной форме подается школьный материал. Так, стихотворения «Kirjaimikko» («Алфавит») и «Kuut» («Месяцы») благодаря игровой форме облегчают детям запоминание букв и названий месяцев. Забавен сюжет пьесы «Kui Vas'ka oli tigrannu» («Как Васька был тигром»), рассказывающей о случае с котенком.

Рассказ «Nelländele» («Четвертый год») описывает комичный случай с мальчиком Витей. Дети осваивают родную речь, не всегда понимая то, что говорят взрослые. Для взрослого четыре года – это отрезок жизни, а для четырехлетнего мальчика – вся жизнь. С такими же философскими размышлениями мы встречаемся и в поэзии М. Пахомова [12. С. 34].

Рассказ «Mečan rahvas» («Лесные жители») учит детей помогать взрослым. Через несложный сюжет З. Дубинина объясняет, почему надо трудиться. В рассказе «Lapset räiil» («Дети на печке») описываются традиции, в частности, бабушка объясняет, что значит для нее нательный крест.

В сказках и рассказах З. Дубининой часты упоминания о Боге. Так, в сказке «Tuulen kuldaine oksaine» («Золотая веточка ветра») девочка Маша просит Бога не дать умереть ее матери. От ветра она узнает, что у хозяина леса есть белый цветок, который помогает всем, девочка отправляется к нему. Как и в сказках П. Лукина, мы встречаемся с преобладанием у карелов язычества, хотя сохранялась и вера в единого Бога.

Ветер как мифологический персонаж дает Маше веточку – волшебный предмет, не только оберегающий ее от опасностей, но и позволяющий ей понимать речь животных, деревьев и цветов. Композиционно использован троекратный повтор: девочка в лесу помогает *колокольчикам* (поливает их), *птице* (сажает в гнездо птенца) и кормит *зайца*.

Но чтобы попасть в гости к хозяину леса, который живет на лужайке, ей надо пройти через высокий ельник, где живут лешие, которые пытаются погубить девочку, но веточка оберегает ее. Лешим удастся перехитрить Машу. Она пьет воду из ручья и засыпает. Но ветер просит *колокольчики* и *зайца* разбудить девочку, и благодарные помощники спасают ее.

В отличие от финноязычного писателя М. Мазаева, который в рассказе «Тысяча плюс тысяча» подробно описывает мифологических персонажей, З. Дубинина ограничивается лишь кратким описанием ветра, в образе которого выступает очень красивая женщина в белой летящей одежде. Образы воздушных дев наиболее полно представлены в «Калевале», в то время как в фольклоре они меньше сохранились. Можно предположить, что на З. Дубинину большее влияние оказал эпос [9].

Завершается ее сказка поверьем о том, что иногда у Маши на крыльце можно встретить эту женщину: «Говорят, ветер пришел к ним в гости» [14. С. 90].

Современный образ хозяина леса – медведя – представлен в одноименной сказке «Mečänižändü». Он следит за порядком, чтобы никто никого не обижал.

А заканчивается сказка вопросом: как волку стать лучше? Детям предлагается найти ответ. Сказка рассчитана на работу взрослого с детьми.

Исходя из тематики сборника, можно сделать вывод, что родной край лучше всего. В рассказах превалирует описание повседневных забот деревенских жителей, сбора грибов и ягод. Обращается З. Дубинина и к проблемам взаимоотношений детей и родителей.

Учителя Карелии высоко оценили ее творчество, как направленное на воспитательную работу с детьми. В частности, педагог-поэт Л. Туттуева считает, что стихи З. Дубининой учат дружбе [26].

Творчество поэта и прозаика Ольги Федоровны Мишиной (род. 1933) отличается знанием специфики литературы для детской: долгие годы она трудилась учительницей в школе и выпустила несколько сборников. В первую ее книгу «Ratoi» («Колесо», 1996) вошли рассказы, стихи, посвященные детским играм и праздникам, а также загадки. Часть рассказов под общим заголовком «Kallehet kivet» («Родные камни»), позднее войдут в повесть в новеллах «Настя» и будут переиздаваться, а в 2000-м выйдут на русском языке в сб. «Одинаковые сны».

Повесть в новеллах «Настя», при всей автобиографичности, – не воспоминания, а художественное воплощение действительности, включающее авторский вымысел. Драматическая судьба карельского народа прослежена на примере одной семьи.

Главная героиня Настя стала свидетельницей репрессий 1930–1940-х гг. Во время войны, потеряв родителей, она попадает в детдом, а в послевоенные годы, уже будучи учительницей, посещает родную деревню, так и не оправившуюся от многочисленных бед (войны, бесхозьяйственности, безразличия властей) [4. С. 155]. Автор показывает жизнь, какова она есть.

Возвращение к детству в художественной системе повести в новеллах «Настя» – форма нравственного самосознания в атмосфере народной жизни, которая была опорой в тяжелые послевоенные годы. Так что детство для автора – время не только испытаний, но и приобретения духовных ценностей. Оставшись сиротой, девочка попадает в интернат. Конкретные воспоминания лежат в основе ее взгляда на судьбу человека и судьбу карельского народа.

Действительные события отражены, как в зеркале, и легко узнаваемы во множестве послевоенных реалий: дети–сироты, голод, ожидание тех, кто не вернулся с войны.

Погружение в прошлое – это своего рода и сожаление об утраченной поре детства. Ольга Мишина рисует поэтический образ детства, пытаясь увидеть в нем свои истоки. Проблема творческой личности – одна из решающих, когда речь идет о произведениях автобиографических [2. С. 309], как в повести «Настя», где каждая из новелл привносит все новые и новые подробности, сохраненные детской памятью. Конфликт маленького человека с государством, распорядительной властью, мелкие бытовые, но судьбоносные столкновения героини с действительностью пересекаются со старыми семейно-родовыми иерархическими установками, сообщающими повести национально-этническую определенность.

Одно из самых глубоких чувств поэзии О. Мишиной – чувство родины. Родина для нее – это деревенька, где она родилась и выросла, люди, что живут

вокруг, и безымянная лесная речушка, и юная березка, нежно шепчущая что-то родное. То, что оживает в ее стихах и воспринимается как вновь открытое, первозданное, присущее только ей.

Стихи и рассказы О. Мишиной, адресованные детям дошкольного и младшего школьного возраста, включают мотивы фауны и флоры родного края; открывают юному читателю новое о птицах, животных, цветах, деревьях, камнях...

Радостным приятием жизни отмечены стихи: «Kuldukukat» («Золотые цветы»), «Sikourei» («Цикорий»), «Kimalah» («Пчела»), «Tikku mečas» («Дятел в лесу»). Не может не запомниться образ цветущего цикория, во время дождя словно закрывающего свои синие глаза. А почему у кукушки нет гнезда, можно узнать из одноименного произведения.

В стихотворении «Kartohkaine kasvau muas» («Картофель растет в земле») автор доходчиво объясняет, как растет картофель, используя образное сравнение: как лампочки на люстре.

В стихотворении «Jogi talvel» («Река зимой») О. Мишина предостерегает детей об опасности, которая исходит от тонкого льда на водоеме.

Надежда на подрастающее поколение, вера в него слышится в стихотворении «Piäsköin korgevus» («Ласточкина высота»):

...Tulou aigu – kasvetah

Piäsköin pojil siivizet,

Taivahassah nostetah,

Puhtahah da sinizeh [20. С. 6].

...Срок настанет, подрастут

Крылья молодые.

Их поднимут, вознесут,

В выси голубые [5. С. 122].

В сборнике «Ruskei zog'aine» («Алая зорька», 2005) О. Мишина продолжает знакомить детей с родной природой, с особенностями растений, в частности, с тем, что на морозе клюква становится мягче; крылатыми друзьями и животным миром.

Автор отходит от простого описания природы, а больше обращает внимание на занятия детей: так, описаны детские игры; появились стихи, посвященные не только Новому году, но и, например, 300-летию Петрозаводска.

О. Мишина включает произведения для детей и в сборники прозы и поэзии для взрослых. Так, в книгу «Syväin lendäy kodihpäi» («Душа летит к родному дому», 2007) входят и уже знакомые детские стихи «Золотые цветы», «Петрозаводск» и новые. Тематика остается прежней – мир природы.

К достоинствам сборника «Городская фамилия» (2008) отнесем публикации избранных стихов и рассказов с параллельным переводом на русский язык, что сразу расширяет читательскую аудиторию. В рассказах О. Мишина пишет о сельской жизни, природе и радостных мгновениях, поднимая серьезные проблемы взаимоотношений между людьми.

Рассказ «Туфли» начинается с радостной подготовки к празднику Пасхи, совпадающему с приходом весны и с приближением окончания войны. К этим радостным событиям присоединяется еще одно – Настя получает сообщение о приезде отца. Она бежит на встречу с ним. Но оказывается, что это обман: над ней подшутили, ведь было 1 апреля. Этот день запомнился Насте на всю жизнь. Поступки детей порой бывают неоправданно жестоки. Шутка несет не радость, а глубокую горечь. Сюжет рассказа поучителен.

Назвав рассказ «На чьем языке разговаривать», автор утверждает мысль о сохранении родного языка – любимого и самого близкого. Все творчество О. Мишиной направлено на утверждение этой мысли.

Ряд стихов для детей написал Вася Вейкки (наст. имя Василий Иванов). Из его юмористического стихотворения «Sanažet» («Словечки»), написанного 5-стопным хореем, дети узнают о животных: каждая строка начинается обозначением действия, знакомого детям: собака лает, петух поет, кошка мяукает и др.

Его же стихотворение «Aberi» («Букварь») облегчает детям знакомство с алфавитом. «Viizas kaži» («Умная кошка») дает ребятам первые представления о жизни и повадках животных.

Из пьесы В. Вейкки «Ken andoi kažile silmät da hännän» («Кто кошке глаза и хвост дал», 2006) ребенок узнает о Юмале (Боге). Картина мира основывается на мировоззрении карельского народа, в фольклоре которого можно встретить, например, поговорку «Jumal elättiä kuren dai täin, dai viel harmuan harakan» («Бог дает жизнь бедному и шивому, да еще серой сороке»). Часто можно встретить два перевода слова «Jumal»: Бог и Юмал. С нашей точки зрения, в функциональном аспекте между Богом и Юмалом нет принципиальных различий. А поскольку восприятие Бога приближено к христианской традиции, то оба эти слова можно рассматривать как синонимы. Во втором случае используется метод калькированного перевода. Для карелоязычного читателя это понятно: Юмал – значит «Бог».

Отличительная черта художественной литературы для детей младшего школьного возраста – легкий и веселый юмор. В поэзии более остро воспринимается звукоподражательность, игра слов. Названия стихов настраивают ребенка на оптимистическое восприятие события и самого произведения [1. С. 344].

Интересны творческие находки в произведениях Марии Брендоевой. Выделяя отличительные черты птиц, она пишет о том, кто чем живет в одноименном стихотворении «Ken kui eläu?»:

<i>Eläu varoi varrastellen,</i>	Живет ворона воровством,
<i>Kägöi vuozii kielastellen,</i>	Кукушка обманом,
<i>Hakkaraine – hačatellen,</i>	Сорока – стрекотанием,
<i>Joučen – järvil joikutellen...</i> [13. С. 14].	Лебедь – на озере криком...

Юный читатель знакомится здесь не только с птицами, но и с их особенностями. Рифма основана на использовании падежного окончания.

Незатейливый сюжет с кумулятивной цепочкой лежит в основе стихотворения «Kenekse sinä goitos kazvahuu?» («Кем ты вырастешь?»). По дороге в школу дети мечтают о том, кто кем станет:

<i>Üksi sanoi – opastajakse,</i>	Один сказал – учителем,
<i>Toine sanoi – müöjäkse,</i>	Второй сказал – продавцом,
<i>Kolmas sanoi – lendäjäkse,</i>	Третий сказал – летчиком,
<i>Nelläs sanoi – lüpsäjäkse...</i> [13. С. 14].	Четвертая сказала – дояркой...

В знакомой для детей ситуации приводится ряд профессий. В разговор вступает мальчик Мийкул и говорит, что сначала надо закончить школу. Итог разговору подводит Маша: «Надо не опаздывать на уроки, чтобы дальше учиться». Форма беседы делает текст интересным и легким для запоминания. Сюжет привлекателен для детей.

М. Брендоева пишет также загадки, основные герои которых – животные (лиса, медведь, заяц, волк). По их отличительным чертам дети легко находят отгадку. Вот, к примеру, загадка про зайца:

<i>Silmät püöriet,</i>	Глаза круглые,
<i>Korvat suuret,</i>	Уши длинные,
<i>Kezäl harmai,</i>	Летом серый,
<i>Talvel valgei</i> [13. С. 15].	Зимой белый.

Другая поэтесса из Олонецкого района – Любовь Михайловна Туттуева (род. 1963), уроженка д. Кунилица. Закончив Петрозаводское педучилище № 2, работает в Туксинском детском саду «Журавлик». Писать стихи начала в школе. На карельском языке пишет с 2000 г. Ее творческая деятельность отмечена литературной премией В. Е. Брендоева в 2003 г. [17. С. 16]. Стихи Туттуевой адресованы дошкольникам. Преобладают темы времен года и животных.

Язык ее стихов прост. Рифма часто образуется с помощью деминутивного суффикса *-ine*: см. стихотворения об овце («*Anna villua...*») и петухе («*Kukoi*»). Незамысловатые сюжеты отвечают возрастным требованиям дошкольников.

Поэт-людик Мийкул Пахомов (род. 1967) в свой первый сборник «*Tuohuz ikkunas*» («Свеча в окне», 1993) включил ряд стихов для детей. Основная тематика – природа. В стихотворении «*Vauged griba*» («Белый гриб») рассказывается, как городской мальчик Мишши пошел в лес с отцом, нашел белый гриб и удивился: «Кто этот гном?». В сравнении гриба с гномом ощутимо влияние на автора западно-европейской мифологии.

Прекрасные пейзажи зимнего леса представлены в стихотворении «*Tauven suarn*» («Зимняя сказка»), где поэт остается приверженцем прибалтийско-финской традиции, в которой человек и природа едины: автор отождествляет человека с объектами природы: бабушка – сосна, сестра – осина.

<i>Täga nukkub pedai-buab –</i>	Здесь спит сосна-бабушка –
<i>Pakaane se peitti.</i>	Мороз ее укрыл.
<i>Toine sizar om huab –</i>	Вторая сестра осина –
<i>Lumišliäpäñ heitti</i> [21. С. 61].	Снежную шляпу надела.

Внутренней чистотой и цельностью, точностью наблюдений отличаются стихи уроженки д. Вокнаволок Калевальского р-на Валентины Ивановны Каракиной, приобщившейся к творчеству уже в зрелом возрасте. Будучи филологом, она долгое время работала в школе и Петрозаводском педучилище № 1. Затем ее пригласили в карелоязычную газету «*Oma Mua*», где В. Каракина начала с переводов статей на карельский язык, а затем стала писать сказки и стихотворения для детей и публиковать их в детском журнале «*Kipinä*».

Цикл стихотворений в сборнике «*Rohkie tijani*» («Смелая синичка», 2005) весело и занимательно знакомит юных читателей с обитателями леса – зайцем: «*Pitkäkorva, ristisuu, / Lyhythäntä jänis...*» («Длинное ухо, рот крестом, / Короткохвостый заяц...»), и белочкой:

<i>Oravaini, oravaini,</i>	Белочка, белочка,
<i>Mečan paras hyppijäini.</i>	Лучший лесной прыгунок.
<i>Eläy kuusen latvassa</i>	Живет на верхушке ели
<i>Lämpimässä pesässä</i> [18. С. 30].	В теплом гнезде.

Особняком среди других изданий, написанных на латинице, стоит книга Александра Савельева «Минä мустан» («Помню», 2002). В нее вошли стихи для детей о животных: «Кажи», «Кондий», «Ребой», «Янһой», «Поччи», «Кукой» – на кириллице. Вот как звучит отрывок из его стихотворения о собаке «Койру» [7. С. 32]:

*Кембо тихал, иккун уалэ
Уризов да вингуу,
Вайку верийн тихал авуат,
Пертих пийдй тунгоу?*

Кто на дворе, под окном
Рычит и скулит,
Только дверь на улицу откроешь,
Голову в избу пихает?

Тема природы отражается и в карелоязычной прозе. Образы из животного мира и птиц – своего рода зеркало гуманистического самосознания. Современные писатели-карелы ставят задачу воспитания человека, поэтому истории о животных, птицах, включенные в произведения, мыслятся не только как познавательные и поучительные, но и как формирующие эстетические и этические чувства юного читателя.

Тамара Васильевна Щербакова (род. 1944) родом из д. Тукса Олонецкого р-на, с детства говорит на родном языке. По окончании школы и пединститута она в течение 35 лет учила детей математике, русскому и карельскому языкам, писала для них сказки и рассказы. Все ее творчество посвящено детям. Ведь это самые внимательные читатели!

Ее первый сборник «Pajun kukkazet – keviän viestit» («Ивовые цветочки – вестники весны», 1999) включает рассказы, сказки и стихи. Сказка Т. Щербаковой «Ивовые веточки – вестники весны» построена в форме диалога главного героя – мальчика – с Морозом, которого традиционно называют Kuldaine Pakkaine (золотой/дорогой Мороз). Вот Дед Мороз разукрасил окна узорами и не позволяет малышу кататься на санках, но вынужденное сидение дома не вечно. По ходу сюжета дети узнают о переменах в природе и о том, каким образом ветки ивы извещают о приходе весны.

Сюжет сказки перекликается с рассказом «Virboi nedäli» («Вербная неделя»), знакомящим детей с христианским праздником «Вербного воскресения». Повествование начинается с разговора птиц о приходе весны, которые радуются солнцу и теплу. Символом оживающей природы становится цветущая верба.

Сказка «Koiran da kukin eloksenmuutos» («Перемена в жизни собаки и петуха») наиболее приближена к карельскому фольклору. Начинается она с традиционного зачина «elettih-oldih» («жили-были»). В сказке встречаются карельские народные имена и герои: Оути, Мийкул, лесная знахарка в образе красивой женщины.

Т. Щербакова использует традиционные зачины, концовки, отдельные ситуации сказочных сюжетов, но «педагогическая целеустановка так трансформирует все эти элементы, что они формируются в особые поэтические организмы, имеющие свою специфику, жанрово отличную от всех других видов и фольклорной и литературной сказки» [6. С. 101].

Во второй своей книге «Enne Rastavua» («До Рождества», 2000) она представляет рассказы и сказки для детей начальной школы – как тексты для чтения и образцы карельской речи.

Среди наиболее удачных назовем рассказы «Suajusšlöpöi» («Черепашка»), «Vuottamatoi oza» («Неожиданное счастье») [10. С. 471] и «Maman nimipäivü» («Мамины именины»). В «Черепашке» дети знакомятся с особенностями жизни южных животных. Дядя Вася привозит детям черепах. Ребятам с ними весело, но однажды они находят их безжизненными. Решив, что черепахи умерли, дети их хоронят. Только весной на уроке биологии ученики узнают, что черепахи, как и другие животные, например, медведи, впадают в зимнюю спячку. Рассказ поучителен: взяв в дом животное, нужно не только кормить его, но и знать его особенности, ответственно к нему относиться.

Рассказ «Мамины именины» учит детей, в каких формах можно поздравить дорогого человека: написать поздравление, подарить цветы, сочинить стихотворение.

Третья книга Т. Щербаковой «Armahile bunukoile» («Любимым внукам», 2002) адресована детям младшего и среднего школьного возраста. Заметно выросло мастерство автора, использующего различные языковые средства, призванные расширять кругозор детей. Например, Т. Щербакова пишет: «...kazvoi äijü siendü da grību», то есть не просто констатирует, что выросло много грибов, но и уточняет «выросло много пластинчатых и губчатых грибов». Такая языковая особенность существует в языке южных карелов.

Дети найдут информацию и о том, как животные заботятся о своих детенышах: кошка кормит котят, лижет их, учит ловить мышей и есть рыбу.

В четвертый сборник Т. Щербаковой «Kašo da vardoiše» («Спаси и сохрани», 2006) входят рассказы о войне и жизни других народов. Бабушка из рассказа «Vuabo mustelou» («Бабушка вспоминает») объясняет внуку, что такое «победа»: она может быть *малой* – не хотелось; но мальчик дочитал до конца рассказ – и *большой*. Бабушка объясняет, что такое «День Победы» и что значит этот праздник для граждан России. Вспоминает военные годы, рассказывая внуку о воевавшем дедушке. История войн показана на примере семьи. Так, в рассказе «Juakoip pereh» («Семья Якова») проводится мысль о том, что если бы не было войн в мире, все жили бы долго и счастливо. Но Якову пришлось воевать с Германией, а его внукам – в Афганистане и Чечне. Обращение Т. Щербаковой к военной тематике способствует воспитанию патриотических чувств у школьников.

От сборника к сборнику растет писательское мастерство Т. Щербаковой. Рассказы из ее пятой книги «Marjuškan ilot» («Марьюшкины радости», 2010) были переведены на финский язык М. Патракка. Герои всех произведений этого сборника – деревенские дети. Автор вспоминает о ценности ручного труда, о появлении в деревне велосипеда; описывает зимние забавы: катание на коньках и лыжах, игру «10 палочек». Ее рассказы Т. Щербаковой учат дружбе, доброму отношению к животным.

Эта книга говорит о раннем приобщении к труду деревенских детей: девочки пасут коров и овец, вместе с мальчиками ходят собирать грибы и ягоды. В рассказе «Lambahan kaksozet» («Близнецы овцы») показана роль овцы в хозяйственной жизни человека. Овец стригут, затем чешут чесалками шерсть, потом прядут пряжу и в итоге – бабушка вяжет внучке носки. Так описан полный процесс создания изделия, разнообразный и сложный труд, с которым современные дети не знакомы.

Интересно включение в рассказы различных фольклорных элементов. Например, в «Mandžoiheiny da Jumalanlehmäine» («Земляника и божья коровка») мы встречаемся с вариантом известной песенки про божью коровку:

<i>Lennä, lennä lehmäine</i>	Лети, лети, коровка
<i>Suuren kiven juuril.</i>	К подножью большого камня.
<i>Sinul muamas keittäy sie</i>	Твоя мама варит там
<i>Magien mandžoi puuron</i> [24. С. 30].	Сладкую земляничную кашу.

Выделяется в сборнике рассказ «Lautasuaren meren rannal» («На берегу моря Лаутасаари») как своеобразная исповедь, как философское размышление о красоте и равновесии в природе. Из всего пережитого за этот день самым ярким впечатлением для автора остались «красота природы и очарование морского берега».

В помощь родителям и воспитателям детских садов издан сборник стихов и рассказов Т. Щербаковой «An’oile da Ven’oile vunukkazil armahil» («Анечке и Венечке – любимым внукам», 2010), где стихи распределены по тематическим разделам: в семье, природа, игрушки. На вепсский язык они переведены Л. Алексеевой.

Произведения Т. Щербаковой близки и понятны детям, так как их герои – либо малыши (ровесники читателя), либо домашние или дикие животные и птицы (петух, собака, лиса, медведь). Занимательность, наглядность, поучительность – черты, характерные для прозы Т. Щербаковой.

Большой интерес читателей аудитории вызвал сборник Натальи Сеницкой «In’aine» («Иришка», 2008), включающий в себя 21 рассказ и написанный от лица девочки. Произведения автобиографичны, автор «вспоминает радостные мгновения своего детства и впечатления своей старшей дочери» [25. С. 14].

Этот сборник адресован детям младшего школьного возраста. Одна из ведущих тем – счастливое детство. Автор сосредоточивает внимание на интеллектуальном и духовном развитии ребенка, на познании им окружающего мира и приобщении к труду. Рисуются яркие бытовые картины, лаконично увязанные с действиями ребенка. Язык прост и доступен детям. Рассказы короткие по объему, легко читаются. Автор умеет составлять короткие диалоги, вывести и подчеркнуть в них главное.

Н. Сеницкая, единственная из молодых авторов, обращается к теме семьи и семейных традиций, описывая жизненный цикл: рождение, детство, смерть. Она уделяет внимание тесным связям разных поколений семьи: родителей с детьми, дедушек и бабушек с внуками. В центре ее повествования – современная карельская семья: мама, папа, бабушка, дедушка и двое детей (мальчик и девочка).

В рассказе «Lapsukkaine» («Ребенок») затронуты вопросы полового воспитания детей. Мама Иры беременна. Ира думает, что у мамы большой живот, так как она любит есть пирожки, приготовленные бабушкой. Мама объясняет девочке, что у нее будет ребенок и как он появится на свет. Однако Ире удивительно: как это может быть ребенок в животе?

Девочка вспоминает рассказы других детей о своем появлении. Соседский мальчик Миша сказал, что его нашли на капустном поле; Катю купили в детском магазине. Ира так и остается с вопросом: откуда берутся дети? А у взрослых

проблема, как ответить ребенку на этот вопрос, всегда вызывающий смущение. Чаще всего ответы шуточные, они приводятся в рассказе. Однако версия о том, что ребенка нашли «в капусте», восходит, видимо, к прошлому, когда женщины трудились до самого момента родов. Считалось даже, что тяжелая работа полезна и у многих роды случались прямо в поле [8. С. 97].

Н. Синицкая нередко использует прием сновидений. Героине снятся сны в рассказах: «Unі» («Сон») – связан с предстоящим рождением брата; «Toine ilmi» («Тот свет») – предсказывает смерть старушки Пелагеи; «Paha unі» («Плохой сон») – впечатления ребенка после посещения заброшенной деревни. В основе всех этих снов – пережитые за день эмоции. Взрослые часто не задумываются над тем, как отражаются на ребенке события каждого дня и как влияет на детей настроение их близких.

С появлением малыша Ире не хватает внимания родителей. Они заняты ее братом: мама его кормит, стирает пеленки; папа гордится им; бабушка моет его в бане; дедушка сидит у его кровати. Переживания ребенка выливаются в мысль уйти из дома, чтобы родители стали искать Иру. Бабушка успокаивает девочку, объясняя, что Павлик маленький, но скоро он вырастет и все изменится.

Хранитель семейных традиций в рассказах – бабушка. Она проводит с внучкой больше всего времени и оказывает на нее самое большое влияние. Она закладывает основы воспитания и является носителем народной мудрости. Современная семья уже не является патриархальной, но главой семьи, в данном случае, представлена бабушка.

В рассказе «Kalmoil» («На кладбище») описывается обряд посещения кладбища. Бабушка с Ирой подходят к могиле, и бабушка поднимает подгнившие доски, приветствуя умерших родственников, которые, находясь в другом мире, все видят и все про всех знают.

Философский смысл имеет рассказ «Toine ilmi» («Тот свет»). Ира с бабушкой ходят в гости к старушке Пелагее. Она живет одна, старая и бессильная, часто поговаривает о «том свете». Ира удивляется, почему старушка хочет на «тот свет»? Там лучше? Бабушка объясняет Ире, что на «тот свет» Бог забирает тех, кто умер. В рассказе выражена мысль о том, что человек умирает, когда устает и не хочет жить.

В рассказе «Unohdettu kylä» («Забытая деревня») автора беспокоит проблема заброшенных деревень, в которых когда-то кипела жизнь, а теперь порой и домов не осталось. Бабушка с внучкой идут в деревню, где родилась и провела свое детство бабушка.

Знакомство с окружающим миром происходит в повседневной жизни ребенка. О разнице в понятиях «дым – пар» можно узнать из одноименного рассказа. Детские страхи показаны в рассказе «Varavo» («Страх»). Девочка боится, не умрет ли бабушка во сне.

Карельская специфика в творчестве Н. Синицкой выражается не только в описании быта и традиций народа, но и в обращениях: «kuldaine» («золотая»), «miruine» («крошечка»), а также именах Иня, Паля.

Проза и поэзия кон. XX – нач. XXI в., адресованная детям, отражает несколько тем, главная из которых – природа, воспринимаемая как живая и жду-

щая бережного отношения к себе. Образы природы рассматриваются поэтами и прозаиками в социально-философском и нравственно-этическом аспектах. Система этических представлений основана на «естественном», «природном» укладе жизни.

К сожалению, поэты не всегда учитывают особенности детского восприятия. Некоторые стихи плохо рифмованы и длинны, что не соответствует возрастным особенностям детей [еще К. Чуковский в своей книге «От двух до пяти» (М., 1962) сформулировал «Заповеди для детских поэтов»].

Требованиям детской литературы не всегда отвечают и прозаические произведения. По мнению А. Машина, «авторы вовсе не озабочены вопросом жанровой принадлежности своих произведений, выстраиванием сюжета, фабулы...» [3. С. 7]. Однако, исходя из нашего обзора, можно констатировать, что детская карелоязычная литература кон. XX – нач. XXI в. выявила ряд авторов, успешно пишущих для детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурков Л. Современная детская литература: развитие жанровой системы // Время пить херши...: Сб. произведений литераторов респ. Вып. 20. Йошкар-Ола, 2007. С. 329–355.

2. Бурсов Б. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1967. 396 с.

3. Машин А. Отвечать современности // Курьер Карелии. 2008. 30 окт.

4. Мишин А. «Дать начало песнопенью...» (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 152–160.

5. Мишина О. Городская фамилия = Linnalaine familii: рассказы и стихи для детей. Петрозаводск, 2008. 150 с.

6. Никифоров А. И. Сказка и сказочник / Сост. Е. А. Костюхин. М., 2008. 230 с.

7. Савельев А. Минä мустан. Пряжа, 2002. 42 с.

8. Стrogальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 95–101.

9. Чикина Н. В. «Калевала» в творчестве З. Дубининой и М. Пахомова // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 67–73.

10. Чикина Н. В. Образы «своих» и «чужих» в современной карелоязычной литературе // Рябининские чтения – 2011: материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Рус. Севера. Петрозаводск, 2011. С. 470–472.

11. Чикина Н. В. Современное состояние литературы на карельском языке. Петрозаводск, 2011. 120 с.

12. Чикина Н. Творчество Мийкула Пахомова // Lüüdilaine. 2007. С. 33–36.

13. Anuksen simükaivozet: V. Brendojevan mustokse-kilbah tarittu runokogomus. Anus, 2004. 55 s.

14. Dubinina Z. Minun livvin linduzile. Petroskoi, 2006. 110 s.

15. Dubinina Z. Silmükaivoine: karjalazet runot lapsile. Petroskoi, 1995. 46 s.

16. Filippova J. Pitkäksego dorogu ozutah // Oma Mua. 2008. 3. talvik.

17. Kai, mi armas on süväimel. Anus, 2006. 36 s.

18. Karakina V. Rohkie tijani. Petroskoi, 2005. 31 s.

19. Markianova L. Karjalan kielen kehitysnäkymät // Carelia. 2008. N:o 8. S. 140–145.

20. *Mišina O.* Piäsköin korgevus: runot lapsile. Petroskoi, 2002. 22 s.
21. *Pahomov M.* Tuohuz ikkunas: runokird'. Petroskoi, 1993. 63 s.
22. *Pankratjeva J.* Karjalan kieltä on opašettava // Vienan Karjala. 2008. 26. pimiek.
23. *Pyöli R.* Yhtehine kirjukieli karjalazil jo on – ven'a // Oma Mua. 2009. 4. kevätk.
24. *Ščerbakova T., Patrakka M.* Marjuškan ilot: рассказы для детей на карел. и фин. яз. Петрозаводск, 2010. 121 s.
25. *Tolstyh M.* Lastenkirjailijoita on Karjalassa vähän: loruja ja tarinoita sisältävien kirjojen tekijät ovat tavallisesti karjalaisia // Karjalan Sanomat. 2008. 3. syysk.
26. *Tuttujeva L.* Muailmu on täyzi hyvytty // Oma Mua. 2009. 4. kylmyk.

Поступила в редакцию 19.12.2013

N. V. Chikina

Children's literature in the Karelian language of the end of XX – beginning of XXI century

This paper is dedicated to the modern situation of the children's literature in the Karelian language, developing in Republic of Karelia. Despite globalization processes, the lack of a unified Karelian language, annual decrease of population, Karelian literature for children is developing successfully.

Keywords: children's literature, the present, the Karelian language.

Чикина Наталья Валерьевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

Chikina Natalya Valeryevna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Assistant,
Institute of Language, Literature and History of KarRC RAS
185910, Russia, Petrozavodsk, Pushkinskaya St., 11
E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

С. А. Перевозчикова, С. Е. Перевощиков

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГОЛЬЯНСКОГО КЛАДБИЩА НОВОГО ВРЕМЕНИ
В ПРИКАМЬЕ**

Статья посвящена описанию элементов погребальной обрядности и предметов религиозного и бытового назначения, выявленных в ходе раскопок Гольянского кладбища, одного из памятников нового времени на территории Удмуртии.

Ключевые слова: Гольянское кладбище, предметы культовой пластики, бытовые и хозяйственные предметы, погребальный обряд.

Впервые сведения о Гольянском кладбище как археологическом объекте упоминаются в отчете С. В. Ошибкиной. В 1954 г. под ее руководством разведочная группа Камской археологической экспедиции осмотрела состояние памятника [5]. Первые раскопки некрополя проведены в 2007 г. разведочным отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством А. М. Вязникова. Им был заложен небольшой раскоп I, площадью 4 кв. м, выявивший три разрушенных захоронения [2]. Стационарные исследования памятника продолжены в июне 2012 г. отрядом этой же экспедиции под руководством С. А. Перевозчиковой [6]. Раскоп II был заложен в северо-восточном углу площадки и захватывал обрушающийся край мыса. Общая площадь раскопов составила 140 кв. м.

Гольянское кладбище расположено в северо-восточной части с. Гольяны Завьяловского р-на УР. Площадка памятника занимает край небольшого мыса на правом берегу Камы. Восточный край кладбища подвергается сильной эрозии, в результате чего местное население и туристы периодически находят на берегу фрагменты костного и вещевого материала. Памятник занимает положение, весьма уникальное для сельского кладбища. Учитывая привязанность села к большой водной магистрали – Каме, кладбище располагалось непосредственно на берегу, фактически примыкая к постройкам, в итоге чего после его закрытия площадка кладбища постепенно была застроена хозяйственными сооружениями, чему особенно способствовали существовавшие неподалеку грузовые пристани. В пер. пол. XX в., по словам местных жителей, непосредственно на площадке

уже бывшего кладбища открыли «Чайную». В 1928 г. на площадке установили памятник «баржевикам смерти», в 1950-е – место около памятника облагородили, рассадили кусты, разбили газоны, поставили скамейки. Сегодня площадка запущена, но, тем не менее, это одно из любимых мест отдыха местных жителей и туристов, что пагубно сказывается на состоянии некрополя: постоянные кучи мусора, очаги от пикников, а также битое стекло, пробки от бутылок и остатки пластиковой тары в верхних слоях памятника.

Первое упоминание о Гольянах встречается в описях 1621 г. «Деревня Гольян на реке Каме...». После строительства в 1759–60 гг. Ижевского и Воткинского заводов гольянская пристань стала их главным речным портом: через Гольяны на заводы поступал чугун с Гороблагодатских заводов, а с заводов отправлялась готовая продукция. К нач. XX в. на берегу Камы насчитывалось около 10 пристаней. Жители – русские крестьяне, сельские обыватели (бывшие непрременные работники), православные. До Октябрьской революции село было центром Гольянской волости Сарапульского уезда Вятской губ. По данным ревизии, в 1859 г. в 125 дворах казенного села Гольяны при речке Гольянке проживал 841 человек, были сельское училище, пристань, 3 мельницы и 2 кузницы.

В 1918 г. село оказалось в центре Ижевско-Воткинского восстания. В октябре того года рядом с Гольянской пристанью была освобождена «баржа смерти» с пленными красногвардейцами. В июне 1919 г. у села проходили жестокие бои между Красной Армией и колчаковцами за ж/д «Гольяны–Ижевск». В память об этих событиях в 10-ю годовщину освобождения пленных здесь установлен памятник узникам «баржи смерти». В настоящее время местное население считает, что на кладбище похоронены именно красногвардейцы, погибшие во время гражданской войны.

Время сооружения первой деревянной церкви в селе неизвестно. В 1754 г. в Гольянах взамен обветшавшей церкви начато строительство новой деревянной Крестовоздвиженской. В 1795 г. эта церковь сгорела от удара молнии, и было начато строительство нового каменного храма с тем же названием, строительство его длилось до 1804 г. До открытия каменной церкви было разрешено построить небольшую церковь во имя Богоявления Господня. В построенной в том же 1795 г. церкви до 1801 г. совершались богослужения. В 1927 г. часовню в селе закрыли, а ее здание передали под склад колхоза. В 1934 г. закрыли и Крестовоздвиженскую церковь, а ее здание сначала стало зерноскладом, а позднее полностью разрушено. Сегодня на месте церквей – жилые и хозяйственные постройки. Кладбище примыкало к сельским церквям с южной стороны, располагаясь, таким образом, между церковью и Камой.

Всего за два года исследования выявлено 68 захоронений, расположенных в два ряда, вытянутых по линии СЗ-ЮВ. Ориентация могил – ВСВ-ЗЮЗ. Из 68 погребений лишь в 16 фиксировались очертания могильных ям. Во всех остальных случаях захоронения выявлены лишь по остаткам деревянных погребальных конструкций или костякам. Зафиксированные погребальные ямы имели прямоугольную форму и средние размеры 170–190 x 60–80 см.

На памятнике обнаружены 32 детских костяка, 15 мужских и 16 женских, в 8 случаях пол не определен. Умершие были уложены вытянуто на спине, головами на ЗЮЗ, руки скрещены на груди или поясе, ноги вытянуты. Примечательно захоронение 61, в котором найдены две трубчатые кости, крестец и 8 черепов,

сложенные в две компактные кучки. Из всех этих черепов 4 принадлежат взрослым – женщинам и мужчине, а остальные – детям 9–12 лет.

Умершие были уложены в деревянные дощатые гробы. Остатки погребальных конструкций зафиксированы в 28 захоронениях. Удалось выделить два типа конструкций гробов: прямоугольной (19 экз.) и трапециевидной (2 экз.) форм с вертикальными или наклонными стенками. От крышек сохранились лишь фрагменты, по которым можно предположить, что они были плоскими, без поперечных планок. В двух детских захоронениях умершие были уложены, вероятно, в луб. Примечательно детское погребение, в котором годовалый ребенок был уложен на доску, а сверху закрыт берестой. Края берестяного покрытия загнуты за края доски.

Разделение инвентаря по полу и возрасту не дало каких-либо определенных различий. Из единичных находок присутствуют бронзовые пуговицы-гирьки (рис. 3-2), бронзовые серьга (рис. 3-4), мелкие колечки и крючок (рис. 3-14), стеклянные бусы (рис. 3-5), остатки кожаной обуви, оловянистые гранулы, обработанные кости животных, серебряная чешуйка, железные ножи.

Пуговицы располагались у правой ключицы в мужских захоронениях и вдоль спины (3 экз.) – в женском. Одна из пуговиц украшена выемчатой эмалью (рис. 3-3), характерной для XVI–XVII вв. [9]. Еще две пуговицы, найденные в области икры, позволяют предположить наличие штиблет.

Выделяется женское погребение, в котором на костях грудной клетки, а также между берцовыми костями найдено 11 оловянных гранул, которые используются при оцинковке или лужении (рис. 3-1). Весьма вероятно, что они были положены в гроб как подарок от близкого человека, например от мужа, занимающегося подобным производством.

Большое место занимают и предметы мелкой культовой пластики – иконка св. Николая Чудотворца (рис. 3-15) и нательные кресты. Это – одна из самых многочисленных категорий находок при археологическом исследовании христианских некрополей нового и новейшего времени. Всего на кладбище было найдено более 40 нательных крестов. Было проведено их предварительное типологическое изучение. Кроме того, кресты были изучены на качественно новом уровне, с применением прибора рентгено-флюоресцентного анализа (РФА) поверхности S1 Turbo SD LE (анализ проводился при напряжении 40 кВ, сила тока – до 60 мА, время накопления спектра – 60 с.).

Найденные на памятнике нательные крестики можно разделить на две большие группы: «женские» (так называемые листики) и мужские – обычные четырехконечные. Есть также кресты индивидуальных форм. Приведем описание некоторых из них.

1. Кресты листовидные (рис. 3-6, 7). Представляют собой четырехконечный крест с вписанным в него восьмиконечным Голгофским крестом, заключенный в обрамление барочных очертаний, украшенное растительным орнаментом. Голгофский крест с копием, тростью по сторонам, иногда Главой Адамовой в пещере. Над крестом – надпись: Царь Славы – в две строки, по сторонам креста – монограммы под титлами: Иисус Христос и Сын Божий. Встречается надпись НИКА – Победитель. Оглавие, чаще всего, выполнено в виде плоского ушка, встречается оглавление с прямоугольным выступом сверху. Некоторые подобные кресты можно

относит к «крупным женским». На оборотной стороне крестов – текст молитвы. В наших случаях буквы не читаемы. На некоторых крестах сохранилась белая и темная, возможно, синяя эмаль. Встречаются в XVIII – нач. XX в [3. С. 91–92].

2. Крест нательный, четырехконечный (рис. 3-9,10) с прямоугольными лопастями. В центральной части – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копнем и тростью. Основание креста опирается на Голгофу. Она может иметь вид полукруга с Главой Адамовой в пещере или треугольника с косым крестом внутри. Над крестом – надпись Царь Славы в две строки под титлами, в изножие встречается монограмма Место Лобное Рай Бысть в две строки. На боковых оконечностях – монограммы IC, XC. На оборотных сторонах – нечитаемые буквы молитвы. Оглавие выполнено в виде плоского ушка. Датируются второй половиной XVII–XIX в. [1. С. 333–334; 7. С. 12].

Эти два типа относятся к распространенному типу крестов, с несложными, упрощенными формами, что, возможно, свидетельствует о продукции массового производства.

Кресты индивидуальной формы.

3. Крест нательный, четырехконечный (рис. 3-8) с прямоугольными лопастями и округлыми концами, с лучистым венцом вокруг средокрестия (лучи в виде стерженьков). На лицевой стороне помещен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. На верхней оконечности в прямоугольном медальоне и на боковых оконечностях в прямоугольных медальонах – монограммы, которые из-за общей стертости креста не читаются. Обратная сторона плоская. Оглавие имеет вид плоского ушка. По внешнему виду датируется вт. пол. XVII–XX вв. [7. С. 11].

4. Крест четырехконечный, с прямоугольными лопастями. От верхнего, нижнего и боковых концов отходят лепестки трилистника (рис. 3-12,13). В центре – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста. На верхней оконечности в прямоугольном медальоне – монограмма Царь Славы, на нижней оконечности – Ника. На боковых оконечностях в квадратных медальонах – монограммы IC, XC под титлами. На оборотной стороне – геометрический и растительный орнамент. Оглавие имеет вид многогранной бусины. Могут датироваться вт. пол. XVII–XIX вв. [1. Рис. 14].

5. Крест нательный, четырехконечный, с килевидным завершением нижней оконечности (рис. 3-11). Оглавие имеет вид плоского ушка. Сильно корродирован, но по внешнему виду мог относиться к ранним, бытовавшим с XVI в., экземплярам [4].

По результатам РФА (табл.1), можно сделать следующие предварительные выводы.

Основной металл для изготовления крестов – трехкомпонентная, чаще всего высокоцинковистая латунь (Cu+Zn+Pb). Медь в данной группе чаще всего занимает лидирующее положение, иногда на уровне более 90 %, хотя чаще всего ее количество достигает 50–70 %, остальное – цинк и свинец примерно в равных пропорциях.

В 5 случаях встретился более сложный четырехкомпонентный сплав – Cu+Zn+Sn+Pb. Лидирующее положение и здесь занимает медь, остальные металлы – в различных соотношениях без какой-либо закономерности.

Столько же встречено предметов, изготовленных из свинцово-оловянистой бронзы (Cu+Sn+Pb). И в них нет определенного устоявшегося рецепта. Количественные показатели металла различны в разных предметах.

Встречены и более простые сплавы: медь с цинком Cu+Zn (латунь) и медь со свинцом Cu+Pb (свинцовая бронза).

Один крест изготовлен из серебра с большой (до 30 %) примесью меди.

В металле некоторых крестов отмечен мышьяк (As), присутствие которого облегчало получение плотных отливок в рельефных литейных формах. Ту же функцию выполнял свинец (Pb), который отсутствовал только в крестиках, изготовленных из двухкомпонентной латуни и серебра.

В металле всех крестов присутствует серебро (Ag) в небольших количествах, судя по чему оно является естественной примесью, а его наличие говорит о том, что мастера использовали черновую, не очищенную медь. Сказанное означает, что либо все эти предметы изготовлены до 70-х гг. XIX в. (начало широкого использования гальванического рафинирования меди и запрета использовать нерафинированную [8]), либо в мастерские, изготавливавшие мелкую церковную пластику, сырье поступало не от крупных производителей.

Добавка цинка (Zn) – иногда в большом (до 35 %) количестве – значительно изменяет цвет металла и другие его качества. Цель ее – удешевление и придание предмету некоторых свойств (в основном – цвета золота), имеющих скорее рыночное, чем техническое или художественное значение.

Изготавливались крестики скорее всего в различных мастерских.

Довольно интересные вещи найдены и в слое селища: фрагменты глиняной гончарной, стеклянной и фаянсовой посуды, железные кованые гвозди, ложкарь, гирька, наконечник стрелы, кости животных, монеты советского периода (от 1924 до 1960 года), гильза, костяная накладка (рис. 3-16).

На основании анализа погребального инвентаря и вещей, найденных в слое селища, можно сделать следующие предварительные выводы. Время функционирования могильника, вероятно, ограничивается кон. XVI – сер. XIX вв. Культурный слой селища можно разделить на три условных горизонта. Первый, нижний и самый ранний, по керамическому инвентарю датирован кон. XVI–XVIII вв. Второй, более поздний, по отдельным находкам керамики определяется, очевидно, строительством каменного храма и возникновением кладбища (XIX в.). Третий, самый верхний, горизонт связан с находками Советского периода – монеты, гильза, фрагменты стеклянной посуды. Условное деление соотносится с выявленными объектами кладбища. Первый (нижний) ярус погребений приурочен к материковой поверхности и, очевидно, синхронен возникновению селища. Второй (верхний) ярус могил располагался выше захоронений в материковых ямах, иногда нарушая их. Отдельные объекты в виде ям, прокалов, канав и зольников располагались, главным образом, в верхних горизонтах культурного слоя и связаны с хозяйственным строительством в кон. XIX – нач. XX вв. Конфессиональная принадлежность умерших не определена. Некоторые признаки (обертывание лубом) могут указывать на присутствие старообрядческих традиций, хотя в целом могильник «никонианский».

Результаты рентгено-флюоресцентного анализа
поверхности нательных крестов Гольянского кладбища

№ колл.	сплав	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Nb	Mo	Ag	Sn	Au	Pb
2279/34	Cu Zn Sn Pb	2.8		35.8	1.70				0.56	30.10		28.90
2279/9	Cu Zn Pb	0.81	0.06	63.8	26.0		0.18	0.07	0.27			8.61
2279/47	Cu Zn Pb	0.92	0.03	75.5	18.2		0.16	0.04	0.3		0.39	4.41
2279/5	Sn Pb	0.21		0.99					0.66	39.50		56.0
2279/67	Cu Pb	0.3		97.3					0.29			1.96
2279/3	Cu Zn Pb	0.37		71.5	24.2		0.18	0.06	0.31			3.22
2279/2	Cu Zn Pb	0.59	0.04	68.1	22.8		0.15	0.05	0.27			7.93
2279/21	Cu Zn Pb	0.67	0.02	61.5	30.5	0.36	0.23	0.10	0.29			6.22
2279/65	Cu Zn Sn Pb	1.37		64.8	20.1		0.09		0.41	3.89	0.22	8.62
2279/23	Cu Zn	0.36		92.7	6.0		0.05		0.24			0.59
2279/51	Cu Zn	0.41	0.03	79.1	19.0		0.20	0.05	0.29	0.04		0.53
2279/32	Cu Zn Pb	0.71		60.0	35.7		0.18	0.1	0.44	0.15		2.64
2279/95	Cu Sn Pb	0.45		64.5					0.42	17.60		16.70
2279/28	Cu Sn Pb	0.49		81.4					0.41	12.20		5.07
2279/17	Cu Zn Pb	0.38	0.01	83.1	5.14	0.35	0.06		0.25			10.60
2279/8	Cu Sn Pb	0.35		66.5	0.32				0.54	4.84		27.20
2279/22	Cu Zn Pb	0.33		78.9	16.4		0.14		0.27			3.85
2279/16	Cu Ag	0.22		29.9	0.77				67.7		0.48	0.65
2279/7	Cu Zn Pb	0.51	0.04	46.9	21.5	1.41	0.1	0.04	0.34	0.02		28.90
2279/30	Cu Zn Sn Pb	1.86		61.1	3.8				0.49	5.72		27.00
2279/4	Cu Zn Pb	0.48		68.1	28.5		0.14		0.33			2.35
2279/33	Cu Zn Pb	0.57		70.8	22.7		0.12		0.3			5.33
2279/1	Cu Zn Pb	0.34		66.2	26.7		0.14	0.05	0.3			6.17
2279/14	Cu Zn Pb	1.1	0.03	48.1	22.4	0.9	0.10		0.39			26.7
2279/63	Cu Zn Pb	0.26		77.3	19.3		0.15		0.28			2.54
2279/13	Cu Zn Pb	0.27		95.3	2.5				0.32			1.52
2279/50	Cu Zn Pb	0.65		53.7	26.3		0.11		0.38			18.70
2279/93	Cu Zn Pb	0.47		70.7	15.1		0.09		0.30			13.20
2279/64	Cu Zn Sn Pb	0.92	0.06	62.7	26.2		0.17		0.30	1.46	0.07	7.93
2279/27	Cu Zn Pb	0.95	0.03	64.0	23.0		0.13	0.03	0.31			11.40
2279/10	Cu Pb	0.45		92.8	0.6				0.32			5.74
2279/12	Cu Zn Pb	0.64		71.1	25.4		0.09		0.31	0.64		1.76
2279/69	Cu Zn Pb	0.68	0.02	37.0	28.9		0.08		0.51			32.6
2279/37	Cu Zn Pb	0.5	0.06	57.1	24.9	0.95	0.16	0.07	0.3			15.60
2279/68	Cu Zn Pb	0.3		86.8	8.69		0.1		0.29		0.21	3.49
2279/36	Cu Zn Pb	1.06	0.12	57.3	18.9	1.77	0.13		0.28			19.90
2279/48	Cu Sn Pb	0.55	0.12	39.2	0.72				0.81	38.1		19.00
2279/94	Cu Zn Pb	0.78	0.1	50.8	27.5	0.46	0.14		0.31		0.1	19.70
2279/15	Cu Zn Pb	1.38	0.01	61.2	11.9		0.05		0.36	0.3		24.70
2279/35	Cu Zn Pb	0.74		62.9	27.0		0.16	0.06	0.32			8.77
2238/4	Cu Zn Pb	0.28		84.8	10.2		0.10		0.26			4.23
2188/11	Cu Sn Pb	0.49		70.2					0.59	22.30		5.47
2188/13	Cu Zn Pb	0.28		75.8	21.8		0.16	0.05	0.28			1.52
2279/11	Cu Zn Sn Pb	0.47		89.4	4.02		0.05		0.41	2.86		2.73

Рис. 1. Открытие обелиска, посвященного памяти баржевиков, на территории бывшего кладбища. Село Гольяны, 1928 г. (фотография из фондов НМ УР им. К. Герда)

Рис. 2. Село Гольяны, 1950-е гг. (фотография из фондов НМ УР им. К. Герда)

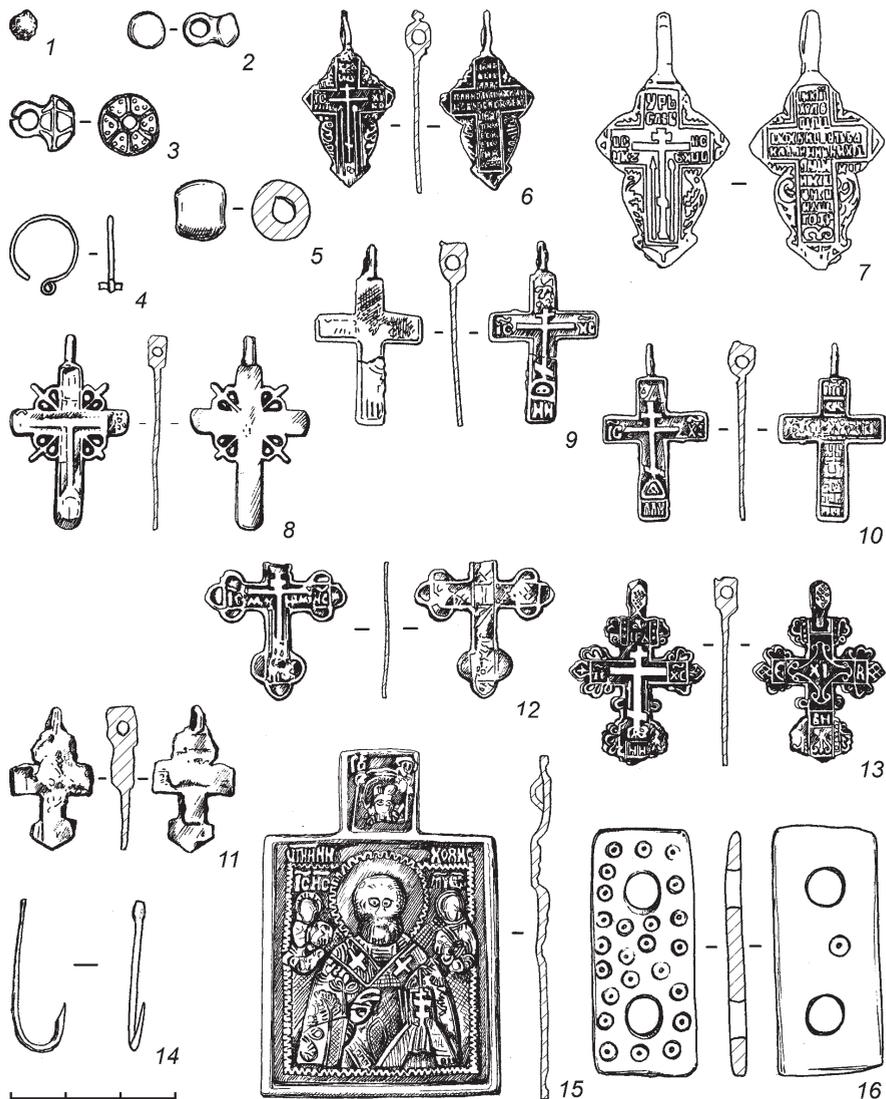

Рис. 3. Предметы с Гольянского кладбища: 1 – гранула, 2, 3 – пуговицы, 4 – серьга, 5 – бусина, 6–13 – нательные кресты, 14 – крючок, 15 – иконка, 16 – накладка.
Материал: 1 – олово, 2–4, 6–15 – бронза, 5 – стекло, 16 – кость

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 326–361.

2. Вязников А. М. Отчет о разведочных работах, проведенных летом 2007 года в Завьяловском районе Удмуртской Республики. Ижевск, 2008 / Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 527.

3. Куколевская О. С. Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии в конце XIX – начале XX в. // Краеведческие записки. Кострома, 1993. Вып. V. С. 84–97.

4. Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск. 1960. 338 с.

5. Ошибкина С. В. Отчет об археологических разведках по правому берегу р. Камы от г. Сарапула до д. Докша (Сарапульский и Завьяловский районы Удмуртской АССР), произведенных разведочным отрядом Удмуртской археологической экспедиции летом 1954 года // Генинг В. Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. / Архив Национального музея УР им. К. Герда.

6. Первозчикова С. А. Отчет об археологических исследованиях в Завьяловском районе Удмуртской Республики летом 2012 года. Ижевск / Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 570.

7. Станюкович А. К. Произведения русской средневековой металлопластики из округа Звенигорода (новые открытия) // Вестник клуба «Раритет». 2000. № 1.

8. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. 8. 1892. Электронный ресурс: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>

9. <http://archeologia1.narod.ru/kollekts/pug.htm>

Поступила в редакцию 15.01.2014

S. A. Perevozchikova, S. E. Perevoschikov

Preliminary studies of Goljansky cemetery of the new time in Prikamye

The article is devoted to the description of the elements of the funeral rite and items of religious and domestic purposes identified in the course of excavations of Goljansky cemetery, one of the monuments of the new time on the territory of Udmurtia.

Keywords: Goljansky cemetery, objects of cult plastics, household items, the funeral ceremony.

Первозчикова Светлана Александровна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: homasvet@mail.ru

Первошиков Станислав Евгеньевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: arch@uni.udm.ru

Perevozchikova Svetlana Alexandrovna,

Candidate of Sciences (History), Research Assistant,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: homasvet@mail.ru

Perevoschikov Stanislav Evgenjevich,

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: arch@uni.udm.ru

УДК 39(=511.131)

А. М. Пономарёв

**ИЗМЕНЕНИЯ РЕСУРСНОЙ БАЗЫ
ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ДЕРЕВНЕ**

В статье рассмотрены основные социальные тенденции развития удмуртской деревни и их влияние на воспроизводство этничности. Сделан вывод о том, что в сложившейся ситуации удмуртская деревня не может оставаться базой воспроизводства этничности.

Ключевые слова: этничность, социальные тенденции, сельское поселение, удмуртская деревня.

Традиционно считается, что село – это база воспроизводства этничности финно-угорских народов России, в том числе – удмуртской, а соответственно, тенденции развития села определяют и тенденции развития этноса. Исследования удмуртской деревни, выполненные под руководством проф. М. И. Шишкина Удмуртским филиалом Института философии и права УрО РАН, позволяют усомниться в правомерности данного положения на современном этапе развития республики. Обобщение результатов исследования может быть представлено в следующем виде.

Удмуртская деревня как целостный социальный организм болезненно адаптируется к новым социальным реалиям. Это своего рода переход от модели, которая сформировалась в 1970-е гг. в результате реализации советских программ по подъему Нечерноземья, к некоторому открытому будущему, варианты образа которого просматриваются в противоречиях текущего момента.

В социально-экономической сфере этот переход проявляется как окончательное изживание (исчезновение) симбиоза «крупное хозяйство (колхоз, совхоз) – домохозяйство», в рамках которого домохозяйства обеспечивали крупное хозяйство рабочей силой, а при необходимости – достижение целей (например, сдача молока, мяса, масла со двора в счет поставок крупного хозяйства). В свою очередь, крупное хозяйство, замыкавшее на себя практически все домохозяйства охватываемых им деревень, было поставщиком различных ресурсов для домохозяйств, участвуя наряду с государством в содержании и развитии социальной

инфраструктуры домохозяйств, обеспечивая систему связей «домохозяйство – внешняя социально-экономическая среда» (это была и роль буфера, смягчавшего негативные воздействия внешней среды, и аккумулятора потенциала домохозяйств в их обменах со средой, и ретранслятора в деревенскую среду прогрессивных явлений). Наконец, крупное хозяйство выступало основным страховщиком статуса, накоплений каждого домохозяйства и всей их совокупности.

Основной вектор социально-экономических изменений в рассматриваемой сфере – это исчезновение крупного хозяйства, формирование ситуации, когда домохозяйство остается один на один с окружением, которое малодружелюбно по отношению к нему. В процессе исчезновения крупных хозяйств можно проследить два этапа. Первый – перестроечный, когда ликвидация крупного хозяйства проводилась самими домохозяйствами с идеологической санкции КПСС и при невмешательстве государства. Второй – рыночный, когда крупные хозяйства разорвались в ситуации диспаритета цен при безразличии (или недееспособности) органов управления. Эти процессы протекали различно в разных поселениях, так что в немалом их числе крупные хозяйства в той или иной форме сохранились. Решающим фактором в развитии конкретной ситуации в конкретном населенном пункте выступал потенциал руководящих кадров крупного хозяйства.

В перестроечной ситуации, когда руководство крупного хозяйства обладало достаточным авторитетом и выступало за его сохранение, оно обычно сохранялось. В рыночной ситуации авторитет требовалось подкреплять знаниями и навыками работы в рыночной среде – хозяйственная успешность становилась основным «агитатором» за сохранение крупного хозяйства. Но наряду с такими характеристиками потенциала руководителей крупных хозяйств как знания, опыт, авторитет, – следует назвать их ценностную ориентацию, готовность принять ответственность за общее дело, понимание того, что их ошибки будут оплачиваться всем сообществом, и приятием/неприятием этой цены.

Ценностно-нравственная составляющая наиболее заметна при сегодняшней поколенческой смене руководителей сохранившихся крупных хозяйств. Основные направления их трансформации выявлены в ходе изучения. В случае, если крупное хозяйство прекращает функционирование, возможны: а) организация фермерских хозяйств, б) своеобразная его реорганизация по «необходимости». Первые случаи зафиксированы в юго-западных районах Удмуртии. Перспективы развития таких хозяйств – как и перспективы фермерских хозяйств, которые возникли на перестроечной волне, – зависят от аграрной политики государства. Следует отметить, что из перестроечных фермерских хозяйств выжили те, которые успели воспользоваться поддержкой, предоставляемой государством в пер. пол. 1990-х гг. В нынешней ситуации шансы выживания фермерских хозяйств следует оценивать как небольшие. Второй случай наблюдается в северо-западных районах. Это ситуация, когда активное местное население «вынужденно» берется за ведение крупного хозяйства. В этом случае фиксируются возврат некоторых неиндустриальных форм хозяйствования, а также отсутствие специалистов с высшим образованием. Есть случаи успешности такого рода хозяйства при условии сильного руководителя, имеющего контакты с районной

администрацией, а также если хозяйство создано на основе небольшого сельского поселения, жители которого в разной степени родственники.

Основными же тенденциями в развитии крупных хозяйств следует признать их включенность в более крупные капиталистические агрохолдинги или реорганизацию их в ООО в интересах руководства хозяйств. Сохраняющиеся СПК должны быть признаны как форма переходного характера, которая постепенно будет маргинализована. В первом случае – при включении крупных хозяйств в той или иной форме с разной степенью автономности в агрохолдинги – следует ожидать интенсификацию ведения хозяйства и пролетаризацию сельского населения. Во втором случае тенденция будет такой же, но менее выраженной и более длительной. Дело в том, что в первом случае речь идет о «пришлых» владельцах бизнеса, ориентированных на эффективность в рамках холдинга, а во втором – преимущественно о местных или «укоренившихся» кадрах.

Интенсификация производительной деятельности будет сопровождаться ростом числа «лишних» людей в деревне. Вне зависимости от юридической формы хозяйствования руководители в новой ситуации заинтересованы в небольшом количестве работников, отвечающих определенным требованиям. Можно предположить, что юридическая форма и масштаб ведения хозяйства будут влиять на социо-психологический тип востребованного (формируемого) работника. Также, вне зависимости от формы хозяйствования, в качестве одной из причин роста социального напряжения в современной деревне проявятся отношения, связанные с земельной собственностью. В подавляющем большинстве исследованных случаев собственниками земли являются селяне. Но земельные паи не выделены, их размеры фактически сокращаются ввиду длительной необработанности некоторых сельхозугодий (вплоть до уже заросших подлеском). Фактически агропроизводитель ведет хозяйство на чужой земле. Фиксируются случаи, когда номинальные собственники паев – бывшие работники крупного хозяйства, – требуют от СПК части доходов, но получают отказ, мотивированный тем, что паи не выделены. Проблема усугубляется переходом прав собственности к наследникам, непосредственно не связанным ни с хозяйствующим субъектом, ни с сельским поселением. Фактическая скупка паев также ограничена не только юридически (нет внятного юридико-хозяйственного механизма), но и готовностью/неготовностью собственников паев продавать их. В районах, вовлеченных сильнее в рыночные отношения, такая готовность меньше. Де-факто это будет означать либо криминализацию отношений купли-продажи земельных паев, либо поддержку «рейдерства» республиканскими органами власти.

Изменение роли крупных хозяйств вкупе с административной реформой изменило положение органов местного самоуправления деревни. В предыдущий исторический период они оставались в тени партийных органов и руководства крупного хозяйства. Сегодня они не только более самостоятельны, но и более привлекательны с точки зрения получения домохозяйствами доходов (занятость, субсидии). Отношения между сохранившимися хозяйствами и местными органами власти в основном выстраиваются как равноправное партнерство. У глав местного самоуправления нет серьезных претензий к законодательной базе их деятельности. Основной проблемой остается отсутствие собственных средств,

что лежит в характере налоговой базы, закреплённой российским законодательством за местным самоуправлением. Это делает местное самоуправление: а) зависимым от вышестоящих органов управления, б) подверженным политической конъюнктуре при наличии стабильного желания руководителей «не заниматься политикой», и в) практически неспособным отстаивать интересы сельчан в случае давления аффилированных с чиновниками коммерческих структур.

Можно утверждать, что исследования не подтверждают гипотезу о наличии неформальной структуры самоуправления. Ресурсная база для комплектования административного аппарата деревень незначительна, ввиду чего мало-мальски активное население либо само входит в формальную структуру управления, либо рекрутируется в нее по инициативе районного звена управления. Таким образом, практически вся активная часть жителей малого сельского поселения инкорпорирована в систему интересов управленческих групп, что предопределяет ее позицию по отношению ко многим социально важным проблемам, среди которых наиболее болезненны следующие.

Первая – латентный конфликт между «бюджетниками» и «колхозниками». Вторая, сопрягающаяся с первой, – ликвидация социальной инфраструктуры деревни под видом оптимизации, что напрямую – вместе с сокращением рабочих мест – сказывается на бесперспективности существования деревень.

Влияние этого обстоятельства и сокращение рабочих мест проявляются в нескольких аспектах. Наиболее наглядно – в оттоке из деревень активной части населения (особенно молодежи). Процесс носит болезненный характер, так как опирается в проблемы наличия рабочих мест в райцентрах и городах и жилья в них. В случае невозможности решения этих проблем либо ухудшения экономической конъюнктуры миграция приобретает маятниковый характер, что усугубляет социальные проблемы деревни. Активные домохозяйства сегодня переориентированы на решение этих проблем. Обеспечить жильем следующее поколение в городе или райцентре, дать ему образование – вот основные мотивы ведения большого приусадебного хозяйства. Если такие проблемы не ставятся, приусадебное хозяйство резко сокращается, так как издержки его ведения больше, чем возможности получения доходов. Причины такого положения дел – в фактическом отказе от «субсидирования» крупными хозяйствами ведения приусадебного хозяйства и от его интеграции в свою производственно-сбытовую цепочку; или же – фактическое исчезновение такого хозяйства. Следует согласиться с выводом проф. Г. А. Никитиной, что деревенское домохозяйство вышло на предел своих возможностей и без продуманной политики государственных и муниципальных органов власти физически не может наращивать производство. Яркий пример тому – подавляющее число «бюджетников» практически отказывается от ведения приусадебного хозяйства, ориентированного на рынок.

В сложившейся ситуации распространяется «новое отходничество», то есть длительный отъезд жителей деревни с целью заработка. С одной стороны, это дает возможность получения денег, с другой – развиваются «социальное сиротство», деградация форм отдыха в период приезда работников домой, а также практическая социальная незащищенность как результат «внутреннего гастарбайтерства» (вплоть до потери кормильца, которая ничем не компенсируется).

Другим, более существенным и имеющим долгосрочную перспективу, но менее заметным следствием перечисленных обстоятельств является «обнуление» ресурсной базы деревни. Инфраструктура деревни обеспечивала воспроизводство того, что принято называть социальным и культурным капиталом. Именно населенные пункты, имеющие возможности для этого (собственная интеллигенция, материально-техническая база в виде больниц, клубов, школ) демонстрировали более оптимистичный вариант адаптации к новым реалиям.

В совокупности все перечисленные факторы приводят к неутешительному выводу: удмуртская деревня как база воспроизводства этничности практически исчерпывает себя. Поиск ресурсов для сохранения и развития удмуртского этноса должен быть связан с анализом процессов его модернизации и урбанизации.

Поступила в редакцию 14.01.2014

A. M. Ponomarjov

Changes in the resource base ethnicity reproduction of modern Udmurt village

The article describes the main social trends of Udmurt village development and its impact on the reproduction of ethnicity. The conclusion is that the Udmurt village can't in the circumstances be the basis of ethnicity reproduction.

Keywords: ethnicity, social trends, rural settlement, Udmurt village.

Пономарёв Алексей Михайлович,

кандидат философских наук,
Удмуртский филиал Института философии и права
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: amp08@mail.ru

Ponomarjov Aleksej Mihajlovich,

Candidate of Sciences (Phylosophy),
Udmurt branch of the Institute of Philosophy and Law of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: amp08@mail.ru

УДК 001:031(470.51)

**С. Д. Смирнова, Л. В. Барханова,
Т. А. Васина, А. П. Сидорова**

**РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКИ:
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ УДМУРТСКОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УрО РАН**

В статье на примере опыта работы УИИЯЛ УрО РАН раскрывается история создания энциклопедических изданий в Удмуртской Республике. Проанализирована методика подготовки отраслевых энциклопедий – научно-справочных изданий, содержащих информацию по отдельным областям знания. Особое внимание уделено проблемам и трудностям, возникающим в процессе практической работы.

Ключевые слова: региональная энциклопедистика, отраслевые энциклопедии, методика подготовки.

Научно-справочные издания, в частности энциклопедические, играют немаловажную роль в жизни современного общества: они выполняют просветительскую функцию, оказывают влияние на развитие науки, системы образования и культуры. Удмуртия, как и ряд других регионов России, имеет собственную энциклопедию «Удмуртская Республика», выпуск которой стал результатом длительной работы по сбору, систематизации, обработке материала, отражающего социально-экономический и духовный потенциал народов края. Энциклопедия выпущена республиканским издательством «Удмуртия» в 2000 г. при поддержке Правительства УР с привлечением научных сил академических институтов и вузов республики. Труд получил высокую оценку научной общественности, специалистов разных отраслей знаний и удостоен в 2003 г. Государственной премии УР. В соответствии с распоряжением Правительства УР (постановление от 27 мая 2007 г. № 468-р) в 2008 г. вышло второе издание энциклопедии, исправленное и дополненное. Тем не менее следует отметить, что специфика региональной энциклопедии и ее ограниченный объем не позволяют в полной мере проанализировать развитие различных отраслей знания в Удмуртии, слабо представлены отдельные области, биографические статьи кратко и схематично освещают заслуги выдающихся деятелей республики. Поэтому созрела необходимость создания отраслевых энциклопедий, в которых отдельные сферы

деятельности человека были бы отражены в полной мере. Наличие постоянно обновляющегося банка информации будет способствовать созданию новых энциклопедических трудов. Подача материала в форме отраслевых энциклопедий позволит в наибольшей степени сохранить для будущих поколений культурно-историческое наследие народов УР благодаря всестороннему освещению каждой темы.

Большую роль в подготовке энциклопедии сыграли сотрудники Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (УИИЯЛ УрО РАН). Будучи старейшим научным учреждением Удмуртии, институт осуществляет большую работу, связанную с публикацией культурного и исторического наследия, оставленного многими поколениями исследователей истории и культуры удмуртского народа. За период существования УИИЯЛ УрО РАН накоплена богатая картотека словарного фонда, сложилась система подготовки кадров высокой квалификации, сформирована материально-техническая база, необходимая для эффективной работы коллектива.

По инициативе доктора исторических наук, профессора, в недавнем прошлом директора УИИЯЛ УрО РАН К. И. Куликова в институте создан энциклопедический отдел (в настоящее время – сектор отдела исторических исследований). С 2001 г. ведется целенаправленная подготовка многотомной энциклопедической серии «Удмуртская Республика», которой суждено стать не просто местом хранения информации по истории, культуре и различным отраслям жизни региона, но и средоточием научных знаний об Удмуртии. За истекшее время разработаны концепции, опубликованы словники и изданы отраслевые энциклопедии: «Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль» (в электронном виде), «Удмуртская Республика: Культура и искусство». Готовится к выпуску энциклопедический справочник «Многонациональная сценическая культура Удмуртии», где впервые будет представлена систематизированная информация по истории и сегодняшнему дню профессиональных и любительских театров Удмуртии, театрального дела республики в целом. Идет работа по формированию информационной базы отраслевой энциклопедии «Здравоохранение», материалы которой позволят проследить формирование и эволюцию медицины в УР. По традиции в энциклопедию войдут биографические статьи об организаторах здравоохранения, старейших врачах – педагогах образовательных медицинских учреждений, врачах – участниках Великой Отечественной войны, заслуженных деятелях отрасли (имеющих звания «Отличник здравоохранения», «Заслуженный деятель науки», «Заслуженный врач», «Заслуженный работник здравоохранения», «Народный врач», а также награжденных орденами и государственными премиями). К примеру, предусматриваются статьи, посвященные прославленным врачам, оставившим заметный след в истории региона, – И. Т. Воскобойникову, доктору медицины и хирургии С. Ф. Тучемскому, докторам медицины И. И. Андржеевскому и И. А. Спасскому, сарапульскому уездному врачу Х. И. Чудновскому и другим.

В 2014 г. планируется также переиздание энциклопедии «Культура и искусство» с учетом предложений и дополнений, которые в настоящее время поступают в адрес составителей. Кроме того, необходимость переиздания продиктована

малым (200 экз.) тиражом, который не смог удовлетворить потребности работников сферы культуры республики в изданиях такого рода.

В 2002 г. авторский коллектив УИИЯЛ УрО РАН и работники сферы образования УР подготовили словник, где был представлен полный (алфавитный) перечень статей будущей энциклопедии, а также методические указания для авторов. Разработка стандартов для написания энциклопедических статей стала одним из самых сложных этапов работы. На тот момент в республике не было (и до сих пор не сформировано) традиций и опыта работы в этой области, поэтому в качестве образца использовались методические наработки создателей российских энциклопедий, республиканской энциклопедии «Удмуртская Республика». В итоге проблема создания структуры типовых схем была преодолена. Члены авторского коллектива разработали анкеты для написания персональных статей, типовые схемы – для материалов об образовательных учреждениях, которые в дальнейшем применялись в работе над другими отраслевыми энциклопедиями. В 2004 г. издан словник по культуре и искусству в двух вариантах – тематическом (по разделам: Система управления культурой; Нормативно-правовые акты; Учебные заведения и научные учреждения; Национально-культурные объединения УР; Библиотеки; Театральное искусство; Музыкальное искусство; Изобразительное искусство. Художники, архитекторы, скульпторы, дизайнеры; Художественные коллективы; Конкурсы, праздники, фестивали, смотры; Литература, критика. Драматургия; Периодическая печать. Журналисты) и алфавитном. В 2006 г. вышел словник энциклопедии «Здравоохранение», тоже в двух вариантах – тематическом (по разделам: Учреждения здравоохранения; Учебные заведения и научные учреждения; Ассоциации и научные медицинские общества; Персоналии; Выдающиеся открытия и изобретения; Периодическая печать; Съезды, конкурсы профмастерства; Отраслевые музеи; Библиотеки; Демография, экология и проблемы здоровья населения УР) и алфавитном.

Все перечисленные проекты осуществляются в соответствии с совместными постановлениями профильных министерств республики и ученого совета УИИЯЛ УрО РАН. Так, содействие в издании энциклопедии «Удмуртская Республика: Культура и искусство» оказало Правительство УР, подключились к работе творческие союзы Удмуртии: Союз журналистов, Союз писателей, Союз театральных деятелей, Союз композиторов, Союз художников, Союз архитекторов, Союз дизайнеров.

Основными источниками при составлении энциклопедий служат научные, научно-справочные, справочно-биографические, искусствоведческие и другие профильные издания; материалы российских, региональных, республиканских архивов, среди них: Объединенный межведомственный архив культуры, Центральный госархив (ЦГА) УР, Центр документации новейшей истории (ЦДНИИ) УР, Государственный архив Кировской области (ГАКО), архив Министерства культуры, информации и печати УР, фонды Национального музея УР им. К. Герда, Удмуртского республиканского музея изобразительных искусств (УРМИИ) и Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел (НЦДПИИР) УР, Научно-отраслевой архив (НОА) УИИЯЛ УрО РАН, личные архивы; фонды Национальной библиотеки УР; публикации в СМИ; информация, размещенная

в сети Интернет (официальные сайты учреждений образования, культуры, искусства и здравоохранения, специализированные порталы, посвященные вопросам истории, образования, культуры, здравоохранения и т.д.); полевые материалы авторов, а также данные, предоставленные муниципальными органами власти и учреждениями и организациями образования, культуры и здравоохранения Удмуртии.

Кратко охарактеризуем изданные УИИЯЛ УрО РАН научно-справочные издания. В энциклопедии «Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль», вышедшей в 2011 г., представлена систематизированная информация по истории образования на территории Удмуртии, накопленном педагогическом опыте, начиная с первой половины XVIII в. до наших дней. Авторский коллектив насчитывает около 70 человек. Среди них известные ученые, ведущие специалисты, учителя общеобразовательных школ, преподаватели и руководители средних и высших учебных заведений, общественные деятели. В энциклопедию вошли до 6 тыс. статей и 2 тыс. иллюстраций (фотографий); перечень литературы, архивных и других источников, ссылок на интернет-ресурсы включает примерно 400 наименований. Общий объем электронного издания в переводе на привычный «листаж» составляет 164,3 а.л. Сбор данных проводился коллективом с 2001 по 2008 гг. Обширный фактический материал представлен в классической форме, принятой в энциклопедических изданиях. Структура энциклопедии включает алфавитный раздел, хронологию (перечень важнейших дат и событий), библиографию, список авторов. Персональные статьи, а также статьи, посвященные основным понятиям и терминам педагогики, располагаются в алфавитном порядке. Открывает энциклопедию обзорная статья, которая базируется на результатах научных исследований, отражает место и роль образования Удмуртии в России. Достоинством энциклопедии являются персональные статьи о работниках отрасли, критерием отбора которых стал их вклад в образование и почетные звания, которых они удостоены: «Народный учитель», «Заслуженный работник народного образования» РФ и УР, ученые степени доктора и кандидата наук. В целом содержательно-информационный массив энциклопедии дает достаточно полное представление об истории и современном состоянии образования в Удмуртии, показывает динамику формирования педагогического корпуса, развитие сети школ, системы подготовки научно-педагогических кадров. Особо следует отметить ряд статей, касающихся развития национальной школы. Реализовав потенциал современных цифровых технологий, авторы текста и разработчики электронной версии энциклопедии смогли компактно представить сведения, обеспечив при этом удобный поиск информации. Электронная версия расширила возможности обычного полиграфического издания, позволила легко ориентироваться в образовательном пространстве Удмуртии разных эпох, отслеживать закономерности его развития. Материалы энциклопедии обращены к самой широкой аудитории: от учителей и научных работников до школьников и студентов. Одним из достоинств издания является возможность интерактивного общения с читателем посредством специально разработанной формы, размещенной на интернет-портале «Финно-угорский мир». В то же время публикация не свободна от недостатков. Как отмечает кандидат философских наук, доцент

Ю. В. Семенов в своей рецензии, опубликованной в «Ежегоднике финно-угорских исследований», «в частности, не соблюден баланс между богатым фактическим материалом и статьями общего, обзорного характера, отражающими уровень современных достижений педагогической мысли в Удмуртии, в том числе в области этнической психологии, развития физкультуры и спорта в учебных заведениях и др. Некоторый дисбаланс прослеживается и при отборе статей, освещающих общественную жизнь школьников: акцент смещен в сторону информации, ставшей актуальной лишь в последние десятилетия, иногда в ущерб общеизвестной информации» [1. С. 122].

Энциклопедия «Удмуртская Республика: Культура и искусство», вышедшая в конце 2012 г., представляет собой первую попытку создания фундаментального труда, содержащего комплексную систематизированную информацию по истории, процессу становления и развития многонациональной народной и профессиональной культуры в УР. Издание охватывает широкий хронологический период. Здесь отражены процесс исторического развития и современное состояние системы управления культурными процессами, основных элементов культурного пространства (литературы, театрального искусства, музыки, архитектуры, изобразительного, монументального и декоративно-прикладного искусства, библиотек, печати, народной культуры), содержатся сведения о значительных событиях и фактах культурной жизни республики, культурно-образовательных, культурно-воспитательных, культурно-развлекательных учреждениях, памятниках истории и культуры края, архивной службе, средствах массовой информации. Существенно обогащают энциклопедию словарные статьи о деятелях культуры и искусства, сыгравших важную роль в формировании культурного пространства Удмуртии в прошлом и настоящем, о мастерах искусства России, ближнего и дальнего зарубежья, внесших значительный вклад в развитие культуры и искусства Удмуртии. Критерием включения в издание статей о деятелях культуры были не только почетные звания (народный, заслуженный артист, художник, архитектор и т.д.), но и наличие общепризнанного вклада в культуру Удмуртии. Терминологические статьи, помимо своей основной функции, выполняют и дополнительную – отражают прошлое и современное состояние культуры республики. Всего в издании представлено свыше 2,5 тыс. теоретических и персональных статей, более 1 тыс. фотоснимков и иллюстраций. Численность авторского коллектива превышает 300 чел.

В настоящее время совместно с региональным отделением СТД РФ готовится к изданию энциклопедический справочник «Многонациональная сценическая культура Удмуртии», материалы которого собраны и подготовлены в рамках гранта Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства (2009 г.). Впервые читатель сможет найти здесь исчерпывающую информацию о профессиональных и любительских театральных коллективах, существовавших на территории Удмуртии с середины XIX в., официальные даты рождения театров, их репертуар с момента открытия. В издание включены статьи о становлении и развитии театрального искусства, первых артистах балета, театральных династиях, спектаклях, вошедших в историю удмуртского театрального искусства, среди них первые произведения

крупной формы, созданные удмуртскими композиторами: музыкальная комедия «Сюан» («Свадьба») по пьесе В. Садовникова на музыку Н. Греховодова (1946 г.), оперетта «Любушка» (1959 г.), балет «Италмас» (1961 г.), опера-балет «Чипчирган» (1964 г.) Г. Корепанова-Камского, опера «Наталь» Г. Корепанова. Интерес для литературоведов, историков искусства представляют материалы о прототипах этих произведений, в частности, оперы «Наталь», литературной основой либретто которой послужила повесть Ф. Кедрова «Катя», оперы «Россиянка» Г. Корепанова-Камского, посвященной А. Пальшиной-Придатко, в годы Первой мировой войны повторившей подвиг своей землячки – «кавалерист-девицы» Н. Дуровой. Статьи из области театральной терминологии – «Драматургия», «Режиссура», «Театральная критика», «Сценография», «Театральные династии», «Фестивали театральные», «Радиопостановка» и другие (всего около 100 терминов) – раскрывают на местном материале региональные особенности того или иного понятия или категории. Кроме биографических и тематических статей, хроники театральной жизни на страницах энциклопедического справочника можно будет найти материалы о популяризации театра библиотеками, средствами массовой информации республики, о детских школах искусств с театральными отделениями и др. Отдельный тематический блок посвящен театральным школам – ведущим специализированным учебным заведениям России и Удмуртии, где готовятся кадры для театров. В их числе Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, Высшее театральное училище (институт) им. Б. В. Щукина при Государственном академическом театре им. Евг. Вахтангова, Российский университет театрального искусства – ГИТИС, вузы Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Перми, Екатеринбурга. Открывает справочник обзорная статья «Становление и развитие театрального искусства в Удмуртии». Всего в издание будет включено 1900 статей, 1450 фотографий и иллюстраций. Многие материалы впервые вводятся в научный оборот благодаря проведенной научно-исследовательской работе в государственных, театральных архивах, фондах музеев. При содействии этих организаций составители существенно расширили список биографических статей об актерах, сведения о которых публикуются впервые.

Выпуск отраслевых энциклопедий в УИИЯЛ УрО РАН будет продолжен. Среди запланированных проектов серии «Удмуртская Республика» – «Промышленность и транспорт», «Строительство и архитектура», «Сельское хозяйство», «Наука» и другие. Имеющийся на сегодняшний день опыт работы по их созданию показывает, что энциклопедические издания – хороший пример сочетания фундаментальных и прикладных исследований.

В заключение хотелось бы заострить внимание на некоторых проблемах и трудностях, возникающих в процессе практической работы по составлению и выпуску энциклопедий. В их числе можно назвать отсутствие координации из единого центра. Это отражается на качестве выпускаемых трудов, в частности, при их подготовке нарушаются требования государственного стандарта. Одна из главных проблем, порождающая трудности и сомнения при оформлении, редактировании текста – отсутствие (во всяком случае в регионах, где энциклопедистика делает первые шаги) методического обеспечения. Не имея твердых

ориентиров в этой области, составителям приходится создавать свои шаблоны для работы на основе общепринятых нормативов (академические словари и прочее), а также ГОСТов, которые предназначены для работы в других сферах. Так, при сокращении слов нами использовался академический словарь сокращений Г. Н. Скляревой (2006 г.), методические рекомендации Большой Российской энциклопедии (БРЭ), ГОСТ для библиографических записей (сокращение прилагательных, причастий). Безусловно, большую помощь оказывают методические рекомендации коллектива БРЭ, однако для успешной работы с учетом последних изменений такие рекомендации должны поступать на места регулярно. Большим плюсом является возможность учитывать практику местных издательств, занимающихся выпуском энциклопедий. Например, в УР это опыт работы коллектива издательства «Удмуртия», выпустившего два издания энциклопедии «Удмуртская Республика». Но, к сожалению, этими (и другими) возможностями не все и не всегда могут воспользоваться. В связи с этим хотелось бы отметить ту большую роль, которую играет в развитии энциклопедистики проведение различных семинаров, научно-практических конференций различного уровня, что создает условия для обмена опытом работы, знакомства и изучения выпускаемых в стране энциклопедий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семёнов Ю. В. Рецензия на электронную версию энциклопедии «Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. Вып. 2. С. 122.

Поступила в редакцию 5.02.2014

S. D. Smirnova, L. V. Barhanova, T. A. Vasina, A. P. Sidorova

The development of the encyclopedic department: from the experience of work of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The article analyzes the history of creation of encyclopedias in the Udmurt Republic on the experience of work of the encyclopedic department of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The methods of creating applied-research encyclopedias (scientific papers containing information on the specific areas of knowledge) are revealed. Special attention is given to the problems and difficulties occurring in the process of practical work.

Keywords: regional encyclopedic studies, applied-research encyclopedias, methods of work.

Смирнова Светлана Дмитриевна,
специалист отдела исторических исследований,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: smirnovasd@mail.ru

Барханова Любовь Вадимовна,

специалист научно-информационного отдела,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: lubbah@mail.ru

Васина Татьяна Анатольевна,

кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела исторических исследований,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: tatjasch@mail.ru

Сидорова Анэтта Петровна,

специалист научно-информационного отдела
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: sidorovaap@list.ru

Smirnova Svetlana Dmitrievna,

Specialist of the Department of Historical Studies,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: smirnovasd@mail.ru

Barhanova Lyubov Vadimovna,

Specialist of Research and Information Department,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: lubbah@mail.ru

Vasina Tatyana Anatolyevna,

Candidate of Sciences (History),
Research Assistant of the Department of Historical Studies,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: tatjasch@mail.ru

Sidorova Anetta Petrovna,

Specialist of Research and Information Department,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: tatjasch@mail.ru

О. В. Килина

**РУССКАЯ И УДМУРТСКАЯ НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ
КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
ПРЕОДОЛЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА**

На примере цикла музейных уроков «Истории бабушкиной избы», проходивших в Художественном музее Института искусств и дизайна УдГУ рассматривается педагогический аспект взаимодействия народной художественной культуры удмуртского и русского народов и роль народной культуры в духовно-нравственном воспитании детей младшего школьного возраста.

Ключевые слова: архаический культ, мифологическое сознание, духовно-нравственное воспитание, традиционная культура, искусство, миф и реальность.

Сегодня особенно важно изучение традиционной культуры в форме ее практического применения, особенно в педагогической сфере, где на основе материалов народного художественного творчества, народных традиций можно решать вопросы духовно-нравственного воспитания детей разных возрастных групп.

Вопросами воспитания и образования подрастающих поколений средствами традиционной культуры занимались многие исследователи. Среди основоположников этнопедагогики и народной педагогики назовем Г. Н. Волкова, В. Г. Афанасьева, И. Н. Афанасьева, Г. С. Виноградова, З. П. Васильцову и других; проблемы и методы духовно-нравственного, художественного воспитания и образования, с точки зрения традиционной культуры, освещены в трудах О. А. Керимшеевой, Т. И. Баклановой, Е. Ю. Стрельцовой, А. В. Вакаева, Е. В. Гаймановой, Н. Д. Булатовой, Л. В. Кузнецовой; взаимосвязь социализации с этническим самосознанием индивида раскрывает, в частности И.Л. Поздеев. Проблемы формирования нравственной личности средствами народной педагогики удмуртов подняты Г. А. Никитиной. Музейную педагогику как фактор формирования социального опыта и нравственного воспитания детей рассматривает М. В. Соколова; особенности преподавания этнического компонента на основе музейных коллекций описаны М. В. Шапошниковой; важность роли сказочного сюжета в музейных занятиях с детьми подчеркивают в своих работах С. В. Зенько и О. А. Субараева. Вопро-

сами культурно-образовательной деятельности музея в рамках народной традиции занимается М. Г. Хугаева.

Одна из серьезных духовно-нравственных проблем, стоящих перед современным обществом, – проблема одиночества человека в большом мире. С этим явлением человек сталкивается уже будучи ребенком. Духовное неудовлетворение, ощущение непричастности к обществу, кризис взаимопонимания и, как следствие, боязнь поступить согласно моральному долгу, если это противоречит общепринятой отстраненной модели поведения – проблемы, сопровождающие общество еще с XIX в., когда технический прогресс оказался настолько стремительным, что развитие социума стало отставать от него. В благоприятных условиях жизни, когда ручной труд сменился новыми технологиями, демографическая ситуация изменилась – и количественно возрастающее население не успевало «пропитаться традиционной культурой». Об этом писал Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс», приводя в пример Европу XIX–XX вв.

Об одиночестве человека среди других людей написано немало. Художники, философы, педагоги, историки, публицисты – представители большинства научных и творческих направлений хотя бы раз затрагивали эту тему. Так, Э. Олби, глядя на трагедию одинокого человека, задается вопросом: «Что случилось...», Ж. П. Сартр продолжает: «Ад – это другие», Т. Уильямс в пьесе «Предназначено на слом» выносит вердикт: дальше так продолжаться не может. Современный человек находится среди множества разнопричинных одиночеств, с разностью между желаемым и действительным, без почвы под ногами, без уверенности в завтрашнем дне, без опоры на идею – национальную идею, которой для него нет.

Продолжая следовать за мыслью Ортеги, выделим то, что школа как социальный институт прививает ребенку актуальные жизненные навыки, но часто не может воспитать его, сделать его жизнь более осмысленной и нравственной. Будущий член общества оказывается снабженным техническими средствами, необходимыми для полноценной жизни, но не обладает при этом ни историческим чутьем, ни чувством ответственности, ни чувством защищенности.

Между тем, обращение к традиционной культуре и быту древних славян и древних удмуртов открывает нам возможности соприкоснуться с социальным и духовно-нравственным опытом предков. Большинство ученых (в их числе Б. А. Рыбаков, В. Е. Владыкин) отмечают тесную связь древнего человека с природой. Зарождаясь на границе мифологического сознания, образы одушевленных сил природы сопровождали наших предков в разные периоды: славян – от архаического культа упырей и берегинь через поклонение Роду и рожаницам, позже – княжескому дружинному богу Перуну до тех времен, когда Русь приняла христианство; удмуртов – Воршудного (тотемического) культа, через шаманизм (Туно), жречество, поклонение стихиям, антагонизм леса и воды к выделению культа Инмара (божества неба), являющегося, по мнению В. Е. Владыкина, отсылкой к христианской культуре [2. С. 102]. Так что, древний человек, даже оторванный от дома, не знал, что такое абсолютное одиночество, поскольку каждый камень, ручей или дерево, по его представлениям, несли в себе жизнь. Необходимо также обратить внимание на понятие *рода*, по сути своей, противоположного одиночеству и неустойчивости человека в социуме.

Накопленный предками опыт, их единство с природой, богатая мифология, символичность обрядов, промыслы – все это может послужить почвой для организации занятости детей и молодежи. Во многих уголках страны интерес к народной культуре жив, люди ищут и находят себя в массовом ролевом и реконструкторском движении. Исходя из результатов анкетирования, проведенного нами среди взрослых членов Ижевского реконструкторского клуба и участников полигонной ролевой игры «Райленхор», которая проводится ежегодно под деревней Турынгурт в Удмуртии, на вопрос, чем именно их привлекает подобного рода деятельность, мы можем сформулировать совокупный ответ: «Это возможность стать другой личностью, у которой есть свой род, история, легенды, опознавательные знаки. Мне нравится быть важной частью уже состоявшегося целого». Современный человек говорит «я не хочу быть один» и выстраивает вокруг себя искусственную реальность, реальность игры средствами народной культуры.

Анализ анкет позволяет сделать вывод, что взрослые люди неосознанно борются с проблемой одиночества средствами народной культуры с элементами игры, элементами театральности. Логично было предположить, что если воспитывать ребенка с применением этих средств, начиная с самого его становления, то многих трудностей в дальнейшем формировании личности, в духовно-нравственном развитии, в построении картины мира, в поиске себя он может избежать.

Действенность этого способа мы проверили с помощью цикла музейных уроков под названием «Истории бабушкиной избы» – в художественном музее Удмуртского госуниверситета. Цикл создан директором музея Л. В. Килиной вместе с кандидатом искусствоведения Е. И. Ковычевой и доработан автором данной статьи.

Необходимо заметить, что музей был основан еще в 1991 г. на базе Института искусств и дизайна с целью поддержания преемственности в народном и академическом искусстве. В основе коллекции – произведения русского и удмуртского народного художественного творчества, собранные во время научно-исследовательских экспедиций, а также работы художников-профессионалов, преподавателей и студентов университета, учащихся художественных школ. Музей является средоточием культурной жизни вуза и города Ижевска в целом.

Для эффективного использования музейных фондов был разработан цикл уроков «Истории бабушкиной избы». Сообразно с народным земледельческим календарем он рассказывает учащимся младших классов о народных традициях, обращая внимание детей на то, как переплетаются исконно удмуртские обычаи со славянскими традициями. Выставочный зал превращается в уютную деревенскую избу, что вызывает у детей ответную эмоциональную реакцию. Цикл состоит из 6 занятий, проводимых раз в месяц. Педагоги в роли сельских жителей показывают, как изготавливаются текстильные, деревянные, глиняные изделия, как строится дом, как расписывают посуду, украшают народный костюм.

Занимательные истории знакомят с событиями трудовой и праздничной жизни крестьян в зависимости от годовых циклов природы. Чтобы упростить учащимся восприятие, мы включили в цикл народные игры, песни, танцы, отдельные элементы обрядов, театрализованные действия и изготовление поделок. Это чрезвычайно важно: дети легче усваивают ту информацию, которую

сами могут проверить на практике, лучше всего – в игровой форме. Элемент игры – неотъемлемая часть цикла. Педагог свободно обращается с экспонатами, надевает на себя народное платье, показывает в действии свистульки, удмуртские шуланы, катает по земле расписные яйца, становится актером-кукловодом вертепа и скоморохом с Петрушкой в руках. Большую часть этих действий дети могут попробовать сами. Интерактивность делает экспонаты доступными, живыми, духовно наполненными и близкими детской аудитории.

Благодаря музейным урокам учащиеся могут расширить свой кругозор, понять суть некоторых культурных явлений, ощутить важность и ценность многовекового человеческого опыта.

Здесь происходит знакомство с традиционным жилищем, раскрывается его смысл как трехчастной структуры и как микрокосма, рассматриваются виды жилища и в процессе игры имитируются элементы ритуала выбора места для дома, его постройки, последующего новоселья. В ходе этого детям предлагается сопоставить две традиции (удмуртскую и славянскую): выбор места с помощью шапки шамана-Туно (букв. «гадатель») и заклинания места постройки разделенным на четыре части квадратом с четырьмя камнями внутри (идеограмма плодородия). Далее объясняется принцип выбора материала для строительства, сопровождающие его обычаи (установка метки-пуса), времени заготовки (на исходе лунного месяца, когда из дерева вытягиваются все соки и смолы), сушки бревен и непосредственно постройки дома. Необходимым условием является слово педагога, который непременно объясняет смысл обрядов и обрядовых символов, их рациональную составляющую и духовную значимость, житейскую мудрость в доступной для детей форме. Красоту легче понять и принять, если знаешь ее истоки и идейную составляющую.

О важности духовной жизни человека и приоритете духовных ценностей, об общечеловеческой морали говорится на каждом уроке, но особенно явно – на третьем занятии, приуроченном к Рождеству, который называется «История красного угла». Здесь мы затрагиваем феномен красного угла, смысл слова «ценность», незаменимость семьи, рода, и связь человека с его духовным опытом. Рассказываем историю и смысл праздника Рождества и эмоционально закрепляем информацию с помощью средств народного театра – показываем детям вертепный спектакль о рождении Христа, учим их важности почитания родителей, мастерим для мам и пап рождественские сувениры.

Уже на этом этапе ребенок должен признать или начать признавать приоритет духовного развития, хотя бы на уровне понятий «плохо» и «хорошо», «полезно» и «вредно», уяснить для себя мысль, что он в этом мире не один, что он часть богатой народной традиции родом из глубины веков.

Этническая общность, согласованность человека и природы, их взаимозависимость прослеживаются в ходе пятого урока цикла «История тряпичной куклы», который приходится на рубеж зимы и весны, частично освещая обрядность трех праздников (Масленица, Сороки и Свистопляска). Традиционная вера в то, что солнцу необходимо помочь растопить снег, разбудить матушку-землю от зимнего сна – лежит в основе этого занятия. Урок начинается с элементов театра Петрушки, которые способствуют погружению детей в атмосферу народного

праздника, расслабляют их, а затем, на импровизированной ярмарке, педагог рассказывает о весенних обрядах, о видах глиняной игрушки, о музыкально-шумовом оформлении и его значении в обрядовом действе, демонстрируя свистульки и шуланы. Здесь мы обращаемся к нескольким культурным кодам: акциональному, вербальному, музыкальному, визуальному и пищевому – используем как можно больше каналов передачи информации, чтобы достичь результата и дать ученикам почувствовать их причастность к происходящему, сформировать у них положительный опыт общения с традицией.

После завершения каждого цикла мы проводим беседу с преподавателями, приводящими классы на музейные уроки «Истории бабушкиной избы», чтобы озвучить и зафиксировать полученные результаты. Большинство отмечает, что детям нравится быть активными участниками проекта, они становятся более внимательными к объектам культуры, более восприимчивыми к народной традиции, что объясняется пониманием ими сути многих уникальных явлений, вырастающих из традиции. Безусловно, это не только наша заслуга, но практика показывает, что музейные уроки значительно способствуют духовно-нравственному воспитанию детей.

Проблема одиночества современного человека существует. Один из способов ее решения мы видим в приобщении к богатейшей народной традиции, в нашем случае – русской и удмуртской. Достоинство этого способа в том, что коллективное бессознательное, сопровождающее человека с самого рождения, так или иначе программирует его отклики на образы, присущие народной культуре. Существенна роль взаимосвязи между мифологическим мышлением древнего человека и мышлением ребенка, который, в силу своего возраста, воспринимает мир сквозь призму символов и знаков, более понятных и близких ему, чем терминология, которой оперируют взрослые. Таким образом, знакомя детей с тем, как человек думал, какую картину мира он представлял себе, как это отражалось в материальных проявлениях культуры, мы прививаем им «чувство исторической ответственности», о котором писал Х. Ортега-и-Гассет; демонстрируем путь, ведущий от отчужденности к духовной причастности к опыту предков, в итоге – к формированию национального самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Виноградов С. Н.* Терминология удмуртских народных узоров // Проблемы изучения народного искусства: краткие тез. докл. к науч. конф., 15–20 мая 1972 г. / Гос. Рус. музей; под общ. ред. Е. Н. Селизаровой. Л., 1972. С. 12–13.

2. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

3. *Килина Л. В., Ковычева Е. И.* Педагогический аспект динамичных экспозиций музея Института искусств и дизайна УдГУ // Народное искусство – детям: материалы Междунар. науч.-практич. конф. 1–2 июня 2006 г. / Ханты-Мансийск: Редакц.-издат. отдел БУ ДПО Институт развития образования, 2007. С. 89–91.

4. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 509 с.

5. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.

6. *Сартр Ж. П.* Экзистенциальный театр: пьесы. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 219 с.
7. *Albee E.* The Zoo Story. Plume, 1997. 128 p.
8. *Williams T.* 27 Wagons Full Of Cotton And Other One Act Plays. New Directions, 1966. 238 p.

Поступила в редакцию 21.01.2014

O.V. Kilina

Russian and Udmurt folk traditions as psychological-pedagogical means of overcoming the loneliness

On the example of the museum lessons «Stories of grandmother's hut», held in the Art Museum of the Institute of Arts and Design of UdSU is considered pedagogical aspect of interaction of folk art culture of the Udmurt and Russian peoples and the role of national culture in spiritually-moral education of primary school children.

Keywords: archaic cult, mythological consciousness, spiritual-moral education, traditional culture, art, myth and reality.

Килина Ольга Васильевна,

магистрант,

Московский государственный университет культуры и искусств
141406, Россия, г. Химки, ул. Библиотечная, 7
E-mail: ald.sotha.gold.kanet@gmail.com

Kilina Olga Vasilyevna,

Postgraduate,

Moscow State University of Culture and Arts
141406, Russia, Khimki, Bibliotechnaya St.,7
E-mail: ald.sotha.gold.kanet@gmail.com

А. А. Дерюгин, О. В. Ежова

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННЫХ ТУРНИРОВ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ, КАК ФОРМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ, ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Статья посвящена анализу результатов творческой, образовательной и исследовательской работы школьников, реализуемой в рамках республиканских соревнований школьников экологической направленности. В частности, анализируется результативность организованных Удмуртским госуниверситетом соревнований по спортивной орнитологии как форма, нашедшая отклик в школьной среде. Обсуждаются перспективы и необходимые ресурсы для дальнейшего развития практических и творческих направлений работы со школьниками в Удмуртской Республике.

Ключевые слова: довузовское образование, соревнования школьников, профильная подготовка, спортивная орнитология, соревнования по орнитологии, образовательные турниры.

Центр довузовского образования института дополнительного образования УдГУ (далее – ЦДО) организует деятельность по дополнительному образованию учащихся по программам подготовки к поступлению, а также и по программам предпрофильной и профильной подготовки [2; 6]. Чтобы выявить интерес к естественнонаучному направлению и поддержку заинтересованных учащихся, ЦДО организует профильные экологические сборы и лагеря в каникулярное время. В рамках этих сборов преподаватели университета ведут с учащимися образовательную, исследовательскую и просветительскую работу, результатом которой является не только осознанный выбор абитуриентами будущего направления подготовки, но и формирование портфолио – достижений в виде результатов защищенных на разных уровнях исследовательских проектов, а также личных достижений в конкурсах, соревнованиях, турнирах. Соревновательная форма привлекательна для учащихся: в ней раскрываются и познавательная активность, и командное взаимодействие, и социальное самоутверждение. Поэтому ЦДО активно развивает направление соревнований и турниров экологической направленности. Успешно зарекомендовали себя соревнования природоохранной направленности, организованные в 2003–2007 гг. совместно с национальным парком «Нечкинский»: это – конкурсы «Юный дендролог» и «Юный орнитолог»,

в которых ребята соревновались в знании основ лесной экологии, в умении определять природные объекты [1]. Конкурсы были организованы в школах с. Пихтовка и пос. Новый в рамках каникулярных профильных смен для учащихся Воткинского р-на. Охвачено было 150 учащихся, а результат – развитие интереса к естественнонаучному направлению, участие в профильных сборах и лагерях, подготовка школьных исследовательских проектов [3]. Конечный итог для школьников – их профессиональная ориентация и выбор высшего учебного заведения, а для университета – прием заинтересованных, интеллектуально и психологически подготовленных абитуриентов [7].

В 2012–2013 гг. осуществлен проект орнитологических соревнований и турниров среди школьников. Непродолжительные сроки, минимум бюрократических согласований, доступность для школьников и минимум специальной подготовки сделали эту форму популярной и среди школьников, и среди руководителей команд (преподавателей биологии, экологии, географии). Проект появился на стыке интересов Удмуртского госуниверситета к популяризации естественнонаучного образования и Зоопарка Удмуртии – к привлечению внимания к объектам природы и узнаваемости зоопарка в целом. «Республиканские соревнования по спортивной орнитологии» ориентированы на учащихся школ и обучающихся в учреждениях дополнительного образования детей. В отличие от распространенного в мире и развивающегося в России «классического бердинга», данный турнир предполагает фиксирование и определение встреченных видов птиц не с помощью фотоаппарата, а при участии орнитолога-эксперта. Это позволяет расширить список учтенных видов, проводить наблюдения в режиме «он-лайн», освобождает от необходимости иметь фотоаппарат. Команда следует по маршруту в сопровождении эксперта, обозначая встреченные виды условными (порядковыми) номерами. Под которыми эксперт фиксирует названия видов, а участники имеют возможность уточнить их определение, работая с определителем, и вписывают окончательный вариант в чек лист. Эксперт проверяет правильность определения птиц, начисляя баллы команде за верное определение. Разбаловка зависит от редкости и трудности определения видов птиц. По количеству набранных в общей сложности баллов определяются победитель и призеры. Таким образом, в ходе соревнований участники не только проверяют уровень и полноту теоретических знаний, но и отрабатывают практические навыки и умения, а также командное взаимодействие.

Республиканские соревнования по орнитологии трижды проводились на базе рыбхоза «Пихтовка». В октябре 2013 г. был организован открытый Городской турнир по спортивной орнитологии, в котором приняло участие 45 школьников из 5 населенных пунктов республики. В настоящее время можно подвести предварительные итоги такой формы организации работы со школьниками.

Отметим существующий в школьной среде интерес к подобной форме соревнований. Количество участников в четырех турнирах составило около 120 человек – из 10 населенных пунктов (май 2012 – 22 участника из 5 команд, 5 населенных пунктов; октябрь 2012 – 21 участник, 5 команд, 4 населенных пункта; май 2013 – 30 участников из 12 команд, 8 населенных пунктов, октябрь 2013 г.: 45 участников, 9 команд, 5 населенных пунктов). Количество участников в команде

колебалось от 1 до 10 человек. Средний состав команды – 4 человека. Традиционно первый день соревнований проходит в образовательном ключе. Полученные знания по орнитологии, методике учетов, общей экологии помогают участникам выступить в турнире на более высоком уровне, а также подготовиться к практическим этапам в районных и республиканских конкурсах исследователей окружающей среды, к практическим заданиям олимпиад. Второй день – соревновательный, помогает участникам в форме состязания закрепить навыки наблюдения за природными объектами, их учета и определения. Кроме преодоления маршрута, участников ждет еще и развивающая программа: интеллектуальные игры, мастер-классы, конкурсы и коллективные творческие дела. Команды, регулярно участвующие в турнире, с каждым разом показывают все более высокие результаты, увеличивая эффективность учетов (долю правильно определенных видов) до 90 %, а количество определенных видов – в 2 раза. Этот показатель подтверждает эффективность формы турнира, его высокий образовательный потенциал.

Работа в практическом ключе помогает школьникам по-другому взглянуть на школьные знания, оценить их применимость в своей жизни. Включаясь в соревновательный марафон, учащиеся выуживают из глубин сознания не актуализированные до сих пор знания, сравнивают свой уровень, глубину познания с соперниками. Это придает им уверенности и в других состязаниях (школьных олимпиадах, конкурсах и на конференциях). Результаты соревнований представляют и научную ценность. По данным проведенных учетов уточняется видовой и количественный состав птиц КОТР «Пихтовка» в период весенней и осенней миграции. Собранные сведения помогают сделать вывод о состоянии популяций таких редких видов как скопа, лебедь-шипун, кулик-сорока, орлан-белохвост.

Нельзя не отметить, что популяризация сведений о ключевых орнитологических территориях и разъяснение их миссии позволят облегчить природоохранную деятельность и ведение разъяснительной работы [4]. Что касается участников соревнований, то для них это – замечательная школа профориентации, проверки собственных интересов и склонностей, а также формирование представлений о научно-исследовательской и природоохранной деятельности. Подготовка исследовательских проектов орнитологической направленности – еще один практический выход для участников соревнований. Научно-исследовательская работа может быть организована как на материале, собранном в период соревнований, так и с использованием апробированных методик в других районах исследований.

Но, наверное, главное в турнирах – создание интеллектуальной среды как ценности, к которой учащиеся стремятся, получая эмоциональное подкрепление. Формируется сообщество единомышленников, поддерживающих связи друг с другом и по завершении соревновательных сборов, создаются группы и темы для обсуждения в социальных сетях [5].

Выводы.

1. Соревнования по спортивной орнитологии как форма привлечения внимания к области естественнонаучного знания представляется чрезвычайно перспективной.

2. В ходе соревнований участники включаются в образовательную, соревновательную и исследовательскую деятельность, что служит толчком для их самоопределения и профессиональной ориентации.

3. Совместные учеты, проведенные экспертами и участниками позволяют в рамках соревнований собрать сведения о состоянии популяций редких, охраняемых видов птиц, провести мониторинг орнитофауны ключевой орнитологической территории.

4. Подобные мероприятия необходимо считать мерой социальной поддержки одаренных и ориентированных на интеллектуальное развитие детей.

5. Учитывая вышесказанное, соревнования по спортивной орнитологии нуждаются в адресной поддержке органов образования и охраны окружающей среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Дерюгин А. А.* Использование рекреационного потенциала национального парка «Нечкинский» для развития школьного экологического туризма // Продвижение имиджа регионов России (продвижение имиджа Удмуртии: опыт и перспективы): материалы междунар. науч.-практ. конф., 1–2 нояб. 2007 г. / ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ин-т соц. коммуникаций; редкол.: Г. В. Мерзлякова (отв. ред.), Л. В. Баталова, С. Ф. Бородулина [и др.]. Ижевск: [б. и.], 2007. Ч. 1. С. 124–126.

2. *Дерюгин А. А.* Организация довузовской подготовки школьников в Удмуртском госуниверситете // Взаимодействие Удмуртского государственного университета, Управления образования и общеобразовательных учреждений г. Ижевска в условиях модернизации образования: материалы совещ., Ижевск, 22 янв. 2009 г. / Упр. образования Администрации г. Ижевска, ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Ижевск: [б. и.], 2009. С. 85–94; Взаимодействие Удмуртского государственного университета, Управления образования и общеобразовательных учреждений г. Ижевска в условиях модернизации образования [Электронный ресурс]: материалы совещ.: презентация УдГУ, Ижевск, 22 янв. 2009 г. / ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Ижевск, 2009. Загл. с диска. С. 85–94.

3. *Дерюгин А. А.* Организация школьных экологических лагерей на базе национального парка «Нечкинский» Удмуртской Республики. Опыт и перспективы // Организация и функционирование региональных и локальных систем особо охраняемых природных территорий (ООПТ): регион. науч.-практ. конф. (8–10 нояб. 2006 г.) / Удмурт. гос. ун-т, М-во природ. ресурсов и охраны окруж. среды УР, Удмурт. отд-ние Рус. ботан. о-ва; под ред. О. Г. Барановой. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2006. С. 20–23. Ил.: 2 табл.

4. Полевые практики в системе высшего профессионального образования: Материалы III Международной конференции / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. 232 с.

5. Полевые практики в системе высшего профессионального образования. IV Международная конференция: Тезисы докладов. Симферополь: ДИАЙПИ, 2012. 304 с.

6. *Дерюгин А. А., Мартынова Е. М.* Развитие форм предпрофильной подготовки школьников в УдГУ: помощь в сознательном выборе направлений подготовки и развитии научно-исследовательской работы // Научно-методическое сопровождение одаренности обучающихся и талантливой молодежи в условиях интеграции общего и дополнительного образования: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 14 дек. 2012 г. / М-во образования Респ. Башкортостан, Ин-т развития образования Респ.

Башкортостан; редкол.: Р. Г. Мазитов, Ф. Р. Фахретдинова, М. И. Губайдуллин. Уфа: Изд-во ИРО РБ, 2012. С. 110–112.

7. Дерюгин А. А. Школьная полевая практика по экологии и краеведению как первые шаги к научным исследованиям // Актуальные вопросы довузовской подготовки в Удмуртской Республике: сб. ст. / ГОУВПО «Удмуртский государственный университет», Фак. довузов. образования; редкол.: Т. К. Ютина, А. А. Дерюгин, Л. А. Бельтюкова [и др.]. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. С. 162–167.

Поступила в редакцию 22.11.2013

A. A. Deryugin, O. V. Yezhova

The organization of the practice-oriented competitions for schoolchildren, as a form of educational and vocational work

The article is devoted to analysis of the results of creative, educational and research work of students, implemented within the framework of the Republican competitions of schoolchildren on environmental problems. In particular, the effectiveness of organized by the Udmurt State University competitions in sport ornithology as a form, which has found a response in the school environment is analyzed. The necessary resources for the further development of practical and creative directions of work with schoolchildren in the Udmurt Republic are discussed.

Keywords: pre-University education, competitions of schoolchildren, profile preparation, sports ornithology, competitions on ornithology, educational tournaments.

Дерюгин Алексей Александрович,

директор Центра довузовского образования,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: deralek@mail.ru

Ежова Ольга Викторовна,

заведующая отделом орнитологии,
Зоопарк Удмуртии
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Кирова, 8
E-mail: deralek@mail.ru

Deryugin Aleksey Alexandrovich,

Director of the Center of pre-University education,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: deralek@mail.ru

Yezhova Olga Viktorovna,

Head of the Department of ornithology,
Zoo of Udmurtia
426034, Russia, Izhevsk, Kirova St., 8
E-mail: deralek@mail.ru

Ю Б И Л Е И

УДК 929

Г. А. Некрасова, Е. А. Цыпанов

**К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ИГУШЕВА**

В этом году отмечает юбилей коми языковед, талантливый исследователь и педагог, доктор филологических наук, профессор Евгений Александрович Игушев, внесший значительный вклад в развитие коми филологической науки и национального образования. Его имя широко известно не только в Республике Коми и России, но и за их пределами.

Е. А. Игушев родился 11 марта 1939 г. в д. Пожня Сосногорского р-на Коми АССР. По окончании Ухтинского горно-нефтяного техникума (1953–1957) учился в Коми государственном пединституте (1958–1963). Отслужив в армии и проработав несколько лет сельским учителем, он поступает в заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР (1969–1973).

С 1973 г. в течение 30 лет Е. А. Игушев работал в Сыктывкарском университете, почти с самого его основания в 1972 г. Здесь юбиляр прошел все ступени научного роста – от ассистента до профессора. Был деканом филологического факультета (1978–1986), заведовал кафедрой коми и финно-угорского языкознания (1992–1996). В 1991 г. Е. А. Игушев преподавал коми язык студентам и аспирантам финно-угорского института Королевского университета г. Уппсала (Швеция). В 2003 г. он переходит на работу в только что открывшийся Югорский госуниверситет (Ханты-Мансийск), где были остро необходимы опытные и знающие преподаватели. Долгое время он работает ведущим научным сотрудником Лаборатории по изучению и сохранению языков в Институте языка, истории

и культуры народов Югры; одновременно преподает, будучи профессором кафедры финно-угорского и общего языкознания. К сожалению, в результате крутого реформирования в ЮГУ сегодня нет ни такой кафедры, ни такого института.

Круг научных интересов Е. А. Игушева широк и разнообразен, что обусловлено его преподавательской деятельностью, а также недостаточной разработанностью многих вопросов коми и финно-угорского языкознания. Он занимался вопросами синтаксиса, лексики и лексикографии, диалектологии и стилистики современного коми языка. Кандидатская диссертация, которую он защитил в 1973 г. в Тартуском государственном университете, была посвящена русским заимствованиям в ижемском диалекте коми языка. Ижемский диалект, начавший формироваться в XVI в., отличается от других коми диалектов многочисленными русскими заимствованиями. В работе подробно рассмотрены вопросы межъязыкового контактирования: хронологическая последовательность вхождения русских заимствований в коми язык, их фонетическая и морфологическая адаптация, семантика заимствований. В 1990 г. в том же университете Е. А. Игушев защищает докторскую диссертацию на тему «Стилистика морфологических категорий коми языка». Одним из первых в российском финно-угроведении рассмотрел вопросы практической стилистики, раскрыв эмоционально-экспрессивный потенциал морфологических категорий коми языка, проявив тем самым глубокое знание и чутье родного языка. Стилистические варианты он рассматривает с точки зрения механизма их образования, сферы их употребления и принципов отбора в зависимости от целей высказывания и обстановки речевого общения. Е. А. Игушев внес свой вклад также в теорию и практику лексикографии. В соавторстве его с удмуртскими и мансийскими коллегами были подготовлены и изданы тематические словари: «Сравнительный словарь пермских языков» (Сыктывкар, 2004, соавт. Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, О. П. Аксенова), «Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь» (Сыктывкар, 2005, соавт. Р. Ш. Насибуллин, В. Г. Семенов), «Русско-мансийско-коми тематический словарь» (Екатеринбург, 2008, соавт. К. В. Афанасьева), «Русско-хантыйско-мансийско-венгерский тематический словарь» (Ханты-Мансийск, 2012, соавт. З. С. Рябчикова, К. В. Афанасьева).

За годы работы в Сыктывкарском университете Е. А. Игушеву довелось вести большинство лингвистических дисциплин. Он разработал лекционные курсы по дисциплинам коми и финно-угорского языкознания: введение в финно-угорское языкознание, сравнительная грамматика финно-угорских языков, сравнительная грамматика пермских языков, коми диалектология, сопоставительная грамматика коми и русского языков, синтаксис коми языка, стилистика коми языка. Много времени и сил посвятил Е. А. Игушев составлению программ и учебников по коми языку, острая необходимость которых возникла в связи с открытием национального отделения филологического факультета. Он – автор следующих учебных пособий по коми языку: «Сборник упражнений по синтаксису коми языка» (1977), «Коми кыв кузя упражненияяс» (1977, соавт. Е. А. Меньшикова, А. Н. Карманова), «Коми кыв да йӧзкостса поэзия» (1978, соавт. А. К. Микушев), «Современный коми язык (синтаксис)» (1980), «Коми диалектология» (1982), «Разговорная лексика коми языка» (1982), «Практическая

стилистика коми языка» (1979, 1986), «Русско-коми-венгерско-финско-немецко-английский разговорник» (1985, соавт. Г. Г. Толстова, В. Я. Чернышова), «Введение в финно-угроведение» (1987), «Сопоставительная грамматика русского и коми языков» (1988); «Финн-йӧгра кыввяс туялан подуввяс» (2003), «Коми кывлӧн стилистика» (2003) и др.

Знания и опыт пригодились Е. А. Игушеву в Югорском госуниверситете, где у него словно открылось второе дыхание: он сам и в соавторстве опубликовал ряд учебных пособий и словарей, научно-популярных книг. В Ханты-Мансийске у него сложились хорошие отношения со специалистом по татарскому и тюркским языкам проф. Р. А. Вафеевым, с исследователями мансийского и хантыйского языков проф. Н. А. Лысковой, кандидатами наук А. И. Сайнаховой, З. С. Рябчиковой и особенно – с мансийкой Клавдией Васильевной Афанасьевой, с детства свободно говорящей по-коми. В Югорском госуниверситете, как когда-то и при открытии Сыктывкарского университета, совершенно отсутствовала научно-методическая база для преподавания и исследования финно-угорских языков, а потому вся энергия Е. А. Игушева была направлена на создание и публикацию оригинальных учебных пособий, список которых говорит сам за себя: «Применение данных финно-угроведения в школе» (Ханты-Мансийск, 2006), «Введение в финно-угроведение» (Ханты-Мансийск, 2006), «Практикум по учебному курсу «Введение в финно-угроведение» (Ханты-Мансийск, 2007), «Сравнительная грамматика финно-угорских языков» (Ханты-Мансийск, 2009), «Историческая грамматика мансийского языка» (Ханты-Мансийск, 2010, соавт. Н. А. Лыскова), «История изучения мансийского языка» (Ханты-Мансийск, 2012, соавт. Н. А. Лыскова), «Деривационные форманты мансийского языка (происхождение, дистрибуция, стилистика в сопоставлении с соответствующими морфемами родственных финно-угорских языков)» (Ханты-Мансийск, 2012, соавт. А. И. Сайнахова), «Мансийско-коми лексические параллели. Из истории языковых контактов манси с коми» (LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012), «Занимательная лексика мансийского языка» (Ханты-Мансийск, 2013). После десяти лет работы в Сибири Е. А. Игушев в этом году планирует возвратиться на родину – в Сыктывкар.

Евгений Александрович Игушев – опытнейший преподаватель. Просто и доходчиво объясняет он как сложные языковые явления современного языка, так и исторические процессы, протекавшие сотни и тысячи лет назад. И хотя языкознание является точной наукой, его лекции никогда не были утомительными: его речь жива и образна, он говорит доступным языком, приводя интересные примеры; обладает своей методикой преподавания родственных финно-угорских языков и для лучшего освоения студентами языкового материала разучивает с ними песни: язык без речевой практики забывается, тогда как песни дольше сохраняются в памяти.

Е. А. Игушев – умелый организатор диалектологических экспедиций, руководителем которых он был на протяжении многих лет. И каждый раз это было комплексное исследование говора и ареала его распространения, охватывающее не только собственно лингвистический аспект (изучение фонетических, морфологических и синтаксических особенностей говора), но и социолингвистический

(изучение половозрастных особенностей информантов, уровня грамотности, степени владения языками), и фольклорно-этнографический аспект (изучение материальной и духовной культуры). Юбиляр одним из первых начал исследование говоров зауральских коми, говоров его соплеменников коми-ижемцев, проживающих в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах. Тогда же он начинает изучение обско-угорских языков, что позволило впоследствии написать немало работ, посвященных проблемам взаимодействия коми, хантыйского и мансийского языков. Переход на работу в Югорский университет создал предпосылки для новых и более широких исследований обско-угорских языков.

Е. А. Игушев – активный пропагандист коми и финно-угорских языков, автор популярных книг по занимательному коми языкознанию «Гайё муса кылён чой-вок сёрнитоны...» (1983), «Чужан кыв — менам олём да вёт» (1988), «Чужан кывтö он ньöб» (1994), «Коми кывйыс гажаджык на биысь» (1998), «Вок кывъяс» (2001), «Кывным мян сёрнитигён оло» (2003). Он прослеживает жизнь слов и словосочетаний со столетней и даже тысячелетней историей, живо, интересно рассказывает об их сложнейших видоизменениях. Читаются его книги легко, с неослабевающим интересом. Они заставляют задумываться над вопросами, на первый взгляд, простыми, а в действительности – запутанными и сложными. Исследователь представляет язык в живом виде, обнаруживая необычное – в обыкновенном, закономерности – в кажущихся случайностях, выявляя своеобразие, гибкость и красоту коми и родственных ему языков.

Е. А. Игушев всегда активно выступает за сохранение и развитие коми и других финно-угорских языков. Почти в каждой работе он подчеркивает, что коми язык – это основа культуры, важнейший элемент национального самосознания коренного народа республики, память о своих корнях и перспектива дальнейшей жизни народа. Если национальные движения, нацеленные на возрождение языков и поддержку культур финно-угорских народов, активно проявили себя в финно-угорских регионах России только в начале 1990-х гг., то для Е. А. Игушева развитие и сохранение языка и культуры своего народа – кредо всей его жизни. В научных и публицистических работах он постоянно подчеркивает необходимость бережного отношения к языковым традициям, воспитания сознательного отношения к родному языку как национально-культурной ценности. Так, в предисловии к учебному пособию «Применение данных финно-угроведения в школе» Е. А. Игушев пишет, что при обучении студентов необходимо «<...> заечь в них [у студентов] желание познать глубины своего родного языка и проследить органическую связь языков ханты и манси с родственными им уральскими языками. Эту задачу можно решить, прививая любовь подрастающего поколения к родным местам, родной природе, родному народу, обживавшему суровый сибирский край в течение многовекового его освоения <...>».

В течение ряда лет Е. А. Игушев живет и работает за пределами Республики Коми, но он проявляет самый живой интерес ко всему, чем живет его республика, мгновенно откликается на все события, особенно – на выход каждого нового издания: будь то научная работа или художественное произведение. Его рецензии публикуются в международных журналах и на страницах региональных газет.

Евгений Александрович Игушев награжден почетным знаком «Отличник высшей школы СССР» (1989), медалью «200 лет со дня рождения А. С. Пушкина» (1999), медалью И. Фёдорова «За вклад в развитие книжной культуры» (2011). Он избран членом Международного общества хунгарологов (Будапешт, 1977), зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, 1993). Удостоен званий «Заслуженный работник Республики Коми» (1994), Заслуженного профессора Сыктывкарского университета (2001), Лауреата государственной премии Республики Коми (2003).

Человек поразительной искренности и необычайной душевной щедрости, Е. А. Игушев притягивает к себе окружающих людей. Сегодня сотни выпускников с благодарностью вспоминают своего преподавателя, поздравляют его с юбилеем и желают здоровья и дальнейших творческих успехов.

Кузь нэм да бур шуд, дона да пыдди пуктана Евгений Александрович!

Поступила в редакцию 3.03.2014

Некрасова Галина Александровна,

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник, доцент,
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: komilang@gmail.com

Цыпанов Евгений Александрович,

доктор филологических наук,
заместитель директора, доцент,
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

Nekrasova Galina Alexandrovna,

Candidate of Sciences (Philology),
Leading Scientist, Associate Professor,
The Institute of Language, Literature and History
of the Komi Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: komilang@gmail.com

Sypanov Jevgenij Alexandrovich,

Doktor of Sciences (Philology),
Deputy Director, Associate Professor,
The Institute of Language, Literature and History
of the Komi Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

УДК 616.89(092)

Ю. В. Ковалев, Ю. Г. Каменщиков, В. Т. Лекомцев

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЗАВКАФЕДРОЙ

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА БЕЛОУСОВА

В 2012 г. исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Валентины Николаевны Белоусовой, с 1968 по 1983 г. заведующей кафедрой психиатрии Ижевского государственного медицинского института, известного в СССР специалиста в области геронтологической психиатрии, автора нескольких монографий и пособий, руководителя ряда кандидатских диссертаций, Учителя и воспитателя нескольких поколений врачей-психиатров Удмуртии.

Валентина Николаевна родилась 13 марта 1912 г. в с. Белая Глина Ставропольского края. В 1937 г. закончила Рабфак водников в Новороссийске и поступила в Ростовский мединститут. В октябре 1941-го, с 5 курса, досрочно, без госэкзаменов,

выпущена и мобилизована в ряды Советской Армии, где служила младшим врачом артполка по май 1942 г. на Крымском участке фронта. С апреля 1944 г. заведовала врачебным участком в с. Слободзея Молдавской ССР. В 1945 г. переехала на место жительства семьи в г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР, где с 1945 по 1958 г. работала в республиканской психоневрологической больнице вначале ординатором, затем – завотделением, в последние годы – заместителем главного врача по медицинской части. Научным руководителем Валентины Николаевны стал проф. Борис Давидович Фридман (1895–1991), заведующий кафедрой психиатрии, ученик П. Б. Ганнушкина. Замечательный клиницист, Борис Давыдович, начиная чтение своего курса, произносил простые, хорошо

запоминающиеся слова: «Когда вы будете лечить больного, никогда не забывайте приглубить его родственников. Они, подчас, страдают не меньше самого пациента».

Первая научная работа Валентины Николаевны Белоусовой «К диагностике туберкулезного менингита у взрослых» опубликована в 1947 г. в ж. «Невропатология и психиатрия». В 1957 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Клиника ревматических психических расстройств».

С 1958 по 1968 г. В. Н. Белоусова вела курс психиатрии на кафедре невропатологии и психиатрии Благовещенского мединститута (Амурская область), которой руководил известный советский невролог, проф. Григорий Яковлевич Либерзон. С приходом Валентины Николаевны, которая активно занималась наукой, завершилось создание клинической базы кафедры, что способствовало значительному повышению знаний врачей психиатров. Среди учителей Валентины Николаевны в то время был один из создателей геронтологической психиатрии в СССР, проректор по научной работе 1-го ММИ, проф. Василий Михайлович Банщиков (1898–1992). В 1966 г. Валентина Николаевна блестяще защитила докторскую диссертацию на тему: «Психические расстройства при церебральном атеросклерозе и гипертонической болезни (клиника, течение, лечение, патогистология)». Многие положения ее диссертации увидели свет на страницах монографии «Атеросклероз сосудов мозга с психическими нарушениями» (В. М. Банщиков. – М.: Медицина, 1967. – 296 с.), получившей в том же году премию им. С. С. Корсакова.

В 1968 г. В. Н. Белоусова избрана по конкурсу завкафедрой психиатрии Ижевского мединститута. Она постоянно заботится о совершенствовании учебного процесса, много внимания уделяет воспитанию молодых психиатров, проводит систематическую работу по повышению квалификации практических врачей Удмуртии. При участии Валентины Николаевны была открыта ныне существующая Республиканская клиническая психиатрическая больница, организованы практически все ее структурные подразделения.

В. Н. Белоусова была заместителем председателя Удмуртского общества невропатологов и психиатров, вела большую санитарно-просветительную работу. Совместно со своими учениками проводила серьезные научные изыскания, результаты которых защищены ими как кандидатские диссертации. Так, исследовалась проблема эпилепсии (В. Т. Лекомцев, 1974), изучались экзогенно-органические заболевания (В. Я. Сидельников, 1975), в том числе – сосудистые (Е. П. Городилова, 1975 и А. И. Воробьева, 1991), большое внимание уделялось природно-очаговой болезни – клещевому энцефалиту (Л. А. Щинова, 1987 и ее же монография, 1992).

После выхода на пенсию В. Н. Белоусова продолжала активную консультативную и научную работу. Рецензировала сборники трудов кафедры, проводила клинико-диагностические конференции, клинические разборы и консультации, помогая молодым докторам разобраться в тонкостях психиатрической диагностики. В быту Валентина Николаевна была легка душой, приветлива, ей нравилось принимать и попотчевать гостей. Много читала, в том числе – современную художественную литературу (романы Б. Акунина), любила живопись, тонко разбиралась в ней.

«Валентина Николаевна умеет слушать людей. Умеет и часто улыбается. Жизнь не легка, но всего в жизни Валентина Николаевна Белоусова достигла своим трудом. С большим почтением относится она к своим коллегам», – отмечал профессор, доктор медицинских наук Георгий Эльевич Шинский.

Валентина Николаевна сочетала в себе доброту, внутреннюю честность, огромное интеллектуальное богатство и тонкое знание жизни. Уже после своего 90-летия она активно переписывалась с московской писательницей Аталией Беленькой, результатом чего стала книга «Раздвинь потолок закопченный сиреневым буйным кустом» (М., 2009) – книга о мудрости, практически – небольшое руководство по «софотерапии». Учитель нескольких поколений психиатров Валентина Николаевна врачует душевные раны, используя сокровищницу своих эмоций, глубокий ум и огромный жизненный опыт. Целебные письма ее уникальны. В текстах нет ничего лишнего, они – средоточие смысла, и какого смысла! Простым ясным языком повествуется о тончайших переживаниях страдающей души. Разговор идет на языке филигранного и глубокого чувствования мира, особого внутреннего мира, в котором большая часть человечества, не затронутая личным горем, не живет. Такое целительство средствами души непременно наводит читателя на собственные ответы, как на самом деле устроена наша непростая жизнь, полная бурь и страданий, при этом обязательно видится положительная, светлая грань реальности, путь к ресурсам, энергии, возрождению. Валентина Николаевна делится уникальными, во многом только ей доступными знаниями о том, как в действительности выглядит динамика движений живой души, что в жизни ценно на самом деле, как жить и выживать с горем, одиночеством, что светлого несет в себе пожилой (за 90 лет) возраст.

Валентина Николаевна очень любила книгу Альберта Швейцера «Благоговение перед жизнью», многие строки знала наизусть, неоднократно перечитывала томик, говорила, что каждый раз открывает что-то новое. Ныне целебные письма нашего Учителя и частично опубликованные воспоминания дополняют то самое, присущее мудрым людям, благоговение перед жизнью.

Есть преподаватели, составляющие золотой фонд вуза. Ими гордятся при жизни, и память о них надолго переживает их физическое существование. Объясняется это не только их научными заслугами, но и особым складом души, способностью вызывать к себе искреннюю любовь и уважение. Такой была Валентина Николаевна Белоусова, Учитель нескольких поколений психиатров Удмуртии.

Поступила в редакцию 4.03.2014

Ковалев Юрий Владимирович,

доктор медицинских наук, профессор,

ГБОУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия»

426054, Россия, г. Ижевск, ул. 30 лет Победы, 100,

E-mail: psy.igma@yandex.ru

Каменщиков Юрий георгиевич,

кандидат медицинских наук,

БУЗ и СПЭ «Республиканская клиническая психиатрическая больница

Ю. В. Ковалев, Ю. Г. Каменщиков, В. Т. Лекомцев

МЗ Удмуртской Республики»
426054, Россия, г. Ижевск, ул. 30 лет Победы, 100,
E-mail: psy.igma@yandex.ru

Лекомцев Владислав Тимофеевич,
кандидат медицинских наук, доцент,
ГБОУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия»
426054, Россия, г. Ижевск, ул. 30 лет Победы, 100,
E-mail: psy.igma@yandex.ru

Kovalev Yuriy Vladimirovich,
Doctor of Medicine, Professor, Head of Psychiatry Department,
Izhevsk State Medical Academy
426054, Russia, Izhevsk, 30-let Pobedy St., 100
E-mail: psy.igma@yandex.ru

Kamenschikov Yuriy Georgievich,
Candidate of Medical Sciences,
Udmurt Republican clinical psychiatric hospital
426054, Russia, Izhevsk, 30-let Pobedy St., 100
E-mail: psy.igma@yandex.ru

Lekomtsev Vladislav Timofeevich,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Izhevsk State Medical Academy
Psychiatry Department,
426054, Russia, Izhevsk, 30-let Pobedy St., 100
E-mail: psy.igma@yandex.ru

ДИСКУССИИ

УДК 902(470.51)

Е. М. Черных

**«ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА» (XIV-е БАДЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ).
ИЖЕВСК, 14–15 ОКТЯБРЯ 2013 г.**

Реализация подавляющего большинства программ и проектов, направленных на развитие гражданских институтов в России, сегодня невозможна без внимания к историко-культурному наследию ее народов. Корректировка стратегических ориентиров государственной политики в сфере охраны памятников истории и культуры, в профилактике проявлений экстремизма и этнической ксенофобии требуют от научного сообщества выработки адекватных механизмов, способных противостоять негативным влияниям и вызовам глобализирующегося мира.

Эта проблема была ключевой в программе Всероссийской научно-практической конференции, проведенной археологами Удмуртского госуниверситета. Археологическая часть наследия, составляя самую многочисленную категорию историко-культурного достояния России, в современных условиях наиболее подвержена разрушениям (несогласованные землеотводы, нелегальные копатели, любители металлопоиска и т.п.), так что проблема ее выявления, учета и репрезентации вызывает наибольшую озабоченность. Потери, которые несет государство в последние годы в сфере археологии, ни с чем не сопоставимы. Неслучайны недавние поездки В. В. Путина в Старую Ладугу и Фанагорию, а также заявления Д. А. Медведева на совещании с деятелями культуры во Владимире и др. Знакомство с памятниками археологии на месте их расположения, в естественном окружении, как писал полвека назад выдающийся советский археолог О. Н. Бадер, «...дает, несомненно, больше, чем знакомство с ним в музее или в книге по иллюстрации...», что, наконец, начинает осознаваться в самых высоких сферах истеблишмента. Весомым основанием для серьезного собрания археологов, историков и краеведов стала Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., участие в которой явилось для нас зоной ответственности и проверки профессиональной состоятельности.

Конференция планировалась в рамках выполнения этой программы. Участником на конкурсной основе стал научно-образовательный центр «Исто-

рико-культурное наследие», объединивший сотрудников кафедры археологии и истории первобытного общества, Института истории и культуры народов Приуралья, Камско-Вятской археологической экспедиции и Археологического музея. Приехали ученые из 24 научных и образовательных учреждений 16 городов России. Широкий тематический спектр докладов и их обсуждение носили живой и заинтересованный характер.

Конференция продемонстрировала стремление ученых различных сфер гуманитарного и естественнонаучного знания сообща решать наболевшие вопросы науки, культуры и образования, а также выявила трудности в преодолении барьеров субъективного и объективного характера. Остро обсуждалась такая наболевшая проблема, как профессиональное археологическое образование. Эта дисциплина почти исчезла из учебных планов бакалавриата, а сроки учебных полевых практик сократились вдвое. Между тем стране остро необходимы квалифицированные кадры специалистов-археологов для работы в зонах хозяйственного строительства, в государственных и общественных структурах охраны историко-культурного наследия разного уровня, в музеях, образовательных центрах и др.

На открытии конференции проректор по науке и инновациям УдГУ И. В. Меньшиков подчеркнул важность поднятой темы, решимость руководства вуза и дальше способствовать институализации науки, занимающейся разработками фундаментальных проблем, в том числе, тех, что обозначены в программе конференции. Проф. Р. Д. Голдина обратила внимание участников на вариативность путей и форм охраны, использования и популяризации ИКН, прежде всего, археологического, в деятельности созданной ею 40 лет назад Камско-Вятской археологической экспедиции УдГУ. Декан исторического факультета Н. Ю. Старкова, в ответ на замечание И. В. Меньшикова об эмпиричности подхода историков к проблеме наследия, возразила, что сегодняшняя практика историков (и наш факультет здесь не исключение), напротив, все чаще может быть выражена через понятие «public history». Цель такой работы – во-первых, приблизить исторические науки к общественному сознанию, а во-вторых, активно формировать такое сознание.

Работа конференции проходила в четырех секциях: 1) историко-культурное наследие Урало-Поволжья: новые исследования; 2) актуализация историко-археологического наследия: региональный аспект; 3) новые технологии выявления и изучения ИКН и 4) понятие социально-исторической памяти: философские и социологические аспекты изучения. Сотрудничество со специалистами в области философии и социологии открыло новую страницу в опыте проведения такого рода конференций. В докладах *О. Н. Бушмакиной, Н. Б. Поляковой, И. С. Яндараевой, А. В. Яркеева* прозвучали философские и социологические оценки феномена памяти, форм ее бытования (индивидуальная, коллективная, социальная, историческая), проблемы соотносительности памяти и истории, особенностей субъективации памяти, конструирования идентичности и исторического дискурса в структурах памяти. Практическими иллюстрациями усилий современного общества, направленных на активное формирование социально-исторической памяти, был наполнен доклад *О. Ю. Кузвановой и В. М. Терехина*, рассказавших об опыте ученых Республики Коми, которые инициировали

и реализовали проект организации «Центра “Наследие” имени Питирима Сорокина». В круг его задач, помимо традиционных (изучение и популяризация интеллектуального наследия этого «гиганта социологической мысли XX века»), входит и инновационная составляющая, направленная на актуализацию культурного наследия: включение его в современную жизнь посредством современных технологий, «интерактивности и гиперсреды».

Представляется, что полноценное сохранение в России культурного наследия возможно лишь в том случае, если оно входит в целостную «картину мира» местного населения, воспринимается им как необходимый элемент «среды жизни». Закономерно, что этой теме была посвящена отдельная секция. Она получила серьезную поддержку не только такого испытанного бойца, как проф. Е. Ф. Шумилов, но и молодых исследователей, прежде всего – обучающихся по магистерским программам «историко-культурное наследие и развитие современной музеологии» (ИФ) и «Туризм» (ИСК). Было заслушано 8 докладов, касавшихся различных форм актуализации историко-культурного наследия. *Е. Ф. Шумилов* вынес на обсуждение вопрос культурологического осмысления такого шедевра промышленной архитектуры, как Главный корпус Ижевского оружейного завода. Он предложил рассматривать его через понятие «Мегамшины», введенное Л. Мэмфордом для обозначения рационализированной технократической организации общества, наподобие ирригационных систем междуречья Тигра и Ефрата или пирамиды Хеопса, полагая, что таким же образом можно определить феномен Ижевск XIX в. как единого механизма, нацеленного на военно-промышленное производство. История модернизации и реконструкции Главного корпуса на протяжении XX в., проводившаяся, увы, спонтанно и без серьезных обоснований, привела только к новым разрушениям, что вызывает главную тревогу за этот объект и в наши дни.

Л. Д. Макаров обратил внимание участников конференции на актуальность археологических исследований в исторической части Сарапула. То особое положение, которое занимает этот город среди других русских поселений Прикамья, по мысли автора, заслуживает иного уровня охраны, чем тот, который он имеет сегодня. Докладчик также подчеркнул необходимость и перспективы исследований культурного слоя в низинной части городской застройки, где мощность напластований, насыщенность их влагой, обеспечивают особые условия для сохранения органики, как это можно видеть на примере уже целого ряда русских городов (Новгород, Старая Русса, Смоленск и др.). Без современных исследований культурного слоя Сарапула немыслимы никакие попытки реконструкции архитектурного облика сооружений, установления древней (дорегулярной) планировки городского поселения.

Пятилетним опытом выстраивания отношений с различными уровнями власти в сфере сохранения и использования историко-археологического наследия Прикамья поделились *С. А. Перевозчикова* и *Е. М. Черных*. Акценты были расставлены на различных формах работы, проводимой на памятниках археологии, расположенных на особо охраняемых природных территориях (Национальный парк «Нечкинский» и природный парк «Усть-Бельск»). Согласно основным положениям Федеральных законов № 73-ФЗ и № 36-ФЗ,

деятельность здесь выстраивается через регулярный мониторинг ОКН, сплошное разведочное обследование территорий, стационарные исследования наиболее значимых объектов, просветительские программы (лекции для учащихся сельских школ, учебные экскурсии к памятникам археологии, организация выставок, краеведческих экспедиций и летних школ). Особо отметили докладчики участие муниципальных органов, администрации парков и общественности в позиционировании объектов культурного наследия, а также в издательской деятельности. Такая работа способствует формированию позитивного общественного мнения, готовности к активным совместным усилиям в деле сохранения культурного наследия. В работе секции представлен блок докладов, посвященных археологическому наследию в музеях и туристско-экскурсионная тематика. Эту серию открыл доклад *К. А. Руденко* об истории формирования археологических фондов в музеях Республики Татарстан. Он обратил внимание на такие особенности хранения археологических коллекций, как сохранность и доступность материалов, отсутствие возможностей для надлежащей реставрационной деятельности. Масштабность археологических исследований в РТ в 1970–80-е гг. поставила перед музеями проблему: как быть с массовым материалом? Сегодня же возникла неожиданная дилемма: оказавшись в условиях рыночной экономики, музеи вынуждены зачастую отодвигать на второй план научные требования к фондообразованию, хранению и экспозиционно-выставочной деятельности. *Д. Ф. Файзуллина* проанализировала опыт учреждений РТ в использовании археологического наследия в туристско-рекреационной сфере. К историческому опыту СССР был обращен доклад *О. В. Ветошкиной*. Документы, отложившиеся в ЦГА УР и проанализированные ею, выявили цикличность в истории отечественного туризма. Так, небольшой эпизод из истории 1930-х гг. наглядно показывает, как молодое Советское государство, решая задачи индустриализации и культурного строительства, использовало добровольческое движение (Всесоюзное общество пролетарского туризма и экскурсий) для достижения далеко идущих целей, а именно: повышения обороноспособности страны. В те годы туризм впервые стал рассматриваться как один из видов организации пролетарского досуга и важнейший стратегический ресурс страны победившего социализма.

Традиционное направление в работе Бадеровских чтений, вошедших в региональную археологическую науку более четверти века назад, – собственно оперативное ознакомление с результатами новейших полевых исследований. Прозвучавшие здесь доклады и сообщения можно дифференцировать на два тематических блока: 1) новейшие полевые исследования и открытия прошедшего сезона; 2) обобщение новых материалов. Сообщения в первом блоке касались, главным образом, итогов охранных полевых работ, проводимых в Урало-Поволжском регионе. *А. Л. Кряжевских* познакомил с результатами разведочных работ Кировского научно-производственного центра летом 2012 г. в зонах хозяйственного освоения Слободского, Кирово-Чепецкого р-нов, в черте городской застройки Кирова, а также мониторинга памятников в пределах Малмыжского р-на. Основной результат – осмотрено состояние 26 уже известных и открыто 10 новых объектов археологии.

Г. А. Степанова доложила о результатах трехлетних раскопок нового памятника в центральной Удмуртии – поселения Зура I (Игринский р-н). Рассмотрев особенности керамического комплекса и вещевого инвентаря, в сравнении с синхронными древностями близлежащих территорий, автор приходит к обоснованному выводу об атрибуции этого памятника как позднегляденовского, близкого памятникам III–V вв. в осинском Прикамье.

Обобщение пока не введенных в широкий научный оборот новых материалов, полученных за последние 20 лет, было предложено в выступлениях Л. А. Вязова, А. Ф. Мельничука, Е. Л. Лычагиной, Е. Л. Русских, А. В. Егорова. А. Ф. Мельничук представил два доклада, касающиеся двух территориальных групп неолитических памятников: Северного и Удмуртского Прикамья. В первом сообщении, подготовленном в соавторстве с М. С. Бурмасовым, он подчеркнул своеобразие памятников верхнего течения Камы и бассейна Вишеры, заключающееся в их культурной и хронологической неоднородности. Второй доклад (в соавторстве с Э. В. Чуриловым и П. А. Балыбердиной) базировался на систематизации материалов, полученных при раскопках В. П. Денисовым в 1969–1974 гг. многослойных поселений в левобережье Камы, в пределах удмуртского ее течения. Неолитические комплексы были выявлены при работе с коллекциями восьми памятников и, особенно, поселений Заборное озеро I, Непряха VI и Непряха VII. Автор выделил в них не менее 7 культурно-хронологических групп керамики, отражающих разные этапы в развитии камского неолита и различные истоки носителей данных керамических традиций.

Два доклада, посвященных анализу каменной индустрии неолита, предложила Е. Л. Лычагина вместе с молодыми исследователями Е. Н. Митрошиным и Н. С. Шмыриной. Использование типологического и трасологического методов позволило авторам сделать ряд важных наблюдений над особенностями использования сырьевой базы в неолите Прикамья и распределением на памятниках типа Хуторской стоянки наборов орудий из кремня.

Л. А. Вязов в докладе «О культурно-хронологических группах населения Самарского и Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов» обратил внимание на новые памятники, исследуемые в последние годы на этой территории, а также на новые аспекты в понимании динамики этнокультурных процессов в регионе Среднего Поволжья. Особый акцент был сделан на выделении нового пласта древностей первой половины I тыс. н.э., связываемых автором с группами позднекифского и позднесарматского населения, а также с кругом памятников киевской культуры Среднего Поднепровья.

Булгарский компонент в этнокультурной панораме региона был рассмотрен в докладе А. В. Егорова, предложившего свое видение материалов чепецких городищ X–XIII вв., прежде всего – Иднакара. Автор разделяет взгляд ряда исследователей на присутствие в Удмуртии, в частности на Чепце, постоянных торговых форпостов булгар, солидаризируясь здесь с А. М. Белавиным в выделении особого типа памятников – рождественско-елабужского. Вместе с тем, в докладе Е. Л. Русских, напрямую касавшемся одного из таких «форпостов» (в понимании А. В. Егорова) – Кушманского городища, – был охарактеризован производственный инвентарь (тигли, литейные формы, льячки), по мнению ав-

тора, демонстрирующий в целом традиционный для средневекового населения Чепцы облик и местную линию производственной деятельности мастеров цветной металлообработки.

Еще один аспект в изучении древнеудмуртского историко-культурного наследия был затронут в докладе *К. А. Руденко* и *Н. И. Шутовой* о полевых исследованиях удмуртских и татарских ученых на Арском городище. Работы, проводившиеся на этом памятнике в 1990-е гг., пока не получили освещения в литературе, но с учетом новейших изысканий, выполненных в ходе охранных работ в начале нового тысячелетия, они должны быть опубликованы как можно скорее.

Динамично прошла работа секции об использовании новых технологий в изучении объектов культурного наследия. Несколько докладов были посвящены внедрению в полевые исследования археологов Урало-Поволжья междисциплинарного подхода. Открыли эту серию доклады *Т. Б. Никитиной* и *В. Г. Бездудного*, представивших результаты исследований на новом памятнике X–XI вв. н.э. в Марийском Поволжье – Русенихинском могильнике. Как подчеркивали докладчики, использование геофизических методов, в частности, магнитометрии, позволило не только в короткие сроки определить особенности планиграфии памятника, но и высказать несколько принципиально важных тезисов, касающихся механизмов взаимодействия местного древнемарийского населения с переселяющимися с правобережья Волги группами иного происхождения.

В. Г. Бездудный указал на ряд причин (в частности высокую залесенность территории памятника археологии), не позволивших применить метод георадиолокации, неплохо зарекомендовавший себя на памятниках степной и лесостепной зоны. Большой интерес вызвали доклады *М. Г. Ивановой* (совместно с *А. Кирилловым* и *Г. А. Степановой*) об исследованиях планировки чепецких городищ – Кушманского и Иднакар. Работы на Иднакаре давно стали визитной карточкой археологов Удмуртии, но, как отмечалось в обсуждении, их исследователи продолжают активно внедрять приемы и методы ГИС-технологий, открывая все новые грани жизнедеятельности чепецких племен. В частности, *Г. А. Степанова* познакомила с результатами аналитического изучения внешней части городища Иднакар, отличающейся от мысовой и центральной, слабостью культурных напластований, усугубленной антропогенными разрушениями слоя и объектов в нем. Интересным представляется вывод авторов о динамике расширения жилой площадки и характере ее использования на разных этапах.

Кушманское городище совсем недавно (2011) вернулось в орбиту интересов археологов. Предварительные итоги его исследований подвели *М. Г. Иванова* и *А. В. Кириллов*. Реализация в ходе изучения памятника междисциплинарного проекта под руководством *И. В. Журбина* довольно оперативно продемонстрировала перспективность изучения основных структурных частей в планировке этого укрепленного пункта, без выполнения широких раскопочных работ.

Ближних аспектов касалась в своем выступлении *Е. М. Черных*, представившая результаты совместных с Институтом археологии РТ и Вятским государственным гуманитарным университетом раскопок Скорняковского городища (р. Вятка). Акцент в методике исследований был также сделан на междисциплинарность. В рамках данного доклада, подготовленного с археологом

А. А. Чижевским и геологом *А. А. Хисяметдиновой*, авторы рассмотрели лишь одну из граней междисциплинарных исследований – итоги литолого-геологического изучения вала и рвов городища, позволившие им выйти на уровень развернутой аргументации технико-технологических возможностей строителей раннего железного века и средневековья.

В докладе *О. А. Казанцевой* прозвучали новые данные об использовании органических материалов в погребальном обряде населения бассейна р. Тулга в начале I тыс. н.э. (с опорой на материалы Красноярского могильника). Основываясь на результатах естественнонаучного исследования, она отметила (пока гипотетические) различия в предпочтении тех или иных видов древесных пород для устройства погребальных конструкций. Хронологические или этнокультурные признаки обусловили отмеченные различия – вопрос, на который еще предстоит ответить по мере накопления базы данных подобных определений.

В докладе «Перстни удмуртов XVI–XIX вв.» молодой исследовательницы из Ижевска *А. А. Русаевой* были представлены результаты морфолого-технологического изучения довольно распространенной категории украшений, до сих пор не получавшей столь обстоятельного освещения в региональной литературе. Выводы, дополненные пока небольшой серией анализов химического состава металла, существенно раздвинули познавательную сферу археологии в изучении материальной культуры удмуртов.

Кто-то из серьезных людей заметил, что «один из парадоксов сегодняшней культурной ситуации – сосредоточение инициативных, ярких, талантливых подвижников культуры на одном берегу культурной жизни общества, а средств, знаний, юридических прав в лице учреждений и органов культуры – на другом».

Этот парадокс оказался в центре внимания участников Круглого стола «Механизмы взаимодействия государства и общества в политике и практике сохранения и использования историко-культурного наследия», обязанности модератора которого любезно взяла на себя *Н. П. Девятова*, начальник Центра охраны объектов культурного наследия МК УР. Для обсуждения было предложено несколько узловых проблем современной культуроохранной деятельности: 1) историко-культурная экспертиза; 2) проектная деятельность; 3) регламентация охраны памятников археологии. Доверительному разговору задала тон специалист отдела охраны памятников истории и культуры МК УР *И. Ю. Смирнова*, доложившая об основных проблемах, стоящих сегодня перед госорганом охраны Республики. Она сформулировала предложения, способные изменить сложную ситуацию в региональной сфере охраны ИКН, часть которых после обсуждения была включена в итоговую резолюцию конференции.

Ю. П. Чемякин затронул весьма болезненный для науки аспект выполнения проектов, связанных с проведением крупных спасательных работ в России, а именно: вопросы профессиональной ответственности за качество раскопок. Он привел конкретные факты, с которыми приходится сталкиваться в последние годы не одним уральским археологам. Их решение лежит не только в зоне личной ответственности археолога (с этим могло бы справиться и само профессиональное сообщество), но и в системе тэндеров, когда исполнитель работ выигрывает не благодаря своей профессиональной подготовке и опыту, а в результате прямого

демпинга. Экономические рычаги решают таким образом лишь проблемы конкуренции на рынке работ, но не качество выполненной работы. Нельзя забывать, что проигрывает в этом случае не та или иная подрядная организация, а часть нашего общего национального достояния, причем, увы, ее невосстанавливаемая часть.

Н. П. Девятова дала обстоятельный анализ проблем, с которыми сталкиваются специалисты при проведении государственной историко-культурной экспертизы, прежде всего – той документации, которая призвана обосновать проведение работ по сохранению объекта культурного наследия. Практически с двумя докладами выступила *Л. Ф. Князева*, рассказавшая об опыте проектной деятельности в УР. Проектный подход – признанная сегодня основа государственной управленческой идеологии. Именно такой подход к сохранению историко-культурного наследия уже позволил реализовать ряд интереснейших идей по использованию материальных и нематериальных объектов в социокультурной и экономической сферах жизни региона. В частности, многолетний проект по изучению уникального культурного потенциала Сибирского тракта и включению его в туристско-рекреационную сферу целого ряда районов Удмуртии и республики в целом; это и проект создания «Музейного квартала» в Ижевске. *Е. В. Чуйкина* предложила к обсуждению такой актуальный вопрос, как установка информационных надписей и обозначений на памятниках археологии, подчеркнув, что требование ст. 27 Федерального закона № 73-ФЗ о необходимости их установки вскрывает ряд проблем, связанных с ее исполнением. Проблемы эти носят нормативный, организационный и моральный характер. В качестве иллюстрации автором был предложен ряд фотографий уже имеющихся знаков на объектах культурного наследия Пермского края, установленных разными людьми и организациями в разное время. Пестрота и неполнота информации диктуют, по мнению докладчика, необходимость разработки и утверждения на федеральном уровне регламента для установки таких знаков на объекты археологического наследия, подобно тому, что уже имеется в практике дорожной службы или ООПТ. В итоге состоявшегося обсуждения был принят проект резолюции конференции, с которым можно ознакомиться на официальном сайте Удмуртского госуниверситета. Материалы конференции как важный результат ее работы уже изданы в виде сборника научных статей.

Поступила в редакцию 27.12.2013

Черных Елизавета Михайловна,

кандидат исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: emch59@mail.ru

Chernykh Elizaveta Mihaylovna,

Candidate of Sciences (History), Professor,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: emch59@mail.ru

О Т З Ы В Ы

УДК 39(049.32)

Р. Р. Садиков

**О ДИССЕРТАЦИИ И. К. НАЗМУТДИНОВОЙ
«СЕМЕЙНЫЙ ЭТИКЕТ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ
И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ УДМУРТОВ»**

Диссертационное исследование И. К. Назмутдиновой посвящено исследованию семейного этикета удмуртов, его проявлений в традиционной и современной культуре этноса. Актуальность и значимость данной проблемы не вызывает никаких сомнений. Семья, как важнейшая составная часть человеческого социума, является хранительницей и воспроизводящей структурой многих культурных явлений и стереотипов поведения, в том числе и психологических черт и менталитета народа. Более того, семья, в кризисных ситуациях, когда разрушаются общественные институты культуры, способствует ее сохранению и преемственности. Прочность уз разных поколений семьи способствует трансляции традиций и культуры в целом, одновременно обогащая и корректируя ее отдельные элементы.

В связи с этим исследование семейного этикета, то есть «особого поведенческого языка», выработанного тысячелетней историей народа, представляет несомненную важность и актуальность, практическую и научную значимость. Комплексного исследования семейного этикета удмуртов до сегодняшнего дня проведено не было. Подобных исследований у других народов России немного.

Исходя из названия работы, можно было бы предположить, что основной упор будет сделан на внутрисемейных отношениях удмуртов. Но, как показывает диссертант, действие семейного этикета простирается далеко за пределы отдельно взятой семьи, затрагивая многие сферы межсемейных коммуникаций. В контексте семейного этикета автор рассматривает многие аспекты традиционной культуры удмуртов, как-то: отношения внутри семьи, крестьянскую взаимопомощь, традиции гостевания, обычаи приветствия и прощания. Как отмечает И. К. Назмутдинова, в этот круг можно было бы включить правила и нормы поведения с другими народами, представителями органов власти, будничные взаимоотношения (с. 229). Такая подача материала нам представляется новаторской и не позволяет «замыкать» семейный этикет рамками отдельной семьи.

Большое преимущество работы также в том, что проявления традиционного семейного этикета рассмотрены в современном удмуртском обществе, когда они порой приходят в противоречие с нынешними реалиями.

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Во введении диссертант обосновывает актуальность темы исследования, ее объект и предмет, очерчивает хронологические и территориальные рамки, показывает степень разработанности проблемы, формулирует цель и задачи работы, анализирует источниковую базу, обосновывает научную новизну, теоретическую и практическую значимость, детально характеризует методологическую основу исследования, определяет основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Семейный этикет в системе изучения этнографии этноса», состоящей из четырех параграфов, дается анализ терминологических определений и дефиниций, используемых в работе, подробно обосновывается теоретико-методологическая база исследования. Анализируются труды известных («авторитетных», по словам диссертанта) этнологов, посвященные базовым понятиям: «традиция», «обычай», «обряд», «ритуал». Подытоживая анализ, диссертант пишет: «Многообразие точек зрения на базовые категории исследования говорит об их тесной взаимосвязи. Этикет нельзя отделить от обычаев, обрядов, ритуала, так или иначе, он всегда присутствует в них» (с. 55). Рассмотрены также история возникновения, механизмы происхождения, этимология понятия «этикет».

В главе раскрываются типология и сущность удмуртской семьи, ее история и современное состояние, истоки традиционного семейного этикета, основы которого, по мнению диссертанта, обусловлены древними религиозными верованиями, взаимоотношениями с соседними народами и природным ландшафтом (с. 71).

Ознакомление с первой главой диссертации показывает, что автор глубоко знает основные теоретические труды по теме работы, хорошо разбирается в существе рассматриваемых проблем.

Во второй главе «Внутрисемейные отношения в удмуртском обществе» тщательно проработаны проявления семейного этикета в обрядовой и бытовой сферах, во взаимоотношениях между разными поколениями семьи. Большое внимание уделяется статусу снохи.

В первом параграфе рассматривается обрядовая сфера семьи (родины, свадьба, похороны/поминки). На первый взгляд, данная тема давно уже исследована. Но диссертант подходит к ее рассмотрению с точки зрения места, роли и обязанностей каждого члена семьи/родственных семей, то есть с точки зрения семейного этикета: кто и как должен себя вести в том или ином случае как актер обряда, чтобы не нарушить ее целостность. Внутрисемейный этикет рассматривается в сравнении удмуртов, проживающих в республике и за ее пределами. Диссертантом обнаружено множество различий у разных групп удмуртов, что объясняется иноэтничным и иноконфессиональным влиянием.

Второй параграф «Пол и гендер в удмуртской семье: этикет и этика» – новаторство в удмуртской этнографии, поскольку специальных работ, посвященных данной проблеме, пока не было. Эти вопросы рассматривались в различных работах, но в аспекте других проблем. Автор детально прорабатывает гендерные

роли в удмуртской семье, показывает локальные различия. Представляется значимым вывод о том, что в семьях закамских удмуртов мужчина играл в семье более главенствующую роль, чем у удмуртов-христиан (с. 142). Здесь же, впервые в удмуртоведении, рассмотрены вопросы несоответствия поведения отдельных представителей общества стереотипным гендерным формам, то есть неписанность их в определенные образы маскулинности и феминности.

Третий параграф посвящен этикету во взаимоотношениях родителей, детей и внуков. Показаны механизмы трансляции в традиционном обществе этикетных норм от поколения к поколению, от бабушек и дедушек к внукам и далее, а также нарушение этого принципа в настоящее время.

В четвертом параграфе рассматривается статус снохи в удмуртской семье. Данная проблема в удмуртской этнографии также не была пока глубоко изучена. Основываясь на конкретных примерах, диссертант характеризует различные статусные роли снохи в удмуртской семье, в первую очередь зависящие от ее личных трудовых качеств, социального положения и др. Выявлены локальные различия в положении снох у различных групп удмуртов. Делается обоснованный вывод, что «на долю снохи, по сравнению с другими членами семьи, приходилось гораздо больше регламентирующих ее поведение норм и требований» (с. 168).

В третьей главе «Межсемейные формы коммуникативного поведения удмуртов» выделены различные формы гостевого этикета, повседневного общения, традиции взаимопомощи и взаимовыручки.

В первом параграфе анализируются традиции коллективной взаимовыручки как формы повседневного общения соответственно общепринятым нормам поведения, их видоизменение в советский период и степень сохранности в настоящее время. Зафиксированы локальные вариации у различных групп удмуртов.

Во втором параграфе рассмотрен гостевой этикет удмуртов. Хотя он неоднократно становился предметом исследования в удмуртской этнографии, но диссертант подходит к традициям гостеприимства удмуртов в контексте семейного этикета. Сама традиция гостевания глубоко вкоренена в межсемейные коммуникации удмуртов, являясь индикатором гармоничных отношений. В то же время и для отдельной семьи (как отмечает И. К. Назмутдинова) гостевые формы общения крайне необходимы, так как включают ее в равноправный круг семей, символизируют достаток и благополучие и др. (с. 210–211).

В третьем параграфе «Лексемы приветствия и прощания удмуртов» анализируется речевой этикет удмуртов различных локальных групп. Практика традиционных приветствия и прощания также не становилась до настоящего времени предметом отдельного исследования. Диссертантом собраны и систематизированы формулы приветствия и прощания, показаны их эволюция и иноэтничные влияния.

В Заключении подведены важнейшие итоги исследования. Диссертант отмечает, что семейный этикет удмуртов – составная часть самобытной культуры народа, он пронизывает внутри- и межсемейные отношения, обычаи и традиции, народную педагогику и др. В современных условиях удмуртский этикет, как живая развивающаяся система, впитывает многие другие формы и видоизменяется (с. 229).

Основные достоинства диссертационного исследования

Впервые в удмуртской историографии в систематизированном виде даны описание и анализ семейного этикета удмуртов, его проявления во внутри- и межсемейных коммуникациях. Исследование семейного этикета проведено в сравнительном аспекте: в группах удмуртов «метрополии» и закамских удмуртов, проживающих в Башкирии и Пермском крае.

Впервые детально и добротнo проанализированы гендерные взаимоотношения в удмуртской семье. Сделан важный вывод о значительной роли «мужского» начала в традиционной культуре закамских удмуртов-язычников, что диссертант объясняет влиянием соседних мусульманских народов. Важная заслуга исследователя в том, что впервые в удмуртской историографии досконально разрабатывается вопрос о статусе снохи в удмуртской семье. Также впервые диссертантом собраны и проанализированы лексемы приветствия и прощания у различных локальных групп удмуртов. Рассмотрены современные формы бытования семейных обрядов и обычаев, показано приспособление традиционных форм к современным условиям, усвоение общероссийских и европейских норм и традиций.

Ценность и актуальность работы состоит также в том, что она базируется преимущественно на новом фольклорно-этнографическом материале (полевые материалы автора) и на архивных источниках. Таким образом, в научный оборот вводится значительный корпус новых сведений по истории и культуре удмуртов.

Помимо научной ценности, представленная к защите диссертация, несомненно, имеет практическое значение и может широко использоваться при разработке и подготовке обобщающих трудов по этнографии удмуртского народа, при составлении спецкурсов по семейно-брачным отношениям и т.д. Результаты работы, несомненно, будут полезны для специалистов по работе с семьями и молодежью. Кроме того, диссертация в монографической форме должна стать настольной книгой для молодых удмуртских семей.

Некоторые замечания

1. Необоснованность территориальных рамок исследования. Не совсем понятно, почему исследование охвачены удмурты, проживающие в 13 районах Удмуртии, одном районе Пермского края и 2 – Башкортостана. С последними 3 районами более или менее понятно, здесь (точнее еще в 6 районах Башкирии) проживают закамские удмурты. Что касается 13 районов Удмуртии – никакой ясности: ведь удмурты, проживающие в них, не составляют единую этнографическую группу, у них разные культурные традиции. Почему тогда оставлены в стороне удмурты Татарстана и Кировской области? Стоило, скорее всего, ограничить круг районов Удмуртии – северными или южными.

2. Недостаточно сравнительного материала о других народах, местами имеются только ссылки на марийские материалы.

3. Неточное написание и перевод некоторых слов закамских удмуртов, заимствованных у тюрков. Например, закамские удмурты носовой платочек называют *кулзялык* (заимствование из башкирского языка: «кул» – «рука», «ялык» – «платок»); в написании автора слово приобрело форму «кузялык», которому дается такая интерпретация: «зялык» диал. – «платок», «ку» – «кожа» и др. (с. 163).

Оценивая диссертационное исследование И. К. Назмутдиновой в целом, отметим, что высказанные замечания и пожелания не носят принципиального характера и не снижают высокой положительной оценки работы. Диссертация имеет необходимый уровень актуальности и новизны. Автор проявляет себя высококвалифицированным специалистом в области этнографии.

Диссертационная работа И. К. Назмутдиновой является завершенным, самостоятельным исследованием, выполненным на высоком профессиональном уровне. Выводы обоснованы и достоверны. Она вносит существенный вклад в изучение семейного этикета удмуртов, освещает ранее не исследованные вопросы семейно-брачных отношений, вводит в научный оборот значительный свод новых полевых и архивных источников.

Работа прошла апробацию на ряде научных и научно-практических конференций, в том числе четырех международных. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 17 публикациях, общим объемом 7,0 п.л., в том числе в 4 научных изданиях из списка ВАК. Автореферат и опубликованные автором работы отражают основное содержание диссертации и заслуживают положительной оценки.

Диссертация Назмутдиновой Ирины Константиновны на тему «Семейный этикет в системе традиционной и современной культуры удмуртов» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 74 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. № 475), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Поступила в редакцию 11.12.2013

Садиков Ранус Рафикович,

доктор исторических наук,
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
Уфимский научный центр РАН
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: kissapi@mail.ru

Sadikov Ranus Raficovich,

Doctor of Sciences (History),
Institute of Ethnological Studies named after R. G. Kuzeev
Ufa Scientific Center of Russian Academy of RAS
450077, Russia, Ufa, K. Marks St., 6
E-mail: kissapi@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Статьи, опубликованные в «Ежегоднике финно-угорских исследований», будут включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещены в Научной электронной библиотеке (eLibrary.ru).

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.;

для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место и адрес работы. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034, Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ)

тел./факс: 8 (3412) 916-276

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований
«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 1

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *И. В. Широбокова, Н. Ю. Юрпалова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 26.03.2014. Печать офсетная.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 12,42. Уч.-изд. л. 10,16.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru

Типография ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18.